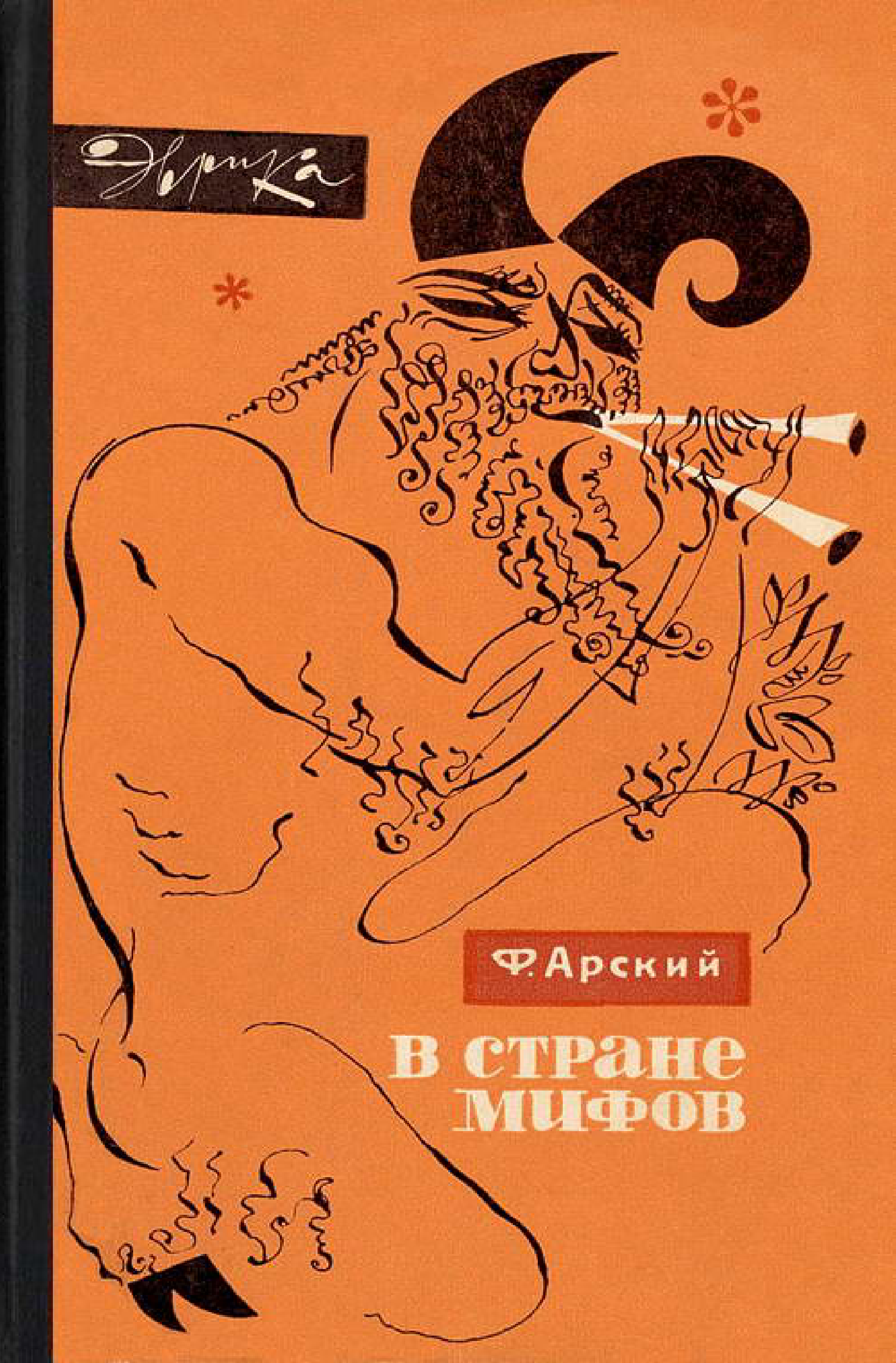

Эврика
Ф. Арский
В стране мифов

Ф. АРСКИЙ

В СТРАНЕ МИФОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
МОСКВА, 1968

9 (3)
А 85

Издание второе, дополненное

Художники Г. БОЙКО, И. ШАЛИТО

ОТ АВТОРА

Чтобы не сбивать читателя двусмысленностью названия книги, сразу признаемся: в ней рассказывается и о мифах — легендах и сказочных преданиях далеких времен, и о народе, их создавшем, — древних греках

Мифов огромное множество Когда то они передавались из уст в уста Позднее их стали собирать, записывать, классифицировать. На их основе возникли первые произведения европейской литературы — поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Мифологические образы и сюжеты проходят через всю античную поэзию, драматургию, изобразительное искусство

Мифы объясняли мир. Они отвечали на многие вопросы, некогда волновавшие людей. как произошла жизнь, в чем суть небесных явлений, что такое смерть, как возникло человеческое общество Мифы выполняли и другую задачу: они являлись своеобразными духовными наставниками, учили и воспитывали, внушали определенную мораль. Появившиеся на заре истории, в первобытную эпоху, мифы в течение многих столетий были составной частью жизни древних эллинов.

Но жизнь эта постоянно менялась, и вместе с ней менялись представления о богах. Уродливых и необузданных чудовищ сменили олимпийские божества, о которых можно, перефразируя слова римского драматурга Теренция, сказать: «Они — боги, и ничто человеческое им не чуждо» Именно с этими богами знакомят вас античные поэмы и трагедии, всемирно известные храмы и статуи.

Как система мировоззрения мифология ушла с исторической сцены, когда начал рушиться античный мир. Но она не исчезла. Подобно легендарной птице Феникс, которая, достигнув старости, героически сжигала себя, с тем чтобы возродиться из пепла обновленной, мифология обрела вторую жизнь в произведениях литературы и искусства эпохи Возрождения и в новое время. К ее темам обращались поэты, драматурги, прозаики, художники, скульпторы, композиторы. Ее героев вспоминали в своих речах ораторы. Древнейшие крылатые выражения прочно вошли в наш обиход.

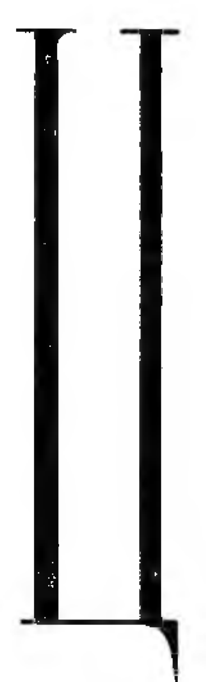
Книга эта вовсе не претендует на то, чтобы быть научным исследованием, хотя в ней и объясняются отдельные мифы Она и не мифологический справочник или путеводитель по мифам. Этой цели с успехом служат ставшие классическими «Легенды и мифы древней Греции», написанные советским историком Н. Куном, и недавно выпущенный специальный «Мифологический словарь». Мы познакомим читателя лишь с основными мифами и с некоторыми сторонами древнегреческой истории и культуры.

Греки создали удивительные произведения литературы и искусства, до сих пор остающиеся для нас непревзойденными образцами. Конечно, греческая культура была неразрывно связана с определенной общественной средой. «Разве был бы возможен, — писал К. Маркс, — тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, ...при наличии железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа?» А между тем, добавлял он, греческое искусство и литература «еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недосягаемого образца».

Как развивалась мифология? Как менялись представления эллинов об окружающем мире? Какой смысл вкладывали они в мифы? На какие вопросы пытались дать ответы? Чем привлекают древние сказания нынешних людей? Что ценно и неповторимо в мифах?

Об этом мы и хотели рассказать в своей книге.

* ПУП ЗЕМЛИ

арь богов Зевс был всемогущим, но далеко не всеведущим. Управляя людьми и наводя порядок на Олимпе, он, естественно, не успевал следить за всем, что происходит в мире. Поэтому нередко, чтобы получить необходимые сведения, он обращался к своим помощникам. Однажды понадобилось ему определить, где находится центр Земли. Твердо убежденный, что Земля — плоский диск и, следовательно, должна иметь центральную точку, он выпустил с запада и востока двух орлов и стал ожидать, где же они сойдутся. Орлы послушно полетели по указанному маршруту (не забыв при этом, что им нужно сохранять одинаковую скорость!) и благополучно встре-

тились в том месте, которое одинаково далеко находилось от обоих краев Земли — Кавказских гор и Геркулесовых столпов. Что за этими пределами Земля кончалась, Зевс не сомневался, а дальнозоркие птицы — уж они-то, несомненно, понимали, как он заблуждается, — решили не разубеждать его.

Итак, встреча произошла. Где? Над святилищем бога Аполлона — в Дельфах. В восторге от того, что ему открылась столь ценная научная истина, Зевс щедро одарил дельфийских жрецов — поднес им... камень, который стали называть Пупом Земли. Это была святыня: его облачали в пышные одежды, умащали благовониями. Охраняли его два отлитых из золота орла. (Как показала история, в охране больше нуждались сами орлы. В середине IV века до нашей эры фокийский полководец Филомел разграбил Дельфийский храм и превратил золотых стражей в звонкую монету, позволившую содержать отряды наемников.)

За что же все-таки почитали остроконечный кусок белого мрамора? Разумеется, не за то, что он являлся географическим указателем. Пуп Земли, оказывается, был спасителем богов и людей. Не будь его — не было бы ни самого Зевса, ни всего человечества.

Мифы рассказывают. Когда-то существовал Хаос — вечная, безграничная зияющая пустота (беспорядочной путаницей его стали считать гораздо позднее!). Хаос породил Мрак и Солнечный свет, Ночь и День, Небо (Уран), Землю (Гею) и темную бездну под Землей — Тартар. Из Хаоса родилась и могучая сила, которая движет миром, — Любовь. Этой силе, конечно, не могли противостоять Уран и Гея. И на свет стали появляться боги. Даже целые поколения богов.

Сначала сторукие чудовища, каждое из которых гордо несло на своих плечах по пятьдесят голов. Удрученный отец, не в состоянии взирать на такое потомство, низверг их обратно в недра Земли.

Потом появились одноглазые исполины — Циклопы. Их постигла та же судьба.

И, наконец, родились Титаны. Великаны как великаны — без каких-либо отклонений от нормы. Вероятно, их участь оказалась бы столь же печальной, потому что предсказано было Урану — свергнет его один из сыновей. Но тут иссякло терпение его многострадальной супруги. Мало того, что на ее долю выпали нескончаемые родовые муки, ей приходилось еще нести тяжкое бремя в своей утробе, куда Уран ввергал злополучных детей. И богиня Земля начала подговаривать титанов отомстить отцу.

Детей Урана — Уранидов — нельзя было упрекнуть в трусости. К тому же племя титанов весьма расплодилось и прибрало к рукам все, чем располагали Небо и Земля. Одни повелевали бурями и ветрами, другие — солнечными, лунными и звездными лучами, третьи — лесами, горами, реками. Океан и Нерей вместе со своими дочерьми — океанидами и нереидами — владычествовали на морях. Мнемосина воплотила в себе память, Фемида — справедливость. Бессмертными и мудрыми были титаны, но даже они преклонялись перед сыновьями титана Япета — Атлантом и Прометеем, проникшим в тайны судьбы и сокровенные думы Матери Земли. Однако любимцем Геи оставался младший сын — Крон (что значит «Всепоглощающее время»). Ему и вручила она победное оружие — волшебный серп.

Незаметно подкравшись к отцу, Крон нанес роковой удар, навсегда лишивший Урана способности производить потомство. Произошла смена владык. Титаны единодушно признали властелином мира коварного Крона. Наступил век блаженства — «золотой век».

Но... Нет правды на Земле. И Крон был бессилен перед судьбой. А она ему тоже предрекла падение от рук собственного сына Где выход? Куда девать собственных детей? Ведь уничтожить-то их нельзя — они же бессмертны. Боги все-таки! Крон стал просто глотать новорожденных. Так он отправил в свой желудок Гестию, Деметру, Геру, Плутона, Посейдона. То же ожидало и младшего Кронида — Зевса, который вот-вот должен был появиться на свет. Тогда

жена Крона — Рея — отправилась на остров Крит и там в пещере спрятала младенца. Вооруженные воины, охранявшие его, ударяли копьями по щитам, чтобы заглушить голос плачущего ребенка, а коза Амалфея покорно выполняла функции кормилицы.

Теперь оставалось самое главное — обмануть Крона. И вот Рея, завернув в пеленки камень, отнесла его чадолюбивому отцу, который радостно и проглотил его.

А когда Зевс подрос, он осуществил пророчество. Но сначала ему понадобилось заполучить верных союзников — собственных братьев и сестер. Крону незаметно дали снадобье, и он изрыгнул проглоченных детей. Первым же, естественно, вышел спасительный камень — тот самый, который Зевс, не без оснований, поместил в Дельфийское святилище, «чтобы всегда там стоял он как памятник смертным на диво».

* С ВЫСОТЫ 2917 МЕТРОВ

«Мы открыли целую художественную эпоху, в наших руках величайшее из уцелевших от древности произведение искусства». Так писал немецкий археолог К. Гуман, нашедший в 1878 году одно из чудес света — алтарь Зевса в Пергаме. Грандиозный памятник девятиметровой высоты был сооружен в начале II века до нашей эры в честь победы Пергамского царства над галатами. Торжество добрых сил над злыми, света — над тьмой — таков был смысл сцен, изображенных на фризах алтаря. Сюжет этих рельефов — битва богов с титанами. «То лучезарные, то грозные, живые, мертвые, торжествующие, гибнущие фигуры... Как я счастлив, что не умер, не дожив до последних впечатлений, что я видел все это!» — восклицал в 1880 году И. С. Тургенев, познакомившийся с отдельными плитами, собранными Берлинским музеем.

Алтарь Зевса должен был прославить богов и царей, увековечить превосходство Пергама над «варварами» (так эллины именовали всех иноземцев, негреков), внушить мысль о неколебимости царства, способного сокрушить врагов — как внешних, так и внутренних. И греческие мастера обратились к древнейшей мифической истории — к своего рода гражданской войне между старым и новым поколением богов. Боги — против титанов, Крониды — против Уранидов.

Десять лет длилась эта гигантомахия, пока, наконец, Зевс, по совету Геи, не обратился за помощью к Сторуким и Циклопам, освободив их из Тартара. Тогда-то и изготовили Циклопы для Зевса молнию, для Посейдона — трезубец, для Плутона — шапку-невидимку. Гремели небеса, охваченные огнем, рушились горы и скалы, вскипали реки и моря.

Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
И содрогнулось, великий Олимп задрожал до подножья
От ужасающей схватки. .
Так они друг против друга метали стенящие стрелы.
Тех и других голоса доносились до звездного неба.
Криком себя ободряя, сходилися боги на битву.

Титаны были повержены. Их заковали в цепи и бросили в Тартар. А охранять их Зевс поручил своим бывшим сторонникам — сторуким чудовищам. Будущей истории человечества был дан убедительный пример того, как надо поступать с теми, кто помогает прийти к власти. Царь богов продемонстрировал блестящее умение пользоваться услугами могучих союзников и вовремя избавляться от них.

Но в глубокой древности битве богов с титанами придавали иной смысл. Нужно было не только объяснить, откуда появились сами боги, но и оправдать их победу. Поэтому титанов воспринимали и изображали как чудовищ. Они словно воплощали в себе самые необузданные, дикие, свирепые и темные силы, враждебные всякому порядку. Они — отголоски представлений тех далеких времен, когда первобытный человек испытывал суеверный страх перед природой.

перед всем, что было сильнее его и непостижимо для его разума

Со временем люди стали сообразительней. Они усвоили, что непонятные явления могут быть не только вредными, но и полезными. Дождь, ветер, солнечный свет, морские волны — все это способно не только вредить человеку, но и помогать ему. Солнечные лучи несли свет, тепло, жизнь, они же грозили и гибелью. Земля и ее недра — начало и конец жизни. Плутон — бог подземного царства, куда ведет последний путь каждого смертного. Но он же когда-то ведал урожаем и считался богом изобилия. Сирены — полуптицы-полуженщины — чарующим пением завлекают на свой остров путников и уничтожают их. Красота несет гибель.

«Я царь — я раб — я червь — я бог»! — гордо ут-

верждал в XVIII веке Державин. Но уже за 2300 лет до этого у греческого комического поэта Эпихарма хватило дерзости объявить:

Мертв я. Мертвый — навоз, и земля состоит из навоза.
Если ж земля — божество, сам я — не мертвый, а бог.

Разумеется, понадобились многие столетия, чтоб человек посмел сравнить себя с богами. Но все-таки страх перед сверхъестественными силами постепенно исчезал.

Поражение и даже гибель представителей божественного племени — это знают не все религии. Ни в иудейской, ни в мусульманской религиях боги не умирают. Они даже не рождаются — были и будут всегда. Если же все-таки в других религиях им при-

ходится расставаться с жизнью (как это было с Иисусом Христом или древнеегипетским Озирисом), то только для того, чтобы потом вновь воскреснуть. Культ умирающего и воскресающего бога связан с представлениями об умирающей и возрождающейся природе. Теоретически греческие божества тоже бессмертны. Но, как оказалось, этой чести удостоились лишь те, кто воссел на Олимпе, — олимпийцы. А остальные? Кое-кто из титанов сохранил бессмертие а иные утратили его. Непонятное внушало страх. Разгаданное теряло смысл. Старые боги терпели поражение и исчезали.

Крылатое чудовище с львиным туловищем и женской головой — Сфинкс — сохраняло силу до тех пор, пока не нашелся человек, разгадавший его загадку После этого Сфинксу ничего не оставалось, как броситься со скалы в море.

Хитроумный герой Одиссей сумел обмануть коварных сирен и насладиться их пением, не высадившись на гибельный берег острова И сирены тут же пали замертво.

Отважных аргонавтов, отправившихся в Колхиду за золотым руном, в проливе у Черного моря ожидало непреодолимое препятствие: две зловещие скалы — Симплегады — имели обыкновение мгновенно сдвигаться и губить любой проходящий корабль. По совету прорицателя аргонавты выпустили голубя, и едва он пролетел между скал, как они сомкнулись, а затем вновь разошлись. В этот момент кораблю и удалось проскочить опасное место. А обманутые Симплегады, словно утратив свою силу, остановились навсегда.

В этих мифах отразилось постепенное возмужание человека, преодолевающего страх перед природой. Со временем осталось немного явлений, которые по-прежнему внушали ужас своей таинственностью и безрассудной силой. С ними и связывали деятельность свергнутых титанов и чудовищ.

Землетрясения! От них нельзя было укрыться. Они поражали внезапно целые города. Слепая, непокорная стихия! К ней, конечно, не могли не быть причастны

боги. Это вырывается наружу неистовый гнев сторуких великанов, которые никак не могут забыть несправедливости олимпийцев.

В японских мифах огромный паук, скрывающийся в глубинах Земли, тоже периодически занимается тем, что раскачивает огромную скалу и сотрясает земную поверхность. Правда, делает он это только тогда, когда недоволен людьми. Если бы древние японцы знали, что ежегодно происходит 100 тысяч землетрясений, они давно бы поняли, что имеют дело с законченным человеконенавистником. Греки же полагали, что им казниться нечего, и защиту от подземных сил искали у владык Олимпа. Об этой горе говорилось в «Одиссее»:

> Ветры ее не колеблют, дожди проливные не мочат,
> Не осыпает и снег, но безоблачно-чистое небо
> Вкруг распростерто, и белое всюду сиянье витает.

Вообще Олимп — гора в Фессалии — стал постоянной резиденцией новых богов. Отсюда, с высоты 2917 метров, боги управляли миром, строго распределив между собой обязанности. Три брата поделили «сферы влияния»: по жребию Зевсу досталось небо, Посейдону — море, Плутону (Аиду) — подземное царство. 12 владык стали главными олимпийскими божествами. Жена Зевса — Гера — объявила себя покровительницей брака и семьи. Его сестра — Деметра — заботилась о плодородии, другая же сестра — Гестия — о домашнем очаге. Не осталось без работы и младшее поколение богов — дети Зевса. Арес был богом войны, Гефест — богом огня и кузнечного ремесла, Гермес — покровителем торговли и путешествий, вестником богов, Афина — богиней мудрости, Афродита — богиней любви, Артемида — богиней охоты.

Боги — вечны, всемогущи и в то же время наделены всеми человеческими свойствами. Они и внешне похожи на людей, но только все у них доведено до степени совершенства. Они выше ростом, сильнее, красивее. Питаются особой пищей — амброзией и пьют не вино, а нектар. Разговаривают они на вполне

внятном греческом языке и способны без труда, спустившись с Олимпа, понимать смертных.

В самые отдаленные времена человек не отделял себя от природы, не воспринимал себя как отдельную личность. Он был частью целого — коллектива и вообще всего окружающего мира. Но он видел воочию: все вокруг меняется, исчезает, возникает, рождается вновь. Как объяснить это? И приходила мысль, что всюду присутствуют сверхъестественные существа, которые искусно перевоплощаются, меняют свой вид, а потому могут быть и небом, и воздухом, и морем, и лесом. Позднее люди научились отделять предмет от его, так сказать, идеи В каждой вещи, полагали они, спрятан особый дух, который может себе позволить роскошь существовать самостоятельно, абстрактно. Каждый предмет — это своего рода временная обитель божества. И если раньше Зевс представлялся в виде грома или молнии, то теперь он становится вполне нормальным человекообразным существом, а молнии и гром расцениваются лишь как орудия его власти. Мифы развиваются, следовательно, по своим определенным законам: от простого, общего — к сложному, детальному, расчлененному. А боги все больше и больше очеловечиваются И хотя они попрежнему распоряжаются силами природы, но все чаще начинают заниматься делами людей, которых они же сами создали то ли для развлечения, то ли для того, чтоб их жизнь приобрела хоть какой-то смысл, то ли, наконец, для того, чтоб обеспечить себя регулярным питанием за счет жертвоприношений.

Как и люди, боги страдают: от ран, от головной боли, от душевных переживаний (хотя, строго говоря, души у них быть не может — это привилегия смертных!), и переживания эти — вполне человеческие. Боги обидчивы, ревнивы, подозрительны, самолюбивы, невыдержанны. Они могут гневаться по пустякам, хитрить, обманывать, заниматься любовными похождениями, при этом почему-то предпочитая иметь дело со смертными. Словом, Олимп в представлении греков — это своего рода возвышенное земное царство, в котором господствуют те же порядки, что и

среди людей. И победа олимпийцев над прежними владыками мира — по сути дела, победа организованной, разумной, понятной человеку силы над необузданной, слепой стихией, победа религии классового общества над первобытной. Сознание древних людей, постепенно подчинявших себе природу и устанавливавших новый общественный порядок, сделало огромный шаг вперед.

* СПУСТИВШИСЬ С ОЛИМПА

Об острове Лемносе, в северной части Эгейского моря, шла дурная молва. Путешественники старались обходить его стороной. Будто из самого моря тянулись к небу остроконечные вершины его гор. Оттуда, из чашеобразных углублений (по-гречески чаша — «кратер»), валили клубы дыма, вырывались удушливые газы, вылетали раскаленные камни. Из чрева гор доносился грозный гул.

Здесь обитал бог огня — Гефест. Здесь его подручные — Циклопы — ковали молнии для Зевса. Такие огнедышащие горы древние называли вулканами (Вулкан — это римское имя Гефеста) и долго верили в их божественную природу. Туда, в их кратеры, они нередко опускали умерших героев, надеясь приблизить их к богам. Известный философ V века до нашей эры Эмпедокл, как гласит молва, стремился добиться после смерти божеских почестей и на старости лет бросился в кратер Этны. Как восприняли этот своеобразный поступок боги, неясно. Известно лишь, что при очередном извержении вулкан выбросил сандалию Эмпедокла.

Это был один из образованнейших людей своего времени, но ему, как сказали бы сейчас, явно не хватало информации. Знай он, что на Земле существуют 523 действующих вулкана — столько по крайней мере известно нам сейчас, — он бы усомнился в надежности своего пути к божественной славе.

Гефест был поистине богом-тружеником. Строитель и кузнец, он воздвиг на Олимпе дворец для богов, потайную опочивальню для Геры, изготовил щит для Зевса — эгиду, колесницу для солнечного бога Гелиоса, ковал оружие и для смертных — например для грозного Ахилла. Единственный из олимпийцев он постоянно занят тяжелым физическим трудом, хотя одновременно руководит широко разветвленной кузнечной фирмой (его мастерские, судя по различным мифам, находились и па Олимпе и в кратерах вулканов на Лемносе, в Сицилии, на Липарских островах). Кроме того, ему приходилось еще и обслуживать богов на олимпийских пиршествах. Приветливый и добродушный, он разносит вокруг стола благоухающий нектар, и боги, забывая о своих неурядицах, искренне веселятся, глядя, как он ковыляет на своих слабых ногах. Хромотой своей Гефест обязан собственной матери Гере: он родился хилым и уродливым, и Гера в раздражении сбросила его с Олимпа.

Гефест всегда благожелателен к людям. И греки — народ талантливых ремесленников — особенно чтили (и не боялись!) его.

В гимне, посвященном Гефесту (он был создан в VII—VI веках до нашей эры), говорилось:

Муза, Гефеста воспой, знаменитого разумом хитрым!
Вместе с Афиною он светлоокою славным ремеслам
Смертных людей на земле обучил. Словно дикие звери,
В прежнее время они обитали в горах по пещерам.
Ныне ж без многих трудов, обученные всяким искусствам
Мастером славным Гефестом, в течение целого года
Время проводят в жилищах своих, ни о чем не заботясь.

Совсем иначе относились они к Аресу. Богу войны исправно приносили жертвы, но симпатий он все же не вызывал. Грубый, жестокий, туповатый — словом, типичный солдафон, он умел лишь разрушать и проливать кровь. Его не любили даже сами боги — им претила его ненасытность и бесчеловечность.

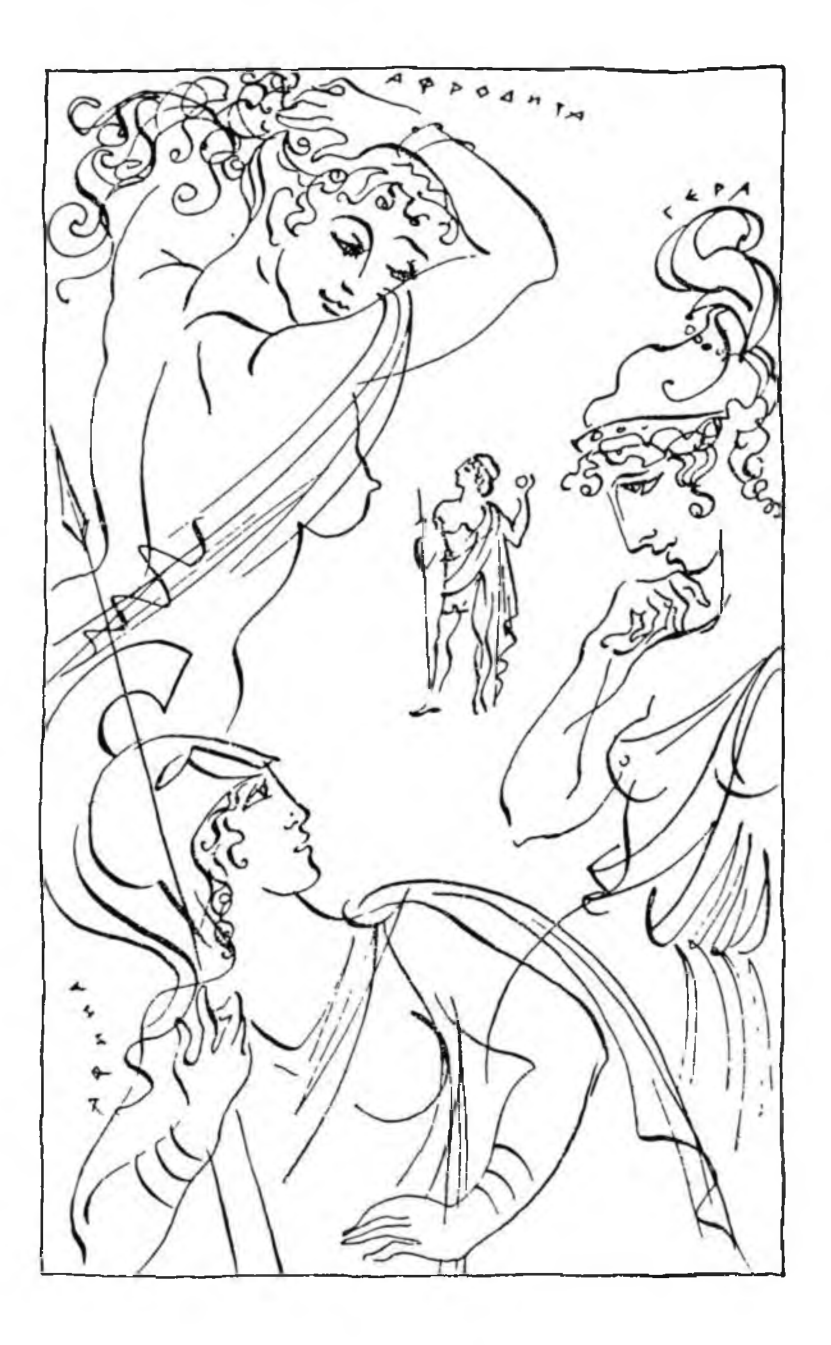
Не скрывает неприязни к собственному сыну и Зевс. В «Илиаде» он обращается к нему со словами.

Всех ненавистней ты мне из богов, на Олимпе живущих!
Милы тебе только распри, кровавые войны и битвы.
Матери дух у тебя — необузданный, буйно строптивый...
Если б, зловредный такой, от другого ты бога родился,
Был бы давно под землей ты, и глубже, чем все Ураниды.

Сопровождают Ареса всегда злые силы — богиня раздора Эрида и сыновья, которые носят многозначительные имена: Деймос (Ужас) и Фобос (Страх). На совести Эриды немало черных дел. Именно на ней лежит ответственность за десятилетнюю Троянскую войну, в которой погибло много героев — греков и троянцев Богиня раздора блистательно сыграла на женском честолюбии, подбросив во время свадебного пира яблоко с надписью «Прекраснейшей». Приманка сработала безотказно. Богини переругались между собой и в конце концов вручили свою судьбу простому смертному. На беду, им оказался сын троянского царя Парис, который присудил «яблоко раздора» Афродите. Благодарная богиня любви отплатила ему тем, что помогла похитить прекраснейшую из женщин — Елену, жену спартанского царя Менелая. Разгневанный супруг собрал ахейские (греческие) войска и двинулся в поход на Илион (Трою), который после долгой, кровопролитной битвы был захвачен и сожжен.

Сыновья Ареса не могут похвастаться подобной — хоть и недоброй, но все же громкой — известностью Их зато может утешить, что в последнее время к ним усилилось внимание астрономов, высказавших сомнение в их происхождении. Речь идет о Деймосе и Фобосе — спутниках Марса, которых стали подозревать в том, что они искусственные. Времена меняются: на смену Ужасу и Страху пришло любопытство А впрочем, как знать, может быть, страхи (и огорчения) еще впереди: вдруг и впрямь они окажутся обломками неведомой цивилизации?!

Деймос и Фобос — дети Ареса и Афродиты. Но богиня красоты была весьма любвеобильна. Кроме законного потомства (а от Ареса родились еще шаловливый бог любви Эрот и дочь Гармония), у нее был еще сын от Гермеса, получивший звучное имя

Гермафродит. Несчастный нисколько не был виноват в своей несколько скандальной славе — юноша как юноша, необычайной красоты, без каких-либо пороков. Но что он мог сделать против воли богов, которые пожалели страстно влюбившуюся в него нимфу и удовлетворили ее отчаянную просьбу, слив ее с ним в одно двуполое существо?!

От смертного же Афродита произвела на свет троянского героя Энея, потомки которого основали древний Рим. От него, кстати сказать, выводил свою родословную и знатный род Юлиев, с именем которого связана династия римских императоров, основанная Юлием Цезарем.

Перед могуществом вечно юной златовласой Афродиты бессильны даже боги. И люди и олимпийцы всегда обращаются к ней за помощью. И она способна творить чудеса. Это единственная богиня, которая, вероятно, смогла бы противостоять неотразимому взгляду Медузы Горгоны — женщины, превращенной в чудовище, заставлявшей окаменеть каждого, кто кинет неосторожный взор на ее физиономию. И не было на свете силы, способной расколдовать и оживить пострадавшего.

Но все-таки неясно, не удалось ли бы это Афродите, если бы она всерьез взялась за дело. Ведь сумела же она однажды вдохнуть жизнь в холодную слоновую кость!..

Среди публики, покидающей театр после спектакля «Пигмалион», нередко слышится недоуменный вопрос: «Кто это — Пигмалион?»Действительно, это имя даже не упоминается в пьесе Бернарда Шоу, рассказывающей о том, как английский профессор-лингвист Генри Хиггинс, подобрав на улице вульгарную, разбитную цветочницу, обучил ее светским манерам, правильной, грамотной речи — словом, воспитал ее так, что в обществе она вполне могла сойти за настоящую леди. Правда, увлекшись экспериментом, он забыл о простой истине, известной уже древним грекам: «Человек есть мера вещей». Вещи приобретают смысл именно тогда, когда человек соприкоснется с ними, а в особенности если он их сам создает.

И случилось непредвиденное: убежденный женоненавистник Хиггинс влюбился в собственное творение, ставшее как бы частью его самого. В сущности, повторилась история, о которой повествовал старинный миф, подробно изложенный римским поэтом Овидием.

Царь Кипра Пигмалион, разочаровавшись в женщинах, жил в одиночестве. Очевидно, это обстоятельство все-таки угнетало его, и он нашел себе занятие, вполне достойное его высокого положения: он приобщился к искусству. И однажды из-под его резца вышла прекрасная статуя. Женщина из слоновой кости казалась совершенно живой, словно готовой сойти с места, но опасающейся чего-то. Пигмалион удивился и, естественно, решил проверить, с кем имеет дело. Он поцеловал статую, осторожно коснулся ее тела. Увы, признаков жизни не обнаруживалось. Но старый холостяк знал, как искусно могут притворяться женщины, и решил обратиться к испытанным приемам. Он смущал ее ласковыми речами, осыпал драгоценными украшениями. Тщетно! Статуя устояла. И тогда Пигмалион пустил в ход последний козырь: он решил вступить в законный брак. Обратившись к Афродите, он молил ее дать ему жену, похожую на статую из слоновой кости. Богиня любви отлично поняла истинный смысл этой туманной формулировки и вдохнула жизнь в бесчувственное тело красавицы, которая, естественно, тут же влюбилась в своего создателя.

Сделал ли Пигмалион после женитьбы хотя бы одну скульптуру, неизвестно. Да, впрочем, вряд ли теперь в этом была необходимость, хотя, конечно, не грех было бы из благодарности воздвигнуть статую самой Афродиты. Но богиня на него не обижалась — изображений ее в Элладе и так хватало. Лучшие мастера Греции посвящали ей свои творения. А самая знаменитая статуя — Афродита Милосская — на многие века стала общепризнанным эталоном женской красоты — возвышенной, таинственной, непостижимой. Рожденная из морской пены, богиня загадочно смотрит вдаль, уверенная в своей неотразимости. Та-

кой ее изобразил антиохийский скульптор II века до нашей эры — Александр. Такой она предстает ныне перед посетителями парижского Лувра. Века сохранили эту удивительную красоту, и хотя у статуи не хватает рук, кем-то отбитых и, как говорят, куда-то проданных, все же, как писал П. Антокольский:

Безрукая. Обрубок правды голой.
Весь в брызгах пены идол торжества.
Он людям был необходим, как голод,
И недоказан был, как дважды два.

* СЛАВА ГЕРОСТРАТА

Артемида вечно бродит вдали от Олимпа: она заботится о стадах, о диких зверях, помогает пастухам и охотникам. Именно ей был посвящен самый величественный храм древности, который вошел в число семи чудес света. Его воздвигли в Малой Азии, в Эфесе. Рассказывали, что сама богиня помогала архитектору и мастерам, работавшим в общей сложности 120 лет. К 450 году до нашей эры храм, наконец, был завершен и вызвал всеобщее восхищение своей красотой, легкостью и изяществом. Он простоял около сотни лет — до того самого дня, который принес всемирную славу двум весьма непохожим людям. Один из них, царь Александр Македонский, в тот день родился. Другой — ничем не примечательный житель Эфеса Герострат — решил увековечить свое имя в памяти потомков и поджег знаменитый памятник — гордость малоазийских греков. И, надо сказать, столь чудовищный способ вполне оправдал надежды безумного честолюбца. В эллинских государствах было принято специальное постановление о том, чтобы предать имя Герострата забвению. Писателям запретили упоминать о нем даже в рассказе о пожаре в храме Артемиды. И все-таки имя пережило века «Геростратова слава» — так и поныне называют позорную известность тех, кто

запятнал себя преступлением или недостойным деянием.

Ловкая, сильная, мужественная Артемида хозяйничает в лесах и горах, и нет спасения от ее звенящих, не знающих промаха стрел. Она же нежно ухаживает за детенышами диких животных, ревниво оберегает священные рощи, куда запрещено вторгаться смертным, девственные луга и поля. Сердце ее холодно, и ей незнакомы любовные томления. Но горе тому, кто посмеет посягнуть на ее непорочность, даже кинуть взор на ее прекрасное тело. Единственный человек, которому довелось увидеть ее обнаженной,— охотник Актеон — был превращен ею в оленя, которого растерзали его собственные собаки. Правда, есть версия, что гнев богини был вызван иным обстоятельством: Актеон будто бы хвастался, что он более искусный охотник, чем Артемида. Разумеется, этого богиня стерпеть не могла.

Вообще олимпийцы страшно беспокоились за свой авторитет, и высшей дерзостью считалось, если кто-нибудь из людей хоть в чем-то посмеет сравнить себя с ними. Подобные попытки пресекались решительно и жестоко. Переубеждать, доказывать, спорить — этого боги не умели, да и просто не считали нужным. Какие дискуссии, когда в руках безграничная власть и столь же безграничное право использовать ее?

Гордилась своим потомством фиванская царица Ниоба: ни у одной женщины не было более прекрасных детей. Но царица посмела бросить вызов богине Латоне: что такое ее близнецы — Аполлон и Артемида — по сравнению с семью сыновьями и семью дочерьми Ниобы?! И расплата последовала мгновенно. Бог света и богиня охоты убедительно доказали свое превосходство: они хладнокровно перестреляли из луков беззащитных детей, а несчастная мать окаменела от горя, склонившись над телом последней дочери. Такой изобразил ее известный скульптор IV века до нашей эры Пракситель, на статую которого была сочинена эпиграмма:

В камень живую меня обратили враждебные боги,
Снова из камня живой сделал Пракситель меня.

А Овидий рассказывал, что близ Трои, куда буря перенесла окаменевшую царицу, стоит неподвижная скала, принявшая облик женщины. Давно уже покинула ее жизнь, но слезы не иссякли до сих пор и текут из пустых глазниц по белоснежному мрамору. Таким и остался образ Ниобы в сознании людей — памятник скорби и печали. А может быть, напоминание о бессердечии богов?

И как знать, не сводил ли каких-нибудь счетов с суровой богиней отчаянный Герострат, вымещавший столь нелепым способом свою обиду или злость на храме, воздвигнутом в ее честь? История, во всяком случае, дала немало примеров того, как изничтожались произведения искусства, единственным, но вполне достаточным пороком которых являлось то, что они были связаны с ненавистными именами и воспоминаниями. Потом проходили годы, века, и новые поколения спокойнее относились к прошлому, нередко переоценивали деятельность тех, кого прежде безоговорочно осуждали, и все становилось на свое место — то самое место, о котором заботится беспристрастная история.

* УБИЙЦА ИЛИ СПАСИТЕЛЬ?

Красивый, интеллигентный юноша с артистической шевелюрой, стройный, изящный, не отличающийся особой силой, но зато поражающий своей одухотворенностью, — таким знает широкая публика Аполлона. Сразу скажем, подобное представление рождено всемирно известной статуей Аполлона Бельведерского, созданной в IV веке до нашей эры. Скульптор Леохар изобразил изысканного красавца, театрально откинувшего гордую голову и словно выставляющего себя напоказ.

Столь лакировочный образ сложился лишь в позднюю эпоху, в период эллинизма (IV—I века до нашей эры). Раньше же греки воспринимали Аполлона совсем иначе. Он был для них чуть ли не самым главным богом. То есть, конечно, старшинство и главен-

ство принадлежало Зевсу, однако культ «отца богов и людей» играл в классическую эпоху гораздо меньшую роль в жизни, чем культ его сына.

Каждое греческое племя отдавало предпочтение тем или иным олимпийцам. Аполлона же чтили всюду. Уже в V веке до нашей эры историк Геродот называет его «богом эллинов». А святилище Аполлона в Дельфах собирало паломников со всей Эллады и считалось залогом единства греческого народа, разделенного на мелкие города-государства.

Аполлон — весьма разностороннее и противоречивое существо. Он бог света, дает жизнь, тепло; он же своими лучами поражает насмерть. «Феб-Аполлон» — уже само имя отражало эту двойственность: Феб — «светлый», а «Аполлон» — «губитель». Не удивительно, что он наводит ужас и на людей и даже на богов. Когда Латона собиралась родить его, она обошла весь свет и, как писал поэт Гесиод,

> ...всех опросила, не хочет ли кто стать родиной сыну.
> Но трепетали все земли от страха, никто не решился
> Фебу пристанище дать...

Согласился в конце концов остров Делос, взяв с Латоны клятву, что он не потерпит ущерба от ее грозного потомка.

Впрочем, сами делосцы, гордившиеся столь высоким покровительством, придерживались иной версии. Они утверждали, что Гера запретила Земле предоставлять место Латоне, готовившейся разрешиться от бремени, но Зевс все же перехитрил супругу, и по его просьбе Посейдон поднял из морских глубин остров (а слово «Делос» означает «видимый»!), где и родились близнецы Артемида и Аполлон. Долго еще жители оберегали пальму, к которой якобы прислонялась Латона во время родов. Сам же Делос был объявлен священной землей. Сюда не пускали даже смерть — умирающих переносили на соседний остров. Делос стал позднее общегреческим торговым центром, здесь хранились огромные сокровища. Но жители даже не считали нужным возводить стены и делать укрепления: предполагалось, что святость этого места надежно оберегает его.

Ежегодно из Афин прибывал сюда корабль с паломниками. По преданию, это был тот самый корабль (его регулярно чинили и подновляли!), на котором легендарный герой Тесей отправился на Крит, чтобы убить Минотавра. Юноши же, сопровождавшие его, посвятили корабль Аполлону и дали обет совершать паломничества на Делос, если бог спасет их. Время, пока судно находилось в пути, тоже считалось священным, и в Афинах даже запрещалось в этот период приводить в исполнение смертные приговоры. Потому-то и отсрочили на месяц казнь знаменитого мудреца Сократа, осужденного за дерзкие речи против богов и государственных законов. Правда, философ не воспользовался благоприятной возможностью бежать из тюрьмы и предпочел принять яд, но не отступиться от своих принципов, один из которых гласил: «Главное — не в том, чтобы жить, а в том, чтобы жить честно».

Существовал ли действительно Тесей и имеет ли какой-нибудь реальный исторический смысл легенда о его поединке с Минотавром, об этом еще будет сказано. Но на примере Делоса нетрудно заметить, что с помощью мифов пытались объяснить происхождение тех или иных обычаев, пришедших из глубокой древности, доказать особое место, особые права различных городов, каждый из которых претендовал на исключительное внимание со стороны богов и людей.

Города избирали того или иного бога своим покровителем, чтили священные реликвии, которые должны были подтвердить благосклонность олимпийцев. Но всеобщим признанием пользовались именно святилища Аполлона. Именно к нему летели мольбы отовсюду, именно перед ним трепетали больше, чем перед Зевсом.

Даже Олимп охватывал ужас, когда появлялся «сребролукий», «ширококолчанный», «золотоволосый» Аполлон Дальновержец.

По дому Зевса пройдет он, — все боги и те затрепещут,
С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он
Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет.

И лишь когда Латона усадит его и сам Зевс — не кто иной! — подаст ему чашу с нектаром, только тогда боги могут перевести дух. Но, по правде говоря, неясно, чего опасались олимпийцы — как-никак бессмертию их ничто не угрожало. А вот людям ослепительный Феб казался грозной, неотвратимой силой. Человек скоропостижно скончался? Значит, его поразила стрела Аполлона. При этом в мифах нигде не видно, чтобы грозный бог отличался милосердием, проявлял сострадание. Он холоден и бессердечен. Десятки людей — виновных и невинных — стали жертвой его гнева. Среди них и беззащитные старики, и дети Ниобы, и герои, сражавшиеся под Троей, в том числе непобедимый Ахилл. Единственным уязвимым местом Ахилла была пятка, за которую держала его мать, закалявшая своего сына тем, что по ночам, когда он был младенцем, хладнокровно совала его в огонь. Именно в эту Ахиллесову пяту и направил Аполлон стрелу, пущенную Парисом, виновником Троянской войны.

Немало смертных стало жертвой неуемных страстей Аполлона. Домогаясь чьей-нибудь любви, он считался лишь со своими желаниями, и потому часто погибали не те, кого он ненавидел, а именно те, кто имел несчастье понравиться ему.

Позднее Аполлон приобрел более благородный облик. Его чтили как врачевателя, покровителя искусств, защитника путешественников. Бог света, он как бы воплощал в себе свет знания, мудрости. Его устами говорила сама истина. Потому-то таким авторитетом обладало его святилище в Дельфах. Сюда со всего мира приходили, чтобы услышать мнение оракула (пророка, посредника между богом и людьми), узнать о своей судьбе. Спрашивали купцы, отправлявшиеся в плавание, родители, беспокоившиеся о своих детях, полководцы, обдумывающие планы походов. Спрашивали от своего имени и от имени целого государства. И Аполлон трудился не за страх, а за совесть девять месяцев в году (считалось, что в течение трех месяцев он не появлялся в Греции — подобно тому, как скрывается солнце в зимний пери-

од). Божественная воля изрекалась устами специальной жрицы — пифии.

Судя по сообщениям поздних античных писателей, ее «работа» требовала недюжинного здоровья. Прорицательницу помещали во внутреннюю часть храма, занимавшую небольшую площадку на скале. Особенностью этой скалы была глубокая трещина, откуда поднимались холодные испарения. Над самой расселиной и помещался треножник, на который взбиралась пророчица. Предварительно она распускала волосы, надевала на голову лавровую ветвь, выпивала воды из храмового источника и жевала лавровый лист, после чего начинала героически вдыхать ядовитые пары и доводить себя до одурманенного, полубессознательного состояния. В период расцвета святилища предсказания давались по нескольку раз в месяц. И хотя пифий выбирали из молодых и непорочных девиц, ни одно из этих достоинств не могло гарантировать длительного стажа столь рискованной профессии. Поэтому храм содержал двух пифий постоянно действующих и одну запасную.

Позднее, в I—II веках, как рассказывает историк Плутарх (который, кстати сказать, был жрецом в Дельфийском храме), штат пророчиц сократился до единицы, да и выбирали пифий из замужних женщин, притом не моложе 50 лет — дабы избавить вопрошающих от соблазнов. Солидная матрона, умудренная жизненным опытом, выполняла свои обязанности теперь лишь раз в месяц (по-прежнему сохраняя трехмесячный зимний отпуск). Таким образом, в распоряжении тех, кто искал истину у божества, оставались лишь девять дней в течение года.

Но вот пифия принималась за дело. Посидев на треножнике и надышавшись вдоволь парами, она приходила в экстаз и в этом умопомраченном состоянии начинала выкрикивать отрывочные слова. Стоявшие рядом жрецы тут же «редактировали» бессвязные речи, объединяя их в законченные фразы и придавая им стихотворную форму. Позднее стихи сменились прозой — уж не потому ли, что жрецы

поняли: в прозе можно излагать мысли ничуть не менее туманно и двусмысленно, чем в поэзии?

А ответы Аполлона действительно были темны и загадочны. Любой можно было с одинаковым успехом истолковать как угодно. Немало простаков поплатились за то, что примитивно и прямолинейно следовали указаниям божества.

«Идти ли мне войной против персов?» — вопрошал лидийский царь Крез. И получил вполне определенный ответ: «Если перейдешь реку Галис, разрушишь великое царство». Обрадованный Крез перешел Галис и в самом деле погубил великое царство. Единственная поправка: царство оказалось его собственным. Спрашивается, можно ли было упрекать бога за то, что его неправильно поняли? Не зря глубоко религиозные люди в Греции — такие, как прославленные поэты Эсхил, Софокл, — без всякого осуждения давали Аполлону в своих произведениях прозвище «Кривой», «Двусмысленный». А философ Гераклит прямо признавал, что «оракул в Дельфах не говорит, не утаивает, а намекает».

Объясняться с помощью туманных намеков было делом божеским. А вот понимать эти намеки приходилось людям, в чьих руках нередко находилась судьба целого государства.

Как спасти Афины от нашествия многотысячной армии, с которой персидский царь Ксеркс собирался завоевать Элладу? Сначала дельфийский оракул ответил вполне определенно: город погибнет, и уцелеют лишь те, кто покинет его. Сказать, что подобный прогноз обрадовал афинян, было бы, конечно, явным преувеличением. Но они были упорны и настойчивы и вновь обратились к Аполлону с трогательной просьбой: «Скажи нам, владыка, что-нибудь более утешительное, взгляни на молитвенные ветви, с которыми мы пришли к тебе, или же мы не уйдем из храма и останемся в нем до конца жизни». Трудно сказать, испугала ли Аполлона столь унылая перспектива, или просто бог находился в более бодром расположении духа, так или иначе он изрек, что спасение афинян —

деревянная твердыня, которая должна остаться несокрушимой.

Естественно, что прежде всего пришла в голову мысль укрыться за деревянной изгородью, окружавшей акрополь. Но нашелся оригинальный ум, который истолковал все иначе: спасут город не стены, а... корабли. Звали этого провидца Фемистокл. И создатель афинского флота угадал — в морской битве при Саламине в 480 году до нашей эры персы были разгромлены.

А вот спартанцам явно не повезло. Рассчитывая на легкую победу над соседями, они обратились к Аполлону, и коварный бог пообещал им город Тегею, сформулировав это так:

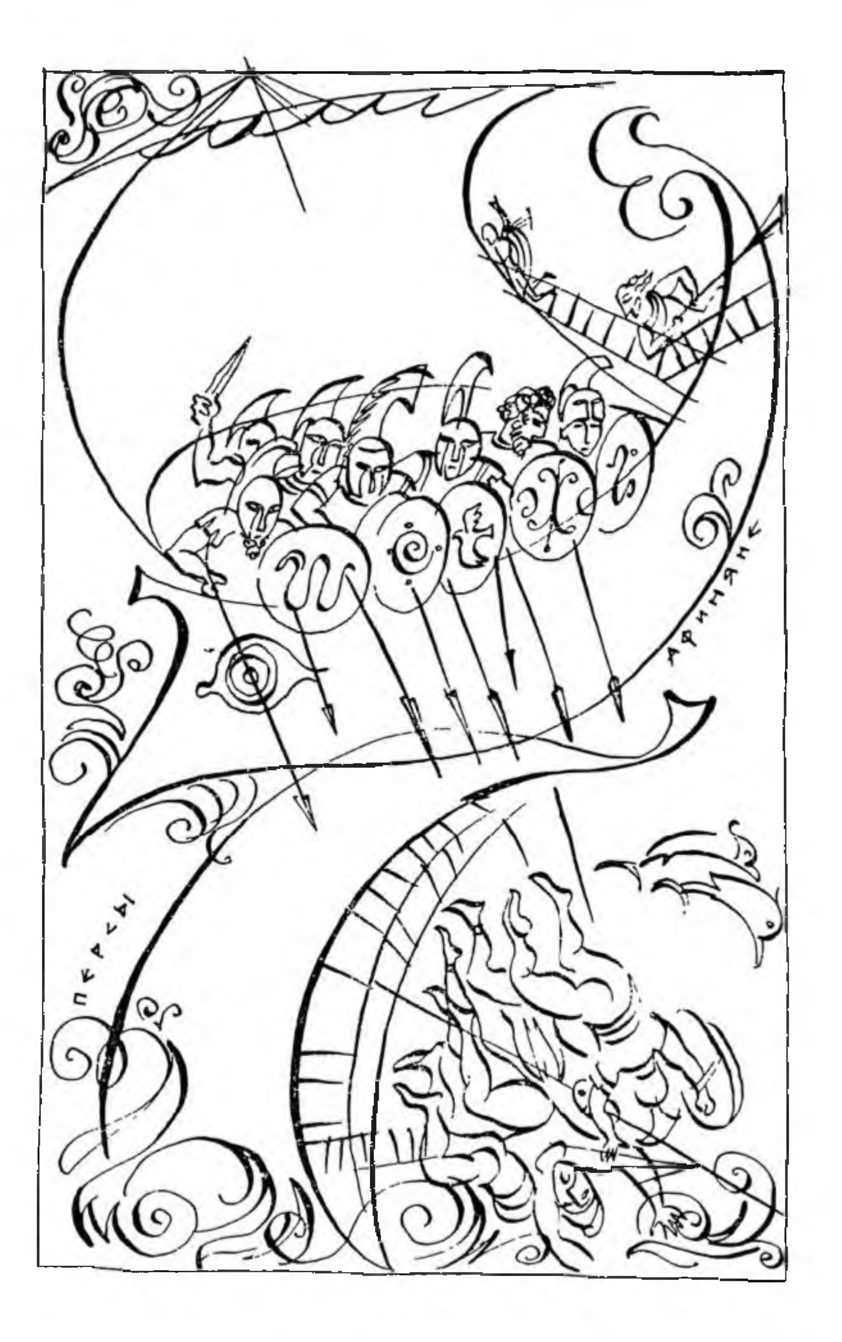
Слышу, как цепи стальные звенят на ногах побежденных,
Вижу, как Спарты сыны измеряют тегейскую землю.

Вполне удовлетворенные, спартанцы, не мешкая, двинулись в поход, предусмотрительно захватив с собой цепи. Цепи действительно пригодились — для самих спартанцев, потерпевших жестокое поражение и обращенных в рабство.

Нередко Аполлон проявлял поразительную осведомленность в политических делах даже за пределами Греции. Римлянам он предсказал победу над Ганнибалом, императору Нерону он посоветовал опасаться 73-летнего возраста. Правда, Нерон наивно полагал, что на этом году оборвется его жизнь, на самом же деле он умер, достигнув лишь 31 года, но сменил его действительно 73-летний император Гальба.

Философы, политические деятели часто обращались за покровительством к Аполлону и точно выполняли указания того, кто, как полагали, опекал мудрецов.

Одному заботливому отцу оракул дал в высшей степени педагогический совет: пусть его сын делает все, что пожелает. Правда, что из этого получится, бог не счел нужным сообщить ошарашенному родителю, но, видно, решил не ронять своего авторитета. Мальчик подрос и стал общепризнанным мудрецом. Звали его Сократ. Человек, всю жизнь искавший ис-

АФИНЯНЕ
ПЕРСЫ

тину и пришедший к выводу, на который не хватило бы смелости у глупца: «Я знаю то, что ничего не знаю». Не зря все же оракул в Дельфах категорически заявил, что в мире нет человека умнее Сократа!

Афинскому законодателю VI века до нашей эры Солону Аполлон повелел быть кормчим, заняв место в середине корабля. И знаменитый реформатор установил новые порядки в государстве, стремясь к тому, чтобы удовлетворить всех граждан.

Власть даровал я народу в той мере, в какой он нуждался,
Чести его не лишил, но и не дал лишних прав.
Также о тех позаботился я, кто богатством и силой
Всех превзошел, — чтобы их не опозорил никто.
Встал я меж тех и других, простерев мощный щит свой над ними,
И запретил побеждать несправедливо других.

По мнению Солона, он дал афинянам законы «самые лучшие из тех, какие они могли принять». Послушный воле оракула, он примирял враждующие партии и «словно волк, средь стаи псов вертелся». В результате все остались недовольны: ни одно серьезное мероприятие не удалось довести до конца, не задев при этом чьих-нибудь интересов. Божество оказалось недостаточно проницательным и, видимо, не знало той немудреной истины, которая открылась в конце концов Солону: «Трудно в великих делах сразу же всем угодить». Примирить всеобщие интересы было не под силу даже могучему олимпийцу.

Быть может, именно поэтому другому мудрецу, жившему через 250 лет после Солона, он посоветовал вообще отрешиться от суетных земных забот (а забот у мыслителя было немало: вместе с отцом он овладел хлопотливым ремеслом фальшивомонетчика') и предаться созерцательной философии. Но прежде ему следовало отказаться от старых привычек — с ними нечего было и думать о занятиях философией, ибо, как сказал оракул, «лучше подделывать деньги, чем истину». Философ стал нищим скитальцем, собирал подаяния, по ночам забирался спать в глиняную бочку, гордо демонстрировал всем свое презрение и ходил днем с фонарем, восклицая: «Ищу человека!»

Его участи — а покровительство Аполлона не спасло от насмешек и даже от продажи в рабство — позавидовал однажды властелин мира Александр Македонский, которого философ попросил лишь об одной милости — не загораживать ему солнца. Прославленный полководец был потрясен и со свойственной ему скромностью изрек: «Если б я не был Александром, я хотел бы стать Диогеном».

В общем мудрецы не могли обижаться на проницательного сына Зевса и при случае всегда подчеркивали свою особую близость к нему. Пифагор, например, у которого, как рассказывала молва, было золотое бедро, гордился этим доказательством своего божественного происхождения куда больше, чем популярной теоремой, сделавшей его известным каждому школьнику (хотя до сих пор неясно, имел ли он к ней хоть какое-нибудь отношение). Легендарный спартанский законодатель Ликург получил от Аполлона заверения, что его законы превосходны настолько, что ему, олимпийцу, кажется, будто он имеет дело с богом, а не человеком. Понятно, спорить с божеством трудно, но нелишне напомнить, что Спарта была удивительно крепким и устойчивым государством в течение нескольких веков. Общее имущество, общие трапезы, запрещение роскоши, отсутствие денег (железная монета ничтожного достоинства — явно не тот капитал, из которого рождается богатство), строжайший контроль за мыслями и поступками каждого гражданина, железная дисциплина, военные упражнения как единственное достойное занятие, ну и, конечно, никаких излишеств вроде изысканных ремесел, искусства, литературы, науки. Мыслителей не требовалось — нужны были надежные исполнители. А решали за них — достойнейшие: два царя (если один — значит, уже опасность тирании!) и 28 старейшин.

Народу тоже разрешалось участвовать в управлении. Правда, он не обсуждал предложений, а лишь криком отклонял или утверждал их. Но, зная, что решение большинством голосов не дает никакой гарантии в том, что оно верно, спартанцы придержи-

вались весьма своеобразного демократического принципа: «Если народ постановит неверно, его надо распустить». Царям же приходилось полагаться лишь на милость богов: раз в девять лет специальные чиновники, дождавшись ясной, безлунной ночи, садились и молча наблюдали за небом. И если удавалось заметить падающую в определенном направлении звезду, царей обвиняли в преступлении перед божеством и благополучно освобождали от всех забот, связанных с бременем власти.

Спарта ревниво оберегала свои порядки. Она противилась любому нововведению, она сторонилась всех соседей (разумеется, кроме тех, кого покоряла!). Спартанцам запрещалось даже путешествовать — во избежание соблазнов: ни один гражданин не должен был и мысли допустить, что где-то, у кого-то, что-то может быть лучше и достойно подражания. Вольнолюбивые и вольнодумствующие афиняне, склонные во всем сомневаться и все критиковать, не могли понять, почему боги дали спартанцам такое государственное устройство, которое, как утверждал оракул, является наилучшим. Им оставалось лишь с грустью признать, что организованное военизированное общество, полностью подавившее человеческую личность, не озабоченное сложными нравственными проблемами и не желавшее слышать о каких-то там духовных поисках, оказалось прочнее и долговечнее любого из греческих государств!

Но... Ничто не вечно. Даже Спарта. И даже ее божественные покровители. Уже в IV веке до нашей эры в Спарте начались смуты, от былого равенства граждан не осталось и следа, пошли военные поражения — словом, боги явно отвернулись от идеального царства. А может, им просто было не до этого. Пришло время спасать собственную репутацию. В том же веке афинский оратор Демосфен рискнул не поверить оракулу: он обвинил пифию в том, что она подкуплена македонским царем. Через 300 лет римский оратор и политик Цицерон, которому пифия ехидно посоветовала «следовать собственным влечениям, а не мнению толпы», категорически утверждал,

что «оракул пользуется всеобщим презрением». А Нерон, разгневанный неблагоприятным предсказанием, поступил истинно по-царски — решительно и быстро: он попросту закрыл Дельфийское святилище (вскоре, правда, оно было вновь открыто).

Как меняются времена! На храме в Дельфах когда-то высекли изречения знаменитых семи мудрецов Греции (среди которых оказались Солон и милетский ученый, философ и астроном Фалес, впервые предсказавший солнечное затмение). Изречения эти были известны всем эллинам и стали прописными истинами: «Познай самого себя», «Наблюдай конец жизни», «Сдерживай гнев», «Ни за кого не ручайся», «Мера важнее всего», «Ничего лишнего», «Худших всегда большинство». Одни из мудрецов были законодателями, другие — полководцами и тиранами, третьи — философами. И все же они нашли общий язык. Однажды в море выловили золотой треножник, будто бы принадлежавший легендарной красавице Елене, из-за которой разгорелась Троянская война. На нем было написано лишь одно слово — так же, как на роковом яблоке, перессорившем богинь на свадебном пиру. Только там значилось «Красивейшей», а здесь: «Мудрейшему». И мужская рассудительность явно взяла верх над женской чувствительностью. Один мудрец переслал треножник другому, тот — третьему, и так он обошел всех, пока, наконец, круг не замкнулся. И мыслители нашли разумнейшее решение: они принесли злополучный дар... Аполлону, покровителю мудрецов.

Но проходят века. И вот один из античных писателей с грустью признает, что Аполлон легко предрекает войну или голод, но никогда не дает совета, как предотвратить их. А сатирик Лукиан во II веке нашей эры уже открыто издевается над некогда грозным олимпийцем: «Аполлон притворяется всезнающим: он и стрелок, и кифарист, и лекарь, и прорицатель; открыл себе пророческие заведения и обманывает всех, кто к нему обращается, отвечая на вопросы темными и двусмысленными изречениями, чтобы таким образом оградить себя от ошибок. И он при этом

порядочно наживается: на свете есть много глупых людей, которые дают обманывать себя».

Утратил свою репутацию Аполлон и как солнечный бог. Греческие ученые, изучавшие небеса, любили создавать стройные системы и отвели Солнцу, как рядовому светилу, достаточно скромное место спутника Земли. Но и роль солнечного бога Аполлон фактически присвоил себе, отобрав ее у старинного бога Гелиоса, брата богини Луны — Селены и богини утренней зари — Эос.

В представлении древних людей Гелиос утром поднимался на востоке из океана и вел по небу запряженную огнедышащими конями колесницу, а вечером спускался в океан на западе, за линией, ограничивающей взор (по-гречески — «горизонт»), куда любознательные греки при всей своей отчаянной смелости все же никогда не решались отправиться. Ночью же Гелиос садился в челн и совершал плавание вокруг Земли, чтобы возвратиться на восток, где у него был великолепный дворец.

Гелиоса считали справедливым, рассудительным и всевидящим божеством, обеспечивающим, кроме всего прочего, порядок на земле. Ему принадлежали 7 стад коров и 7 стад овец, по 50 голов каждое, причем стада эти никогда не уменьшались и не увеличивались. Вот почему, по мнению греков, год состоит из 50 недель по 7 дней и 7 ночей, и ничто не может нарушить этот распорядок.

Гелиоса почитали в разных местах, но больше всего — на острове Родосе, который якобы был поднят со дна моря по просьбе солнечного бога. Именно ему и был посвящен один из величайших памятников античности, вошедший в список семи чудес света, — Колосс Родосский. Колоссами называли тогда статуи, по высоте намного превышавшие человеческий рост. Родосцы же решили удивить мир: их статуя должна была превзойти все известные до той поры колоссы. Основания были достаточно вескими. Почти целый год город находился в осаде: 40-тысячная армия и мощный флот блокировали Родос с моря и суши, тараны разрушали стены. Полководец Димет-

рий, получивший прозвище Полиоркет («Осаждающий города»), уже предвкушал победу. Но родосцы выстояли, осада явно затянулась, и в конце концов Деметрию пришлось заключить мир. И вот в 304 году до нашей эры было решено воздвигнуть статую тому, чье изображение чеканилось на монетах города и кто был его верным патроном. Скульптор Харес, был, конечно, искуснейшим мастером, но он понимал, что главное, чего ждут от его произведения, — это ошеломляющего эффекта. Во все века находилось немало людей, которых приводила в трепет не красота или изящество, а грандиозность сооружений. Чудовищные размеры памятников, по-видимому, должны были служить наилучшим доказательством величия божества или правителя, приравнивавшегося к богам. У подобных произведений искусства был, правда, существенный недостаток — они не очень прочно стояли на земле и нередко рушились на глазах у изумленных современников, уверенных в незыблемости этих идолов.

Колосс Родосский постигла та же участь. 12 лет сложнейшего труда понадобились, чтобы соорудить 36-метровую статую. Высокий, стройный юноша с лучистым венцом на голове, поднявшись во весь свой невероятный рост, приложив руку ко лбу, напряженно всматривался в даль. Колосс поражал современников и, вероятно, вызвал бы не меньшее уважение и сейчас. Ведь он был в три раза выше Медного всадника в Ленинграде и на 6 метров выше скульптуры советского воина в Берлине.

Но бронзовый гигант простоял недолго — всего 56 лет, до землетрясения 222 года. И поднять статую, у которой были перебиты ноги, не удалось. Так и пролежала она на родосском берегу больше тысячи лет, пока в 977 году ее обломки не продали какому-то купцу. 900 верблюдам выпала на долю высокая честь увезти остатки одного из чудес света, следы которого окончательно затерялись во тьме веков.

Но Гелиосу еще раз пришлось сыграть роль покровителя. Правда, для совсем иных людей и в другом месте.

По мере того как Аполлон вытеснял его из сознания верующих, Гелиос все чаще рисовался им каким-то далеким, безвозвратно ушедшим защитником справедливости и добра. С его именем связывали мечты об идеальном царстве, где нет униженных и оскорбленных, надежды на возрождение нравов и обычаев «золотого века».

✱ «ВОСЛЕД ЗА ВЕКОМ ВЕК БЕЖАЛ»

«Все, что ни делается, делается к лучшему в этом лучшем из миров», — меланхолично утверждал один из литературных героев XVIII века. У греков же не было еще за спиной богатого исторического опыта, и бодрая идея прогресса далеко не всем приходила в голову. Что этот мир — лучший, сомнений не вызывало: ведь других миров попросту не существовало.

И греки знали: все, что ни делается, — неотвратимо. Но к лучшему ли это? Популярный миф наводил на иные размышления.

Первые люди жили беззаботно, не зная трудов, болезней и старости. Сытые, довольные собой и богами, они проводили время в развлечениях и пирах. Умирали же спокойно, незаметно, будто отходя ко сну. Никто никому не завидовал, ни с кем не соперничал — мир и согласие царили на земле. Таким был золотой век.

«Не та нынче молодежь, то ли дело в наше время!» Эта традиционная фраза, которую произносит до сих пор каждое взрослое поколение, самодовольно уверенное в своих неповторимых достоинствах, вероятно, впервые прозвучала, когда на смену золотому пришел серебряный век. Действительно, молодежь стала не та. Второе поколение оказалось слабее и духом и телом. Правда, люди по-прежнему жили долго: до 100 лет они считались неразумными и росли под надзором матерей. Плоды столь длительного домашнего воспитания были весьма печальны: вступив на

путь самостоятельной жизни (а срок ее был невелик), избалованное второе поколение старалось наверстать упущенное и снисходительно поглядывало на старомодных родителей, робко заикавшихся насчет того, что не вредно бы вести себя несколько сдержанней и умнее. Дошло до того, что богам перестали приносить жертвы на алтарях, перестали уважать не только святыни, но и друг друга. Возникли распри, начались насилия. Не в состоянии спокойно смотреть на такое вырождение, Зевс упрятал это поколение под землю.

Наступил медный век: третье поколение олимпиец создал из древка своего копья. Но ничего хорошего все равно не получилось. Медные люди признавали лишь один культ — культ силы. Доводы рассудка достаточно убедительно заменял кулак. Война стала их основным занятием. Гигантского роста, наделенные огромной силой, жестокие и упрямые, они не могли придумать ничего лучшего, как поголовно истребить друг друга.

Но Зевс был неутомим и создал четвертое поколение. Оно принципиально отличалось от прежних — то были герои, в чьих жилах текла божественная кровь. Эти полубоги тоже были могучими и смелыми, но к тому же они научились уважать справедливость и человеческое достоинство. Правда, вскоре выяснилось, что одни и те же поступки люди оценивают поразному, и в бесплодных спорах почему-то никак не рождается истина. Пришлось защищать эту истину с оружием в руках. И герои столь отчаянно боролись за правду, что в конце концов не осталось на земле ни одного полубога. Одни погибли в грандиозном сражении под Фивами, причина которого была чрезвычайно убедительна: два брата, управлявших городом, царствовали поочередно, и в правление одного второй обязан был отправляться в изгнание. Достаточно было однажды нарушить этот закон, чтобы разгорелась война.

Другие пали у стен Трои во имя того, чтобы вернуть спартанскому царю Менелаю его легкомысленную супругу, которая предпочла солидному, уважаемому правителю юного красавца Париса.

Так или иначе, непримиримые идейные противники, сведя счеты с жизнью, отправились в подземное царство, правда, не туда, куда попадали обычные смертные, а в особый уголок, специально отведенный для праведников, — на Остров блаженных.

И вот наступил последний, железный век. Пришло поколение обычных, маленьких, беззащитных людей, задавленных заботами о хлебе насущном, изнуренных тяжким трудом. Именно о них — своих современниках — поведал нам живший в VIII столетии до нашей эры Гесиод, подробно пересказавший поучительный миф о пяти веках в поэме «Труды и дни».

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.

Чем может похвастаться железный век? Тем, что в мире зло побеждает добро? Что скромность и честность отступают перед богатством и ложью? Что люди завидуют друг другу и чинят насилия? Что богини Совесть и Правосудие покинули землю, лишив ее обитателей защиты от бед и несправедливости?

Гесиод, правда, не теряет надежды — ведь все зависит от богов. Не зря же 30 тысяч соглядатаев регулярно сообщают Зевсу о всех земных делах. И если он до сих пор ничего не предпринимает, то ему виднее: значит, так надо. И люди должны покорно ждать своей судьбы — не им судить о действиях верховного владыки!

Прямо скажем, подобный оптимизм держится на довольно шатком основании. В особенности если вспомнить еще один миф, который отнюдь не вселяет уверенности в добрых намерениях олимпийцев.

Оказывается, Зевс уже с давних пор ревниво заботится о смертных. Для их же блага он старался, чтобы они были лишены разума (мифы не допускают мысли, что Зевс при этом, пожалуй, больше беспокоился о себе!). Для их же пользы он спрятал под землей источник жизни — пищу, тем самым заставив людей трудиться в поте лица.

Но нашелся смельчак, который восстал против подобной политики. Титан Прометей украл из кузницы

Гефеста божественный огонь и подарил его людям. Он обучил их искусствам, ремеслам и радовался тому, что они стали умнее, а жизнь их — счастливее. Единственное, что осталось им недоступным, — это искусство управления государством, тайна, которую Зевс тщательно скрывал (а может быть, просто считал, что его уроки не пойдут впрок). И хотя нет сведений о дискуссиях между Зевсом и Прометеем на политические темы, ясно, что деятельность титана возмущала олимпийца: ему пытались внушить чудовищную мысль, что не смертные существуют для блага владык, а наоборот.

И разгневанный царь богов отомстил людям. По его приказу Гефест вылепил из глины прекрасную девушку, Афродита дала ей неотразимую прелесть, Афина одела ее в изысканные одежды, научила тканью и прядению, Гермес наделил ее лживой душой и научил льстивым, коварным речам. В общем каждый бог внес свой посильный вклад в создание существа, которое должно было принести несчастье всему человечеству. Назвали эту девушку Пандорой (то есть «Наделенной всеми дарами») и выдали замуж за брата Прометея — глупого и доверчивого титана, прятавшего в своем доме таинственный сосуд, который запрещено было открывать. Что там хранилось, никто не знал: известно было лишь, что поднять его крышку — значило принести несчастье.

Пандору, естественно, это не остановило. Она открыла сосуд и... Разлетелись по свету беды, заботы, болезни. Неслышно блуждают они с тех пор по земле, незаметно подкрадываются к людям: Зевс лишил их голоса, чтобы никто не смог избежать того, что ему предназначено.

А на дне сосуда, который торопливо закрыла Пандора, осталась лишь не успевшая вылететь Надежда. Ее дарить смертным Зевс не собирался.

И все-таки греки надеялись. На что? На то, на что надеется каждое поколение, когда понимает, чего оно хочет и чего не может осуществить, — на будущее. Как оно выглядело, это грядущее светлое царство, о котором мечтали древние?

Над проектами идеального государства ломало голову немало античных философов. Многое не устраивало их в современной им действительности: люди злы, корыстны, несправедливы; их интересы сталкиваются, и это приводит ко лжи, насилию, кровавой борьбе. Как образумить их? Где тот корень зла, который надо вырвать, чтобы установить согласие между гражданами?

И философы действительно смотрели в корень. Они не очень-то верили, что человек испорчен по своей природе. Пифагор, например, считал, что люди получили от богов две блаженные способности: говорить правду и творить добро. Тем не менее редко кто делает и то и другое. Причина? Корысть. Зависть. Стремление к богатству.

Бог-слепец. Богатство-Плутос,
Лучше б нам тебя не видеть —
Все несчастья от тебя, —

писал античный поэт. Даже в мифах рассказывалось о том, как суровый Геракл, очутившись на Олимпе, не захотел беседовать с Плутосом: «Его я невзлюбил еще на Земле, увидев, как он дружен с дурными людьми». А Гераклит из Эфеса, весьма мрачно смотревший на мир и получивший прозвище «Плачущий философ», под конец жизни покинул родной город, разочаровавшись в согражданах. На прощанье же он пожелал им: «Да не покинет вас богатство, эфесцы, чтобы вы осрамились из-за своей подлости!»

Устами героя одной из своих трагедий Софокл говорит, что

Деньги — зло
Великое для смертных. Из-за денег
Обречены на гибель города,
И отчий кров изгнанник покидает;
И, развратив невинные сердца,
Деяниям постыдным учат деньги,
И помыслам коварным, и нечестью.

Это место приводит К. Маркс в первом томе «Капитала» как иллюстрацию того, что «античное общество поносит деньги как монету, на которую разме-

нивается весь экономический и моральный уклад его жизни».

Во многих греческих городах — особенно таких, как Спарта, осуждали роскошь и праздность, потому что они делают людей изнеженными, ленивыми и... тупыми. Но мудрецы смотрели глубже. Они видели опасность в том, что богатство разделяет людей, уничтожает их достоинство, свободу, честность, порождает неравенство. Потому так часто в греческой истории ставили в пример политиков и полководцев, прославившихся своим бескорыстием, а значит — неподкупностью и справедливостью: фиванца Эпаминонда, афинян Аристида, Эфиальта, Фокиона.

Полководцу Фокиону однажды Александр Македонский прислал в дар огромную сумму денег. «Почему он мне дает эти деньги?» — спросил афинский

вождь. «Потому, — ответили ему, — что тебя единственного из афинян царь считает достойным человеком». Фокион оказался на высоте: «Так пусть же он позволит мне таким и остаться».

А правитель Эфиальт не принял дорогого подарка от друзей, сразив их неопровержимым доводом: «Это заставит меня в угоду вам подчас жертвовать законом, или же я стану в ваших глазах неблагодарным».

Итак, истинный корень зла — богатство, собственность. Следовательно, чтобы сделать людей равными и свободными, не зависящими друг от друга, не опасающимися говорить истину, надо уничтожить богатство. Точнее — иначе распределить его. Но кто будет заниматься этим? Кому же люди станут подчиняться? На этот счет единодушия среди древних ученых не было. Одни отстаивали демократическое устройство

и утверждали, подобно философу Демокриту, что даже «бедность при демократии настолько же пред почтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства».

Другие, разочаровавшись в народе, презрительно относились к толпе и руководителям, послушно угождавшим ее вкусам и требованиям. В одной из трагедий Софокла пастухи говорят о своих стадах:

Да, мы их господа, и мы же их рабы;
Хотя они молчат, но мы покорны им.

Античные историки не раз обращали внимание на то, что честолюбцы, пробравшиеся к власти, заигрывают с народом, демагогически обещают ему немедленное исполнение всех его требований и уничтожение всех бед. Плутарх заметил, что «государственные мужи, жаждущие славы,— слуги толпы и только по имени ее правители».

Так, может быть, и вовсе пренебречь мнением сограждан? Как в той же Спарте, например? Избранные управляли городом, не тратя времени на бесплодные дискуссии. Они требовали лишь одного — беспрекословного повиновения. Как писал Плутарх, главной силой, которой держится государство, они считали страх, ибо «больше всего толпа почитает тех, кого боится». И среди многих храмов, воздвигнутых в Спарте, был один, которым особенно гордились,— храм, посвященный Страху.

У философов же эта несокрушимая идея, которая позднее нашла ретивых защитников во многих странах, не вызывала восторга. Страх калечит людей, утверждали они, — и тех, кто его испытывает, и тех кто его внушает. Значит, нужны другие методы для идеального государства.

Один из крупнейших мыслителей древности, Платон, предлагает проект общества, основанного на добродетели, то есть справедливости. Как и многие его современники, Платон высказывал недовольство афинской демократией, недостатки которой со временем становились все ощутимей. По мнению Платона,

демократия разрушила единство и порядок в государстве, расколола его на враждующие классы и партии, завидующие друг другу. А «неумеренная свобода демоса» привела к тому, что на каждом шагу нарушаются законы, люди не уважают ни себя, ни правительство; даже собаки, лошади и ослы, преисполненные свободы, отказываются повиноваться человеку. О рабах и говорить нечего: распущенные и дерзкие, они вообще себя ведут, как свободные граждане.

Все необходимо решительно изменить. В двух своих сочинениях — «Государство» и «Законы» — Платон разрабатывает схему идеального общественного устройства. Граждане делятся на три класса, которые непреодолимой пропастью отделены от рабов: «Ведь рабы никогда не станут друзьями господ, так же как люди негодные не станут друзьями людей порядочных, даже если будут занимать должности, пользующиеся одинаковым почетом». В этом, между прочим, Платон не оригинален. Мысль о том, что рабы не люди, а просто говорящие орудия, вещи, господствовала в тогдашней общественной психологии, и лишь единицы осмеливались утверждать, что от рождения все люди одинаковы и рабом человека делает лишь несчастное стечение обстоятельств.

Самый многочисленный слой граждан, по Платону, — ремесленники (к которым относятся также торговцы и земледельцы). Они кормят все общество и удовлетворяют насущные потребности страны. Главная их добродетель — обуздание своих страстей, умеренность и ограничение желаний. Специальные чиновники следят за их мыслями и поступками.

Но государство нуждается, кроме пищи, одежды и т. п., еще и в защите. Эту роль выполняют стражи. Поставлены они в особые условия: ничто не должно отвлекать их от строгих и священных обязанностей. «Все общее среди друзей», — пишет Платон и лишает их права иметь собственность, обзаводиться семьей.

Наконец, высший класс — правители-философы. Эти мудрецы ничего общего не имеют со столь ненавистными Платону руководителями афинской демократии. Не дешевая популярность или воинские заслу-

ги приводят философов к власти, а долгие годы занятий науками. Только тот, кто образован и умен, имеет право управлять людьми. И«пока не будут философы царствовать или цари искренне философствовать, пока государственная сила и философия не совпадут в одно, дотоле человеческий род не дождется конца злу».

Правители учат народ, заботятся о его благе — независимо от того, хочет он этого или нет, ибо народ — дитя, неспособный понимать истину. Философы не обязаны убеждать кого-либо в справедливости своих решений. Они непогрешимы и бесконтрольны, заранее все могут предусмотреть и не нуждаются в советчиках. Их мудрость гарантирует всеобщее благо.

Государственное устройство Платона напоминает кое-чем аристократическую спартанскую «общину равных». Да и сам философ обращался к истории, чтобы подкрепить свою правоту. В диалогах «Тимей» и «Критий» он подробно рассказывает о древнейшем, праафинском государстве, якобы существовавшем 9 тысяч лет назад, в эпоху величайшего расцвета его родины. Там жили люди, «прославленные красотой тела и различными доблестями». Они разделялись на классы: жрецов, пастухов, охотников, земледельцев, художников и воинов.

Такой порядок установила богиня Афина. «Любя войну и мудрость, она выбрала место, которое должно было давать мужей, более всего ей подобных. И они жили, пользуясь такими законами и все совершенствуя свое благоустройство, так что превзошли добродетелью всех людей, как это и подобало сынам и потомкам богов».

Правда, потом этот удивительный народ исчез с лица земли в результате грандиозной стихийной катастрофы («когда происходили землетрясения и потопы»), и не осталось никаких следов его существования. Ничего не сообщают о нем и мифы. Поэтому столь детальное описание Платоном нравов и государственного устройства предков афинян поневоле внушает мысль, что мы имеем дело лишь с вымыслом философа, своего рода патриотической фантазией, придуман-

ной им для пропаганды его социально-политической теории.

Конечно, Платон не мог предвидеть будущего. Быть может, он усомнился бы в реальности своих планов, если б узнал, как в XVIII веке игриво флиртовали с философами такие самодержцы, как прусский король Фридрих Второй, обласкавший Вольтера, или русская императрица Екатерина Вторая, клявшаяся в верности идеалам Дидро. Немало находилось подобных покровителей философии, которые боролись за справедливость — правда, полагая при этом, что самое справедливое на свете — это их собственная власть.

В народе же сохранялись свои представления об идеальном государстве. Это царство будущего удивительным образом напоминало времена далекого прошлого. Для эллинов это был легендарный золотой век: всеобщее изобилие, всеобщее равенство, отсутствие забот и отсутствие собственности.

Отголоски подобных представлений можно найти уже у Гомера. В «Одиссее» мы встречаемся с первой из известных нам литературных утопий — описанием идеального государства феаков.

Этот мифический народ жил на острове Схерия, который многие ученые отождествляют с нынешним островом Корфу. Уйдя от прежних беспокойных соседей — Циклопов, феаки поселились здесь во главе с сыном Посейдона и построили город с крепкими стенами, широкими площадями, храмами и дворцами. Феаки считались любимцами богов, которые нередко являлись на их пиры. Особенно покровительствовал им Посейдон, сделавший их искуснейшими мореходами, не знающими страха.

Одиссей, потерпевший крушение и выброшенный волнами на берег Схерии, с изумлением глядит на обширную гавань и бесконечный ряд удивительных кораблей. Ему объясняют:

Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
Наша о мачтах, и веслах, и прочных судах мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать многошумное море...
Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,

Нужного каждому судну, на наших судах не имеем —
Сами они понимают своих корабельщиков мысли,
Сами находят они и жилища людей и поля их
Тучнообильные; быстро они все моря обтекают,
Мглой и туманом одетые. Нет никогда им боязни
Вред на волнах потерпеть иль от бури в пучине погибнуть.

Все на этом сказочном острове носит отблеск золотого века. Дворец царя Алкиноя излучает сияние — золотом, серебром, медью сверкают стены, двери и карнизы, украшенные драгоценностями. Ворота охраняют создания Гефеста — живые и бессмертные золотые псы! В огромном саду круглый год плодоносят деревья, созревает виноград. Богатая земля, разделенная на участки между жителями, дает обильные всходы, а пристани завалены привезенными издалека товарами.

Весело и баззаботно проводят свои дни феаки. Они устраивают пышные пиры, состязания атлетов, наслаждаются пением и танцами. Они всегда веселы и беспечны, тем более что трудятся на острове в основном рабыни: собирают урожай, молотят зерно, прядут пряжу, изготовляют ткани.

Но никто здесь не жалуется на судьбу: мир и согласие царят среди граждан. Управляют ими Алкиной, внук Посейдона, и вожди из знатных родов, с которыми он советуется о делах государства:

Областью нашею правят двенадцать владык знаменитых,
Праведно-строгих судей; я — тринадцатый, главный.

Дворец его всегда полон гостей: царь любит пировать и веселиться вместе со своим народом. Поистине золотые нравы господствуют в этой стране: жители ее спокойны и миролюбивы, не знают зависти и коварства, пороков и преступлений. Гордясь своей добродетелью, феаки ревностно оберегают себя от разлагающих влияний извне. Даже покупая товары в других землях, они никого не зовут к себе и очень настороженно относятся к чужестранцам.

Таким казалось в гомеровскую эпоху идеальное государство, царство веселья и мудрости, где жизнь полна блаженства. По существу, это изолированное

аристократическое государство, сохранившее патриархальные порядки и обычаи, которых не коснулось время.

Позднее представления о наилучшем государственном устройстве менялись — под влиянием различных философских учений, а главным образом благодаря накапливавшемуся историческому опыту. Однако воспоминания о золотом веке оказались весьма живучи — и не только в литературных произведениях. Ежегодно греки, а затем и римляне ликовали на празднике, посвященном богу Крону, с именем которого связывали эту далекую и блаженную пору. Кронии (в Риме их называли Сатурналии, так как греческий Крон у римлян именовался Сатурном) отмечались необыкновенно пышно. Царило всеобщее необузданное веселье, дни проходили в играх и пирах, все делали друг другу подарки. Но самое удивительное то, что все установившиеся порядки переворачивались вверх ногами. В Риме, например, в течение недели (с 17 до 24 декабря) приостанавливались все общественные дела, прекращалось судопроизводство, школьники освобождались от наказаний. За столом рабы сидели вместе с хозяевами, могли напиваться, насмехаться над ними; и никто не мог упрекнуть их за то, за что в иное время их избили бы палками или бросили в тюрьму. Но мало того, что рабам давали свободу слова, господа еще обязаны были прислуживать им и терпеливо сносить все унижения, обычно выпадающие на долю слуг. Справедливость торжествовала. Правда, лишь на короткий срок. А потом наступало горькое похмелье. Возвращение к «золотому веку» выглядело как злая пародия. Стоило ли становиться калифом на час, чтобы через неделю еще горше ощутить свое подневольное положение!

И смельчаки искали другой выход. Если уже идти вспять, то бесповоротно. Если уничтожать сословия и неравенство, то навсегда. И вот появляется роман-утопия греческого писателя Ямбула, жившего в III—II веках до нашей эры, о путешествии в сказочную страну — «Государство Солнца». Там царят нравы «золотого века»: нет угнетения и раздоров, имущество —

общее, детей воспитывает весь коллектив свободных и равноправных граждан, которыми руководят старейшины. Жители объединяются в роды и союзы, по очереди выполняют различные работы в ремесле, сельском хозяйстве, обслуживании и управлении. Главным божеством является Солнце, и вся страна — его собственность. В это идеальное царство нет доступа посторонним, и автор с грустью сознается, что ему и его спутникам не разрешили поселиться на острове из-за испорченности их нравов.

Роман был, конечно, чисто утопическим, но в нем — в который уже раз в истории! — вновь возникал роковой вопрос: что было раньше — яйцо или курица? Сначала идеальное общество, а потом воспитанные им образцовые граждане или сначала добродетельные мужи, которые — в соответствии со своей чистотой и добропорядочностью — создадут это общество? Сколько было примеров того, как те или иные реформы и законы — пусть самые совершенные — искажались, уродовались, развенчивались людьми, взявшимися за их осуществление, но явно не подходящими к этой роли!

И все-таки роман не прошел бесследно. Государство Солнца действительно было создано. Его назвали в честь бога Гелиоса — Гелиополис, а жители именовали себя гелиополитами. Это случилось в 133 году до нашей эры в Пергамском царстве.

Неожиданно скончавшийся царь Аттал III был сказочно богат и невероятно своенравен. Видимо, Гелиос потерял всякое терпение, наблюдая за проделками этого деспота, и решил вмешаться. Вопреки обычному долголетию пергамских правителей, Аттал царствовал всего пять лет и умер от... солнечного удара. Но и после смерти он все-таки сумел насолить всем: в своем завещании передал цветущее царство и огромные сокровища не своим законным наследникам, а Римской державе.

И тогда его сводный брат Аристоник поднял восстание, возглавив рабов и свободных, и попытался, разгромив римлян, учредить Солнечное царство. Отчаянная трехлетняя борьба закончилась поражением

восставших и гибелью их вождя. Но авторитет Гелиоса отнюдь не был поколеблен. На много веков он остался в памяти как бог обиженных и угнетенных, поборник справедливости. Идея же Солнечного царства через 1700 лет проникла сквозь тюремные затворы неаполитанской тюрьмы и вдохновила ее узника на создание смелого утопического проекта будущего общества, основанного на коммунистических принципах Имя его высечено на обелиске, сооруженном у кремлевской стены, среди тех, чьи труды подготовили теорию научного коммунизма. Его звали Томмазо Кампанелла. Он был автором всемирно известного «Государства Солнца».

* КОГДА РАСКАЛЫВАЕТСЯ ГОЛОВА

Всякому терпению есть предел. Даже божественному. И хотя боги избавили себя от болезней, предоставив эту привилегию смертным, все же им нередко приходилось страдать — из-за оскорбленного самолюбия, нравственных терзаний, а то и просто от обычной боли. Все было как у людей, только в гигантских масштабах. И если бог получал рану, как это случилось с Аресом, которого поразил греческий герой Диомед, сражавшийся под Троей, то и муки его были несоизмеримы с людскими. Раненый бог войны завопил так, будто десять тысяч воинов ринулись в яростную битву, и, покинув поле боя, помчался на Олимп, где ему тут же оказали неотложную помощь.

Но если раны умели залечивать, то перед головной болью отступали даже самые опытные врачи. Вот почему такая растерянность царила на Олимпе, когда Зевс стал жаловаться на мигрень. Правда, уж кто-кто, а сам громовержец прекрасно понимал, что, кроме себя, ему винить некого.

Дело в том, что царь богов унаследовал от своего свергнутого отца странную привычку. Как и Крону, ему было предсказано, что у него родится сын, который будет сильнее его. Крон, как известно, принял

профилактические меры, чтобы обезопасить себя, но Зевс-то лучше, чем кто-нибудь, знал, сколь ненадежными они оказались. И царь богов, не изменив наследственному обычаю, усовершенствовал его. По зрелому размышлению он пришел к выводу, что глотать детей хлопотно, да и как-то не очень гуманно. Проще и надежней начинать непосредственно с жен. И, не поперхнувшись, благополучно проглотил свою первую жену Метиду (что значит «Разум»). Конечно, ум хорошо, а два лучше, но вскоре ему стало невтерпеж от немыслимой головной боли. В отчаянии Зевс решил сунуть голову под топор и дал согласие на операцию. Но кто мог тогда сделать трепанацию черепа? Конечно, только искусный Гефест, которому топор полностью заменял весь набор хирургических инструментов. Одним ударом он расколол голову горячо любимому родителю, и оттуда выпрыгнула, вся в полном вооружении, сверкая копьем, богиня Афина.

Очнувшись, Зевс возликовал, поблагодарил Метиду, смирно продолжавшую сидеть у него в животе и подавать мудрые советы, и сразу же признал Афину своей любимицей, поручив ей массу дел, до которых у него не доходили руки.

Рожденная из головы богиня мудрости блистала энциклопедической образованностью. Она покровительствовала наукам, искусствам и ремеслам, изобрела для людей веретено, ткацкий станок, телегу, плуг, борону, научила их строить корабли, делать колесницы, запрягать быков, обуздывать коней.

Именно ее золотая уздечка смирила непокорного крылатого коня Пегаса, который был избалован высоким доверием и никому не подчинялся, кроме Зевса, поручавшего ему доставлять на Олимп громы и молнии. Афина же подарила уздечку герою Беллерофонту, и тот покорил своенравное животное. Но в память о былых заслугах Пегаса боги вознесли его на небо, и его именем назвали созвездие. А позднее, в III веке до нашей эры, александрийские поэты стали почтительно величать его конем стихотворцев, на котором каждый, кто ощутил в себе божественный дар, имеет

право подняться на гору Парнас — к Аполлону и Музам.

За что выпала такая честь ни в чем не повинному Пегасу?

За то, что он вовремя напомнил покровительницам искусств, что всему надо знать меру.

Однажды музы, славившиеся своим искусным пением, настолько взволновали гору, на которой они водили хороводы, что та дрогнула и от восторга стала подниматься к небесам. Того и гляди, еще немного — и она возвысится над Олимпом! Разумеется, богам это пришлось не по вкусу. И по приказу Посейдона Пегас охладил неумеренный энтузиазм. Он сделал это тактично и аккуратно, но весьма недвусмысленно: тихо топнул ногой и ласковым ударом копыта бережно вернул гору в ее первоначальное состояние.

Вообще узда, по мысли богов, должна была играть решающую роль в жизни людей. Счастлив лишь тот, кто знает меру во всем. «Ничего слишком!» — гласила одна из популярнейших пословиц.

В меру радуйся удаче,
В меру в бедствиях горюй, —

писал греческий поэт. Мера означала порядок, красоту, закон. Нарушение ее — нарушение порядка, гармонии, а это ведет к несчастьям. Те, у кого слишком много силы, богатства, славы, становятся гордыми и заносчивыми. И неизбежна расплата.

Беллерофонт, приручивший Пегаса, забыл, видно, об уздечке, подаренной ему Афиной. Он возгордился и захотел взлететь на Олимп. Но хорошо усвоивший начальственные директивы конь не допустил такого святотатства и спокойно скинул своего хозяина на землю — да так, что тот от падения лишился разума.

Столь же непримирима была и сама богиня мудрости. Ей бросили однажды вызов. И кто? Какая-то ничтожная дочь простого ремесленника, ткавшая и вышивавшая одежду, как говорили, не хуже самой Афины. Богиня приняла вызов, и когда закончилось соревнование, выяснилось, что рукоделие смертной

ничуть не уступает божескому творению. Поняла это и сама Афина. Однако ничейный результат явно не устраивал ее, и она опротестовала его в очень убедительной и корректной форме: она обвинила девушку в том, что та изобразила богов без должного почтения, разорвала ткань, а саму мастерицу превратила в паука, великодушно предоставив ей и ее потомству возможность вечно ткать и вечно висеть в паутине.

Столь своеобразное понимание справедливости не помешало, однако, Афине считаться стражем порядка на Земле. Она дала людям законы, ввела для них суды и народные собрания, следила за честным ведением военных действий. Сама грозная воительница, она победила гиганта Палланта (за это ее стали называть Палладой) и обтянула его кожей свой щит, на котором позднее укрепила отрубленную голову Медузы Горгоны. Афина приходила на помощь и могучим героям — Ахиллу, Одиссею, Гераклу, Персею, и выдающимся мастерам — художникам, и ремесленникам, и мудрым правителям.

Строгая, целомудренная, мужественная Афина не отличалась особым очарованием. Все признавали, что она прекрасна (некрасивых богинь у греков не было!), но настолько холодна и рассудительна, что способна остудить самые пылкие чувства.

Может быть, поэтому Афина так деятельно занималась именно мужскими делами — войной, управлением, ремеслом.

Мифы об Афине отражают определенную ступень в сознании древних людей, уже не только овладевших рядом профессий и освоивших важнейшие изобретения, но и сумевших оценить их значение. Естественно и то, что зачатки государственной организации, установление более или мене твердых общественных порядков расценивались как дар богов, пытавшихся объединить людей, привести их к согласию. Сама идея государственной власти рассматривалась как нечто необходимое, абсолютно справедливое и полезное. Показательно и то, что Афина совершенно не похожа на прежних богов, олицетворявших дикие, стихийные силы. Она довольно мало связана с приро-

дой и почти целиком переключилась на дела человеческие, став их высшим судьей.

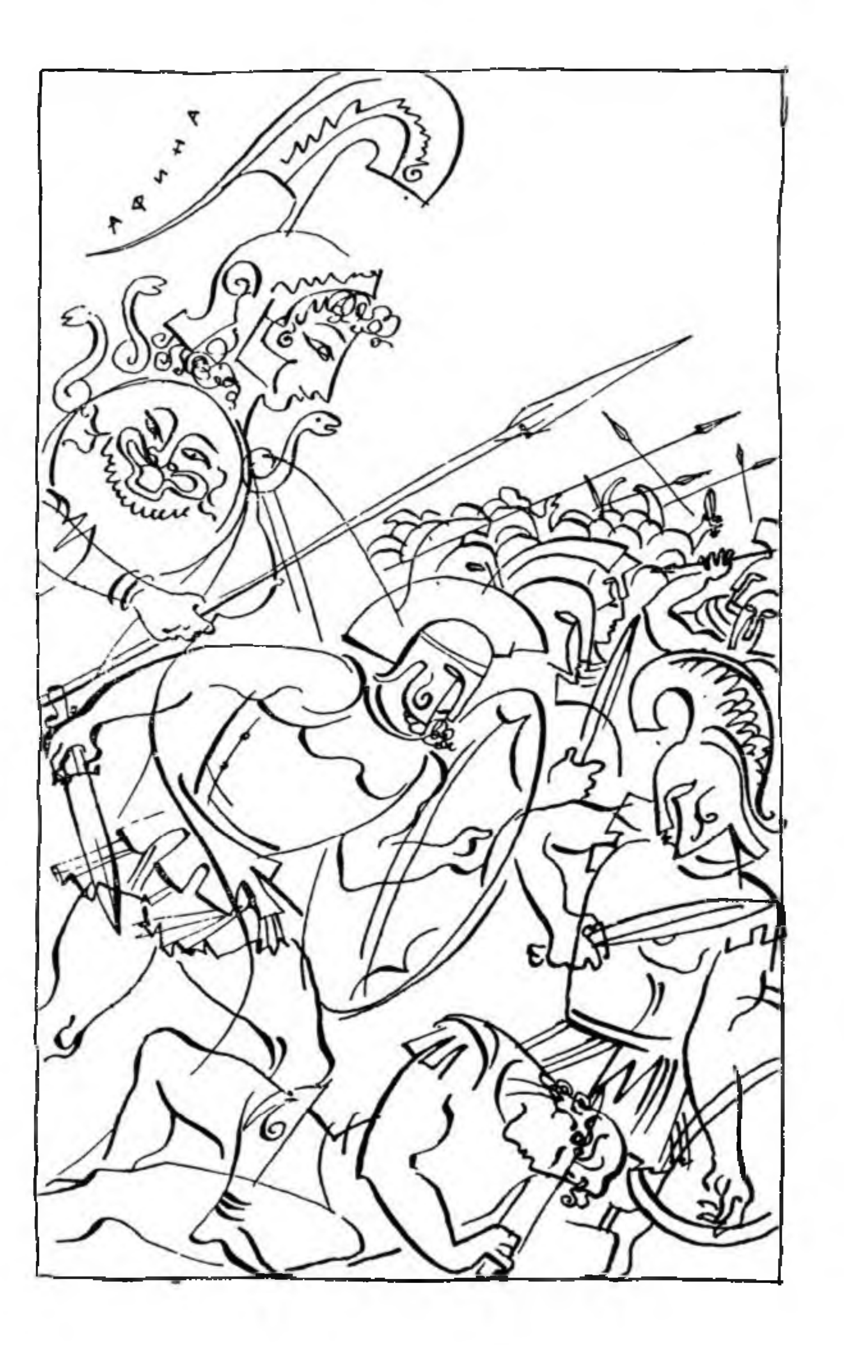
К ней обращались за консультацией и мифические герои и даже боги. К ее советам прислушивался сам Зевс, разрешавший ей спорить с ним. Что же касается смертных, то они безропотно отдавали себя на ее милость, а наиболее находчивые прикрывались ее авторитетом.

Уже в VII веке до нашей эры на афинском акрополе (так называли кремль, расположенный обычно на холме, в древнегреческих городах) существовал храм Афины, в котором стояла ее деревянная статуя, якобы упавшая с неба. О ней, как о покровительнице растущего у подножия акрополя города, говорил в своих стихах правитель Солон:

Город наш волею Зевса уже никогда не погибнет,
И благосклонны к нему боги пребудут всегда,
Ибо защитница, славная духом Афина Паллада,
Зевса державная дочь, руки простерла над ним.

А сменивший Солона тиран Писистрат скромно признавался, что богиня оказывает ему личное покровительство, а потому сомнений насчет законности его пребывания у власти быть не должно. Афиняне тем не менее все-таки усомнились и решили испытать судьбу: они просто изгнали властолюбца. И обошлось. Никаких указаний свыше не последовало. Но Писистрат оказался изобретательным политиком. Он вторично вступил в город — на сей раз... в присутствии самой богини. Найдя красивую высокую женщину, он обрядил ее в военную одежду, дал в руки оружие, поставил на колесницу и двинулся в путь, послав вперед глашатаев, с трепетом возглашавших: «Афиняне, примите с добрым чувством Писистрата: сама Афина почтила его больше всех людей и теперь возвращает в свой акрополь!»

Добропорядочные жители города поверили, и пропагандистский трюк увенчался успехом. Но, видно, богиня строже относилась к Писистрату и не очень-то поддерживала его. Во всяком случае, в течение 32 лет его правления трижды ему приходилось бежать из

города, а из его наследников, усердно клявшихся в любви к Афине, одного граждане изгнали, а другого убили. Совершенно очевидно, что богиня мудрости явно не признавала тирании и предпочитала более справедливое государственное устройство — демократию. Правда, эта демократия благополучно сочеталась с рабством, но афиняне не мыслили себе иного общества, кроме рабовладельческого. И хотя еще Гомер писал, что рабство убивает все лучшее, что есть в человеке, афиняне все же были твердо убеждены в том, что раба, собственно говоря, и не следует считать человеком. Поэтому демократия (что значит «народное правление») для греков означала правление избранных, то есть тех, кто достоин именоваться гражданином. Этого гордого звания лишены были, между прочим, чужеземцы и даже те, кто родился, например, от афинянина и неафинянки. Фактически лишь 20—30 тысяч граждан могли участвовать в народном собрании и решать дела государства. Именно такой порядок, по мнению афинян, был угоден богине.

* ВЗЛЕТЕВ НАД ГРЕШНОЮ ЗЕМЛЕЙ

Боги завистливы и честолюбивы. Они, не колеблясь, расправляются со своими соперниками. Люди же оказались восприимчивыми учениками и нередко забывали древнюю пословицу: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».

Легендарный художник и строитель Дедал находился под особым покровительством Афины и, видимо, решил, что ему может все сойти с рук. Мастером он был непревзойденным. Именно он будто бы изобрел рубанок, отвес, клей. Он же создавал тончайшие изделия из дерева и металла, придумал инкрустацию из слоновой кости. Художник, скульптор, архитектор, изобретатель — это был какой-то Леонардо да Винчи древнейшей эпохи. Авторитет его долго оставался незыблемым, пока... Пока не подрос его племянник, обнаруживший явно нездоровую склонность превзойти

своего наставника: он уже успел изобрести пилу, циркуль, гончарный круг.

Дедал своевременно оценил опасность со стороны любимого ученика и поступил с ним по-родственному: заманил на крышу храма на акрополе и столкнул его оттуда.

Афиняне не посчитались с былыми заслугами великого мастера. Они считали, что никакие достоинства не могут компенсировать пролитой крови, и потому Дедалу пришлось бежать из Афин. Он отправился на Крит, к царю Миносу. И тут его талант развернулся в полной мере.

Он построил невероятно запутанный дворец со множеством комнат и коридоров, в центре которого Минос скрывал своего чудовищного потомка — получеловека-полубыка, прозванного Минотавром. Войти в этот дворец мог любой, но уж выбраться из него не удавалось никому. Одного этого здания — Лабиринта — было достаточно, чтобы прославить его строителя. Но Дедал удивлял мир и своими скульптурами. Статуи других художников напоминали застывшие мумии — с закрытыми глазами, тесно прижатыми к телу руками, сдвинутыми ногами. Дедал же заставил свои статуи... двигаться, сделал их живыми.

Статуи Дедала считались вообще образцом в изобразительном искусстве античности. Греки классической поры отдавали предпочтение произведениям, абсолютно точно копировавшим жизнь. Наивысшей похвалы удостаивались те творения, которые можно было принять за подлинные предметы. Широко известен был рассказ о художниках, соревновавшихся между собой: один нарисовал виноград, и он получился настолько аппетитным, что у зрителей текли слюнки, а плохо разбирающиеся в искусстве птицы прилетали его клевать. Его соперник выставил картину с тем же виноградом, но, чтобы уберечь его от соблазнов, завесил его. Обман был раскрыт и принес художнику славу: завеса оказалась тоже нарисованной.

На афинской площади стояла «Телка» скульптора Мирона. Десятки поэтов описывали ее, не переставая

удивляться тому, что она производила впечатление живой.

Мирон раз телку свою искал среди стада живого,
Смог он ее лишь узнать, телок прогнавши других, —

говорилось в одной эпиграмме.

Здесь меня Мирон поставил. Пастух же, считая живою,
Камнями гонит меня, будто бы я отстаю, —

сказано в другой. Интересно, что древние скульпторы, добиваясь идеального сходства, думали именно о том, чтобы произведение казалось живым. Самая точная внешняя копия — это муляж, мертвый манекен. Но греки понимали, что это далеко еще не искусство. Надо было находить способы оживлять дерево или мрамор.

«Попробуй сними гипсовую форму с руки... — ты увидишь ужасный труп без малейшего сходства, и тебе придется искать резец и художника, которые, не давая точной копии, передадут движение жизни». Эти слова принадлежат великому реалисту Бальзаку, отлично понимавшему, что самое сложное в искусстве не внешнее подобие, а именно дыхание жизни. Глядя на античную фигуру, Микеланджело как-то признался, оценивая мастерство скульптора: «Этот человек знал больше, чем сама природа. Любопытную особенность греческой пластики подметил французский художник Ренуар: «Скульпторы древности придавали своим статуям возможно меньше движения. Но если их статуи и не делают движений, создается впечатление, что они могли бы их сделать».

Статуи действительно казались живыми. Но в то же время они отнюдь не были двойниками человека. Каждая фигура была своего рода обобщением, она как бы поднималась над мелким, личным, индивидуальным. Потому-то античные статуи классической поры и кажутся чересчур спокойными, бесстрастными, даже холодноватыми. Но ведь не надо забывать, что главным образом статуи посвящались богам и мифическим героям, и лишь позднее стали довольно часто

воплощать в мраморе облик реальных людей — политиков, полководцев, деятелей искусства, спортсменов, пока, наконец, не дошли до того, что начали увековечивать царей, сравнивая их с богами.

О скульптуре, изображавшей Александра Македонского, писали:

Полный отважности взор Александра и весь его облик
Вылил из меди Лисипп. Словно живет эта медь.
Кажется, глядя на Зевса, ему говорит изваянье:
«Землю беру я себе — ты же Олимпом владей».

В Афинах же первые статуи, изображавшие людей, были поставлены в начале V века до нашей эры и посвящены борцам против тирании, убившим одного из сыновей тирана Писистрата. В течение целого столетия подобных статуй больше не создавали, и специальный закон запрещал вообще кого бы то ни было устанавливать рядом с ними. Закон нарушили лишь через 400 лет, поместив по соседству изображения двух римских тираноубийц — Брута и Кассия, покончивших с Юлием Цезарем.

Греческие статуи всегда отличались величественностью. Да иначе и быть не могло: скульптура испокон веку изображала героическое, возвышенное, призвана была славить, воспевать, а не критиковать и разоблачать. И расцвет скульптуры (не только в Греции) всегда зависел от того, насколько героична была сама эпоха, насколько она давала материал для возвеличивания. Все остальное зависело от мастерства и честности художника.

Неизвестно, кого возвеличивал Дедал, но мифы рассказывают, что его статуи производили грозное впечатление, а ожив, вели себя довольно буйно. Сам Гермес едва отбился от них, когда они стали преследовать его.

Имея под рукой такого уникального специалиста, царь Минос, естественно, весьма заботился о том, чтобы Дедал не вздумал покинуть его. Почетному гостю были предоставлены все земные блага и даже не менее почетное сопровождение недремлющих стражей. Дедал обзавелся семьей, вырастил сына Икара и все

же беспрестанно тосковал. Наконец, поняв, что ни на суше, ни на море путей спасения нет, он решился на самое дерзкое деяние, которое когда-либо приходило в голову смертным, — он вздумал улететь.

Но как? Фантазия людей всегда соответствует тому уровню техники, который ими достигнут. Она как бы совершенствует то, что уже существует. И Дедал не открыл принципиально нового способа передвижения: он использовал птичьи крылья, скрепив их воском и льняной нитью. И все же главное — это то, что человек дерзнул оторваться от земли, которая — единственная — давала силу людям. Миф о непобедимом великане Антее, который в минуту слабости прижимался к своей матери — земле и вновь становился мощным и неустрашимым, убедительно доказывал, что всякий потерявший почву под ногами обречен на гибель (что и продемонстрировал Геракл, задушивший в воздухе сына земли).

И вот беглецы над морем. Осторожный Дедал, видимо, проделавший все необходимые расчеты, дал четкое указание сыну держаться строго определенной линии — между небом и землей. Но выпорхнувший на волю Икар забыл о наставлениях, взлетел слишком высоко, и... солнечные лучи растопили воск, скреплявший перья.

О юноша! Презрев земное,
К орбите солнца взнесся ты.
Но крылья растопились в зное,
И в море, вечно голубое,
Безумец рухнул с высоты.

Единственное, чем мог утешиться потрясенный отец, — это слава сына, которая пережила века. Имя его, которым стало называться море (Икарийское), осталось в памяти людей символом дерзости и бесстрашия, того «безумства храбрых», которого всегда требуют неизведанные пути.

Дальнейшая судьба Дедала складывалась сравнительно спокойно — все-таки Афина не оставила без покровительства своего избранника. Он прибыл в Сицилию и скрылся там от Миноса, искавшего его по-

всюду. Правда, в конце концов критский владыка разыскал мастера.

«По когтям узнают льва», — гласила древнегреческая пословица. Именно об этом, вероятно, и вспомнил Минос, пообещавший груду золота тому, кто, отломив острый конец раковины улитки, сумеет продеть нитку через все ее ходы. Несмотря на столь высокий приз, охотников все же не нашлось, кроме одного — царя Сицилии. Тот обратился к Дедалу и получил вполне квалифицированную консультацию: надо привязать нитку к муравью и пустить его в раковину, а уж дальше он проползет сам.

Сицилийский владыка получил желанную награду, а Минос таким образом смог, наконец, обнаружить беглеца, ибо ясно, что, кроме Дедала, до такого гениально-простого решения ни один смертный не додумался бы. Явившись в Сицилию, критский царь потребовал выдачи Дедала. Но его ждал сюрприз. В честь него устроили пышный пир, перед которым он принял ванну. И там, во время купания, на него вылили кипяток, немедленно открывший ему дорогу в подземное царство, где ему уже не суждено было никогда встретиться с Дедалом. Прославленного мастера позднее зачислили в ранг богов, и он стал ближайшим соратником Афины и Гефеста, покровителем ремесленников, зодчих и изобретателей.

✻ ЗОЛОТАЯ БОГИНЯ

На десятом году Троянской войны ахейцы, наконец, убедились, что взять штурмом Трою они не могут. Оставалось надеяться лишь на хитрость. И на непостоянство богов...

Когда-то Зевс и Афина не скрывали своих симпатий к этому городу. К ним обратился дарданский царь Ил с просьбой дать какой-нибудь знак, правильно ли он выбрал место для основания Илиона. Олимпиец одобрил его решение и сбросил с неба палладий — статую Афины, хранительницы городов. Двух-

метровую деревянную фигуру вырезала сама богиня в память о дочери Тритона Палладе, которую она по неосторожности погубила.

Статуя хранилась в храме, посвященном Афине, и до тех пор, пока она находилась там, крепостные стены оставались неприступными. Даже суровая дочь Зевса, возненавидевшая троянцев и ревностно помогавшая ахейцам, не в силах была что-либо изменить. Вот если бы палладий исчез из ее святилища, тогда... Тогда она не чувствовала бы себя связанной каким-либо обещанием и прежнее знамение утратило бы свое значение.

Хитроумнейший из греков Одиссей и бесстрашный Диомед, уступавший храбростью лишь Ахиллу, ночью тайком пробрались в лагерь осажденных и унесли статую из храма, лишив тем самым троянцев надежд на спасение.

Об этом прецеденте вряд ли помнил тот, кто похитил в 1966 году из-под носа лондонской полиции Золотую богиню, хозяевами которой в течение 8 лет были бразильские футболисты. Почти двухкилограммовый кубок, отлитый из чистого золота, изготовил в 1946 году французский скульптор, и президент Международной федерации Жюль Риме учредил его в качестве переходящего приза за победу на первенстве мира. Кубок представляет собой фигурку крылатой богини Ники, дочери титана Палланта, сестры Рвения, Упорства, Силы.

Как известно, украденная (но вскоре найденная) Золотая богиня весьма благосклонно отнеслась к похитителям и не захотела покидать английскую землю, изменив прежним кумирам.

Таким же непостоянством отличалась и древнегреческая Ника. Спутница Зевса и Афины, она редко появлялась на Олимпе — ей хватало хлопот на земле. Богиня едва успевала следить за всеми событиями и подчас опаздывала к месту действия, а то и вовсе не появлялась там, где ее ждали. Понимая, что всем все равно не угодишь, она не обижалась на людей, которые сегодня приносили ей жертвы и прославляли, а завтра упрекали в непостоянстве и ветрености. При

всем уважении к богам греки, однако, довольно свободно обращались с ними, и суеверия легко уживались с практической трезвостью. Поэтому в Спарте, например, где особенно чтили бога войны Ареса, его деревянную статую попросту заковали в цепи, полагая, что таким образом симпатии грозного олимпийца обеспечены.

Афиняне же, видимо, не считали оковы наилучшей гарантией любви и предпочли более изысканный способ: они возвели храм Бескрылой Победы, решив, что отныне Победа никогда не покинет их. Увы, разочароваться им пришлось очень скоро: храм был построен в годы Пелопоннесской войны (431—404 гг.), которая завершилась сокрушительным поражением Афин, так больше никогда и не оправившихся от этого удара.

Ника не знала отдыха ни в мирное время, ни в военное. Она прилетала на поля сражений, выполняя волю Зевса и еще более неумолимую волю Судьбы. Она не несла ответственности за пролитую кровь: в конце концов кто виноват, что люди не научились еще решать свои споры без помощи оружия? Утешало ее, правда, то, что обычно вслед за ней спешила богиня мира Ирена, которой на какое-то время удавалось установить согласие между смертными.

Зато в период праздников Ника развивала бурную деятельность. Особенно желанной гостьей она была на юге Греции, в области Элида, где находилось небольшое местечко Олимпия. Здесь когда-то Зевс победил Крона, и в честь этого события его сын Геракл учредил пятидневный праздник, три дня из которого отводились состязаниям — Олимпийским играм.

Все прибывающие на Олимпиаду считались гостями Зевса, и верховный владыка проявлял себя как радушный хозяин.

В Олимпии собирались люди из различных городов, нередко враждовавших друг с другом. Но уже в древнейшие времена (а первые Олимпийские игры произошли в 776 году до нашей эры) этот праздник расценивался как демонстрация единства всех элли-

нов, независимо от политических противоречий между ними.

Когда специальные глашатаи сообщали гражданам о начале игр (они проводились каждые четыре года с 11-го до 15-го числа летнего месяца, соответствующего у нас июлю—августу), немедленно вступали в силу категорические предписания:

С момента объявления священного месяца игр все враждебные действия должны прекращаться.

Все чужеземцы, вступая на территорию Элиды, обязаны сдавать оружие.

Те, кто попытается напасть на эту территорию, подвергнутся проклятию богов.

Проклятие и штраф будут уделом всякого, кто нападет на путника, направляющегося в Олимпию.

И действительно, в дни праздника в Олимпии все чувствовали себя в полной безопасности. Кроме женщин. Им присутствовать на играх было запрещено: нарушительницу ожидала не очень радостная перспектива быть сброшенной со скалы. Трудно понять греков: может быть, они заботились о душевном спокойствии Зевса, который, как всем было известно, уделял слишком много внимания слабому полу? Но тогда почему запрет касался только замужних женщин и не распространялся на девушек? А возможно, греки просто хотели одинаково угодить и Зевсу и его супруге, которой был посвящен другой праздник — тоже в Олимпии, но на который не допускались мужчины. Правда, эти игры собирали немного участниц, потому что греческим женщинам, а тем более юным спортсменкам, не разрешалось предпринимать длительных самостоятельных путешествий. Программа игр включала лишь забеги на дистанцию, на $^1/_6$ короче мужской. Мысль о том, что женщины способны овладеть другими видами спорта — хотя бы метанием диска, копья, прыжками в длину, очевидно, не казалась грекам такой уж соблазнительной.

Гости Олимпии имели счастье лицезреть Зевса и проникаться сладкой уверенностью, что он следит за каждым их шагом. Они приходили к храмовому алтарю и там, как писал древний поэт,

...знаки просили Зевса подать
на пламенных жертвах, не сообщит ли он людям
премудрое слово...

Здесь же, в храме, стены которого украшали рельефы, изображавшие 12 подвигов Геракла, находилась статуя Зевса, выполненная знаменитым афинским скульптором Фидием и объявленная позднее одним из семи чудес света. Царь богов восседал на троне, держа в одной руке жезл, увенчанный изображением священного орла, а в другой — богиню Нику. На постаменте статуи значилось: «Фидий, сын Хармида, афинянин, создал меня». Огромная статуя (17-метровой высоты!), сделанная из золота и слоновой кости, производила весьма внушительное впечатление.

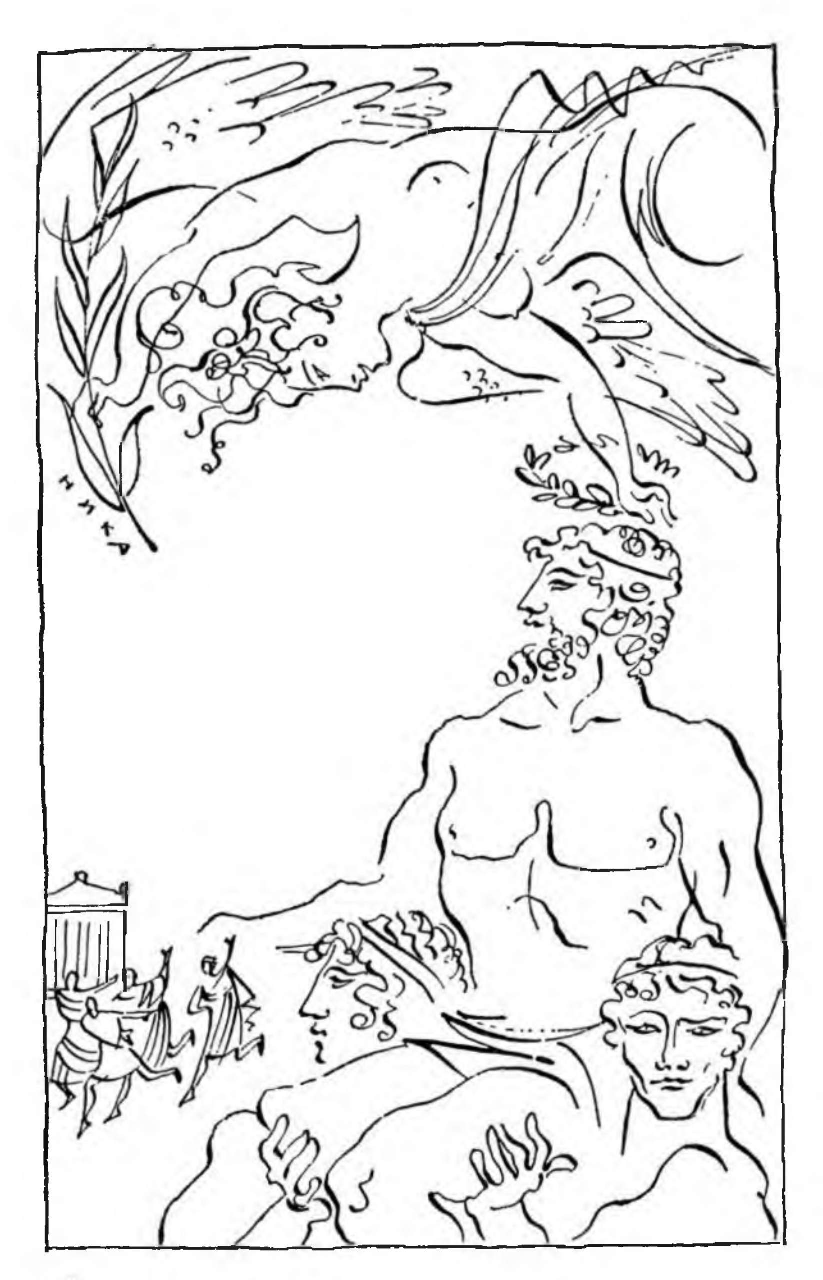
Сам Зевс выразил Фидию свое удовлетворение.

Рассказывали, что однажды мастер, закончив работу, вошел в храм, где в полумраке светилась гигантская фигура всемогущего бога, и обратился к статуе с просьбой дать какое-нибудь знамение, из которого можно заключить, понравилось ли его творение. И ему был дан недвусмысленный ответ — правда, в несколько своеобразной форме: раздался оглушительный гром, и черный мраморный пол у постамента треснул. Сомневаться в одобрении бога после этого, конечно, не приходилось.

Что же касается смертных, то они разнесли славу об этом произведении по всему свету. «Несчастен тот, кому не довелось повидать его», — говорили в Греции в течение многих веков. А в одной из эпиграмм автор с удивлением вопрошал:

Зевс ли на землю сошел показать тебе, Фидий, свой облик,
Или на небо ты сам видеть его восходил?

Позднее статуя столь же неотразимо действовала на римских императоров, которые доказали свою любовь к искусству, увезя ее в столицу Восточной Римской империи — Константинополь (где она и погибла в V веке во время пожара во дворце).

Изображения Зевса в Олимпии встречались на каждом шагу, а дары ему росли с каждым праздником. Мало того, что ему преподносили обычно $^1/_{10}$ часть своих трофеев греческие военачальники и 14 сокровищниц разных городов могли бы составить богатейший музей подарков верховному владыке. Зевсу еще регулярно посвящались медные статуи, сделанные на деньги, полученные в качестве штрафа. Дело в том, что жажда победы на Олимпийских играх была столь велика, что нередко спортсмены нарушали правила (часто даже — по взаимной договоренности). И тогда, если обман раскрывался, приходилось извиняться перед богом, который, очевидно, готов был объявить прощение всякому, кто выразит ему свою любовь. Но все же в назидание на одной из таких статуй высекли надпись: «Не деньгами, но быстротой ног и силой приобретается олимпийская победа».

И победу эту расценивали высоко. Победителя венчали лавровой ветвью и венком из оливковых ветвей, которые срезали в священном лесу (этот венок атлет, вернувшись домой, приносил в дар Зевсу!). В родном городе герой игр получал особые привилегии — его освобождали от уплаты налогов, предоставляли право занимать почетные должности. Нередко при въезде победителя неистовые болельщики выламывали часть стены, ибо «город, имеющий таких храбрых и сильных сынов, не нуждается в укреплениях».

Наград удостаивались не только непосредственные участники игр. Честолюбивый племянник Перикла Алкивиад, ставший позднее выдающимся полководцем, добился популярности прежде всего благодаря числу колесниц, которые выставлял на играх. И хотя сам он не выходил на поле стадиона (колесницами управляли специальные возничие), ему, как победителю, оказали величайшие почести, так как он, по словам Плутарха, «блеском и славой превзошел все, что способны были принести эти состязания».

Еврипид посвятил ему торжественную песнь, в которой говорилось: «Тебя хочу воспеть, о сын Кли-

ния! Победа прекрасна. Но несравненно прекраснее то, что выпало тебе, единственному среди эллинов: прийти на колеснице первым, прийти вторым и третьим и с увенчанным оливою челом услышать свое имя из уст громогласного глашатая».

В Афинской пинакотеке, близ Акрополя, еще во II веке нашей эры можно было увидеть картину, изображающую Алкивиада на коленях у богини со знаками побед, одержанных его лошадьми на ристалищах.

Чаще, однако, победителей увековечивали в мраморе или меди: им ставили статуи — как в Олимпии, так и на их родине. При этом считалось, что не только сами герои, но и их изображения находятся под охраной богов. И статуи иногда творили чудеса.

После смерти атлета Феагена его враги на острове Фасосе попытались ночью разбить его изображение. Бронзовая статуя долго терпела, но в конце концов и олимпийская выносливость имеет свои пределы: статуя рухнула и задавила одного из злоумышленников. Дети погибшего, не растерявшись, обратились в суд, обвинив ее в убийстве. Поскольку смягчающих обстоятельств не обнаружилось, факты говорили сами за себя, а статуя явно уклонялась от дачи показаний, ее признали виновной и в соответствии с приговором бросили в море. И что же? На остров обрушился неурожай, начался голод. Пришлось вытаскивать статую обратно и вновь водружать на пьедестал.

Феаген был одним из самых прославленных олимпиоников (так именовали победителей игр). На его счету — 1 400 венков, полученных на разных играх, в том числе 6 — олимпийских.

Но не менее известны были и другие атлеты, устанавливавшие невероятные — с нынешней точки зрения — рекорды. Совершенно очевидно, что современным спортсменам, лишенным поддержки Зевса, трудно рассчитывать на подобные успехи.

Леонид Родосский, например, намного превзошел самого знаменитого бегуна XX века Джесси Оуэнса (завоевавшего на Олимпиаде 1936 года четыре золотые медали). Греческий атлет получил за свою спор-

тивную карьеру 12 наград и четыре олимпиады не знал поражений.

Скороход Фидиппид, отправившийся из Афин в Спарту предупредить о вторжении персов (в 490 году до нашей эры), благополучно преодолел за два дня 240 километров!

Аргосец Агей, победив на Олимпийских играх, тут же помчался за 50 километров в родной город сообщить о своем триумфе и ночью вернулся в Элиду, чтобы участвовать в состязаниях следующего дня.

И уж совершенно сказочными кажутся результаты прыгунов в длину. С ними могли бы сейчас соперничать разве что мастера тройного прыжка. Правда, в те времена прыжки совершались под музыку, и атлеты прыгали с гантелями в руках с небольшого возвышения, и все же трудно предположить, что кто-нибудь в ближайшие несколько веков подберется близко к результату Фаилла, достигшего... 16,5 метра! Цифра поистине фантастическая. Но вот спартанец Хион, которого, как предполагают, скульптор Мирон увековечил во всемирно известной статуе «Дискобол», довольствовался более скромным результатом — всего... 16 метров.

Поневоле начнешь верить, что дело не обошлось без вмешательства богини Ники, посланной Зевсом. 293 олимпиады она честно трудилась на знаменитом стадионе, вмещавшем 40 тысяч зрителей, приводя в исступление рьяных болельщиков. И нередко она появлялась не одна, а в сопровождении бога смерти Таната, который отнюдь не ограничивался ролью скромного созерцателя. Иногда схватки атлетов — кулачных бойцов — заканчивались трагически. Еще больший урожай собирал этот мрачный бог на конных состязаниях: в 426 году до нашей эры, например, из 40 наездников в живых остался лишь... один. Нередко его благосклонный взор падал и на трибуны стадиона, и тогда...

Философ Фалес, выдающийся ученый VI века до нашей эры, по преданию, умер во время игры «от жары, жажды и дряхлости».

О мудреце Хилоне писали, что «зрелище победы сына было слишком сильным для старца, и он скончался тут же, на стадионе». Такую смерть считали достаточно почетной, ибо чего можно было еще желать в жизни, после того как твой сын стал олимпиоником?[1]

Как известно, Олимпийские игры прекратились в конце IV века. Христианская церковь не могла допустить, чтобы душевные и физические силы людей растрачивались столь нерациональным способом. Сокрушив старых богов, она истребляла всякую память о них, уничтожала памятники, запрещала обряды и традиционные праздники.

Понадобилось полторы тысячи лет, чтобы в 1896 году идея Олимпийских игр вновь увлекла — и теперь уже не одних греков, а все человечество. Правда, на этот раз обошлось без Зевса. Но организатор игр француз Пьер де Кубертен достойно заменил забытого бога и вполне заслужил, чтобы его статуя была воздвигнута в Олимпии — среди огромного музея под открытым небом, где хранятся обломки почти двух тысяч произведений искусства, которые не пощадило ни время, ни люди. Но в память о величайшем спортивном празднике древности и поныне, раз в четыре года, на древней земле Олимпии, в священной роще, под лучами солнца вспыхивает факельный огонь, который как эстафету проносят по земному шару. Его доставляют на стадион олимпийского города к началу праздника, открывающегося парадом участников, среди которых, по традиции, первыми проходят представители Греции — страны, подарившей миру Олимпийские игры.

* «ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ»

Эта приветливая надпись встретила знаменитого итальянского поэта Данте, подошедшего к воротам ада, который он описал в своей «Божественной комедии». Действительно, по христианским верованиям, ад предназначался для тех, кто при жизни не

отличался особым благочестием и запятнал себя преступлениями. Праведникам же и тем, кто смирен и кроток, гарантировано вечное блаженство в раю — избавление от горя, обид, забот и труда. По мнению церкви, именно такая постная райская жизнь и есть предел всех человеческих стремлений.

В этом смысле греки с гораздо большим уважением относились к людям. Даже богов они представляли себе в человеческом облике, ибо ничего прекраснее этого облика, по их мнению, не было. Они, разумеется, не подозревали, что благодаря труду человек выделился из животного царства. Но, во всяком случае, перспектива унылого безделья и удручающей беззаботности на том свете их явно не прельщала. Ходячего выражения «перешел в лучший мир» у них не существовало, и никакого загробного блаженства они не ожидали. Поэтому идея рая им до поры до времени вообще не приходила в голову: всякая смерть считалась несчастьем, каких бы почестей ни удостаивались умершие в подземном мире. Самый сильный из смертных — греческий герой Ахилл, павший под стенами Трои, в загробном царстве продолжал считаться своего рода вождем, командовавшим, правда, бесплотными душами. Подобная почесть не доставляла ему радости. Разумеется, от страданий он был избавлен. Но, встретившись с Одиссеем, спустившимся под землю для выполнения сложнейшего поручения, он признавался:

Не утешай меня в смерти моей, Одиссей знаменитый!
Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату
У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать,
Нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью.

А ведь Ахилл находился в весьма привилегированном положении — он попал в число героев, которым предназначался особый Остров блаженных, где царствует Крон и куда не допускают обычных смертных.

Древнейшие люди не видели особой грани между жизнью и смертью. Смерть казалась им лишь переходом к другой, какой-то неведомой жизни, и загробное царство представлялось им продолжением земного.

Поэтому, когда хоронили покойников, им старались создать привычную обстановку и словно снаряжали в дальнюю дорогу, обеспечивая всем необходимым.

Позднее возникло представление о душе, которая способна отделиться от тела. Как объяснить, что во сне человек может путешествовать, встречаться с умершими, охотиться? Невольно приходило на ум, что у него есть двойник, который, дождавшись удобного момента, покидает тело и начинает самостоятельно странствовать, чтобы к моменту пробуждения человека вернуться обратно. Если же этот двойник — душа — не возвращался, значит сон будет бесконечным, то есть наступает смерть. Душу воспринимали вполне материально, она имела определенную форму (обычно форму тени), и в ней как бы заключена была жизнь. Когда человек умирал, тело его становилось холодным и неподвижным. Значит, исчезало то, что делало его живым, то есть душа.

Но куда же она направлялась? Что происходило с ней после смерти людей? Естественно, рождалась мысль, что умирает только тело, а душа отправляется в какой-то иной мир, где и продолжает самостоятельно путешествовать. По этому поводу Энгельс заметил: «Уже с того отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения не есть деятельность их тела, а какого-то особого начала — души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти,— уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру. Если она в момент смерти отделяется от тела и продолжает жить, то нет никакого повода придумывать для нее еще какую-то особую смерть. Так возникло представление о ее бессмертии, которое на той ступени развития не заключало в себе ничего утешительного, казалось неотвратимой судьбой и довольно часто, например у греков, считалось подлинным несчастьем. Не религиозная потребность в утешении приводила всюду к скучному вымыслу о личном бессмертии, а то простое обстоятельство, что, раз признавши существование

души, люди, в силу общей ограниченности, никак не могли объяснить себе, куда же девается она после смерти тела».

Сначала в подземном мире царило равенство душ. Как и при жизни, в условиях родового строя, покойники не имели никаких особых привилегий и не различались между собой — всем было гарантировано вечное блаженство. Когда первобытнообщинные устои разложились и возникло общественное неравенство, изменились и устои потустороннего мира: все теперь зависело от того, кем был умерший на земле, заслужил ли он это блаженство. Зародился страх перед загробным царством; люди постепенно приходили к горькому выводу о недоступности вечной жизни, о недостижимости бессмертия.

Древние египтяне никак не хотели примириться с исчезновением души и разработали целую систему сохранения трупов (в виде мумий), обеспечив таким образом возможность душе вернуться, как только она пожелает.

Греки же, очевидно, пришли к выводу, что дожидаться возвращения души — дело ненадежное (да и как знать — такое ли уж целесообразное?), и, соблюдая положенные обряды, предавали тело покойного земле и воздвигали надгробный памятник. Для утонувших или погибших в далеких краях на их родине, где, естественно, похорон не производилось, все же сооружали «пустую могилу» (кенотаф), иначе, не имея посмертной обители, душа обречена вечно скитаться и никогда не достигнет царства теней.

Она становилась беспокойным призраком, не знающим отдыха и не получающим для себя пищи. Ей оставалось лишь одно — мстить живущим на земле: насылать на них болезни, запугивать страшными сновидениями, даже губить посевы. Поэтому больше всего греки заботились именно о погребальном культе, стараясь не раздражать усопших. Каждый гражданин греческого полиса беспокоился о том, будут ли выполнены после его смерти подобающие обряды, и сама смерть внушала иногда меньше страха, чем невыполнение похоронного ритуала.

Умирающий на поле брани Гектор просит сразившего его Ахилла лишь об одном:

В пищу меня не бросай, умоляю, ахейским собакам!
Множество меди и золота в дар от меня ты получишь —
Выкуп, который внесут мой отец и почтенная матерь.
Ты ж мое тело обратно домой возврати, чтобы в Трое
Труп мой огню приобщили троянцы и жены троянцев.

И на это беспощадный победитель отвечает словами, которых так опасался бесстрашный троянский герой:

Если бы выкуп несчетный — и в десять раз больше, и в
двадцать
Мне от твоих привезли и еще обещали бы больше,
Если б тебя самого приказал хоть на золото взвесить
Царь Приам Дарданид, — и тогда, положивши на ложе,
Мать не смогла бы оплакать тебя, рожденного ею.
Хищные птицы тебя и собаки всего растерзают!

Правда, в конце концов непреклонный Ахилл дрогнул и сжалился над старым Приамом, пробравшимся в его палатку и умолявшим возвратить ему тело убитого сына. Гораздо трагичней разворачивались события в другом мифе — из так называемого фиванского цикла. Сыновья царя Эдипа должны были поочередно править Фивами. Но когда подошел очередной срок, Этеокл нарушил договор и отказался уступить престол Полинику, жившему в Аргосе. Началась братоубийственная война, известная в мифах под названием «Поход семерых против Фив». Семь вождей возглавляли наступавшие войска, и среди них Полиник, на щите которого была изображена богиня и начертана надпись: «Я введу этого мужа как победителя в его родной город и в дом его отцов».

Поход, однако, оказался неудачным, победу одержали осажденные. Но в решающем поединке погибли оба брата. И тогда новый правитель Фив Креонт принял суровое решение. В трагедии Софокла «Антигона» он обращается к народу со словами:

Теперь же всем я должен возвестить
О тех двух братьях, о сынах Эдипа:
Я Этеокла, что в бою за город
Пал, все копьем своим преодолев,

Велел предать земле и совершить
Над ним обряд, достойный благородных,
О брате ж Этеокла Полинике,
Который край свой и богов отчизны,
Вернувшись из изгнанья, сжечь хотел
Дотла, и братскою упиться кровью,
И граждан всех рабами увести, —
О нем мы возвещаем всем: его
Не хоронить и не рыдать над ним,
И хищным птицам там, без погребенья,
И псам его оставить в знак позора.

Тому, кто нарушит постановление, грозит смерть. Но это не останавливает дочь Эдипа Антигону. Повинуясь древнему неписаному закону предков, она хоронит Полиника, обрекая тем самым себя на гибель. Поступить иначе она не может, ведь:

Если сына матери моей
Оставила бы я непогребенным,
То это было бы прискорбней смерти.

Об умерших обычно заботились родственники. Они сооружали надгробные памятники, приносили жертвы, совершали возлияния, питая покойников мясом, молоком, медом и вином. Но когда речь шла о павших воинах, организацию похорон брало на себя государство И горе тому полководцу, который не предал земле тела погибших.

Подобный случай произошел однажды в Афинах и имел самые трагические последствия.

Это было в 406 году до нашей эры. 25 лет уже длилась борьба между Афинами и Спартой. Силы противников истощились, и все понимали, что исход Пелопоннесской войны может зависеть от одного решающего сражения, притом не на суше, а на море. Вот почему Афины пошли на крайние меры: перелили и превратили в деньги золотые и серебряные сокровища из храмов, призвали во флот всех способных носить оружие и даже привлекли к военной службе рабов, пообещав им свободу.

В битве при Аргинузских островах афиняне одержали блестящую победу: спартанцы потеряли 14 тысяч человек и 70 кораблей. В предвкушении наград и почестей стратеги, руководившие битвой, поспешили

в родной город, которому они оказали неоценимую услугу. Увы, их ждала тюрьма. В Народном собрании выступили ораторы, обвинившие полководцев в том, что они не поспешили на выручку к разбитым и тонувшим афинским кораблям (а таких кораблей было 25), не спасли находившихся там раненых и не оказали необходимых почестей павшим.

Обвиняемые пытались доказать, что они прежде всего заботились о завершении битвы и преследовании отступавшего врага, ссылались они и на то, что разыгравшаяся буря разбросала корабли и не позволила подобрать раненых и убитых. Выступавший на процессе защитник стратегов заклинал Народное собрание: «Счастливые победители, вы хотите поступить как несчастные побежденные. Столкнувшись с неизбежным роком, вы готовы осудить как изменников людей, которые не в силах были действовать иначе, чем они действовали, будучи не в состоянии из-за бури выполнить приказанное. Не делайте же этого: ведь гораздо справедливее увенчать победителей венками, чем подвергнуть смертной казни, послушавшись дурных людей».

Но, по словам Аристотеля, народ был обманут людьми, которые разожгли его низменные инстинкты. Собрание, возмущенное невыполнением священного долга, приговорило полководцев к смерти, и они были казнены.

Попасть в подземное царство было не так уж просто. Путей туда было несколько — через глубокие пещеры или озера — на территории Греции и Италии. Считалось, что покойник, распрощавшись с землей, не спеша, в полном одеянии, сохраняя достойный вид (душа, оказывается, имела человеческий облик), направляется к подземной реке — границе владений Аида. Но поскольку душа, очутившись в столь непривычной ситуации, может заблудиться и не найти верной дороги, ее сопровождает Гермес, которому даже дано прозвище «Проводник душ». У границы покойник сводит последние счеты со своим прошлым и уплачивает небольшую сумму перевозчику Харону (обычно мертвецам закладывали в рот медную монету), которому даны подземным владыкой два строжайших распоряжения:

не перевозить бесплатно и не иметь дела с живыми. Как писал Жуковский:

Вечно ходит челн Харона,
Но лишь тени он берет.

Очутившись на другом берегу реки, покойник сразу же ощущал трогательную заботу о себе — его взору представал трехглавый пес, шею которого украшало ожерелье из змей. Звали его Цербер. Сын Ехидны и змееголового Тифона, он спокойно пропускал в Аид всякого, но не выпускал обратно никого.

И, наконец, перед пришельцем раскрывалась бескрайняя равнина, где бродили тени умерших. Сначала греки не делали различий между ними: все они были бесплотными, безголосыми, лишенными всякой физической силы и не способными ни что-либо помнить, ни что-либо переживать. Чтоб не беспокоить себя щемящими воспоминаниями, они пили воду из «реки забвения» Леты — и все как рукой снимало.

Всякий попавший сюда представал перед судейской коллегией, притом сбросив с себя все одежды, чтобы знатное происхождение или богатство не оказало случайного влияния на арбитров. Хотя судей возглавлял критский царь Минос, все же, как видно, даже он, мудрейший из правителей, некогда советовавшийся с Зевсом и получавший от него указания относительно законов, не был застрахован от необъективности.

Позднее в Аиде многое изменилось. Души стали дифференцировать. Основная масса по-прежнему бродила или порхала по лугам и долинам во мраке и тишине, которую нарушали лишь их горестные вздохи. Память к ним возвращалась, и они нередко скорбели о том, как быстро забыли их на земле. Именно этой участи опасался — и не без оснований — поэт Владимир Ленский, писавший перед дуэлью с Онегиным:

И память юного поэта
Поглотит медленная Лета,
Забудет мир меня.

Особо достойные, которым боги даровали бессмертие, попадали в Элизий (Елисейские поля) или на

Остров блаженных и вели там беззаботную жизнь, ничуть не смущаясь столь невероятным раздвоением личности: ведь тело их, воскресшее по милости богов, находилось в другом месте!

Наконец преступникам — святотатцам, злодеям, убийцам — уготован был Тартар, где они испытывали, несмотря на всю свою бесплотность, страшные физические мучения. Кто попадал в эту компанию?

Как правило, те, кто особенно прогневил богов. А чего олимпийцы не могли простить? Прежде всего дерзости, подрыва их репутации, нарушения установленных ими законов. И не знавшие пощады боги изобретали самые изощренные наказания для нечестивцев. При этом они благополучно обходились без адского огня, на котором в христианском аду поджаривают грешников. Олимпийцы знали цену человеческой стойкости и понимали, что физические страдания не всякого сломят. А вот бессмысленность, бесплодность, своих усилий — этого ни один смертный пережить не может, это поистине невыносимая пытка.

Так были наказаны дочери аргосского царя Даная, убившие своих мужей, силой заставивших их вступить в брак. Они обречены вечно выполнять бессмысленную работу: наполнять водой из подземной реки бочку, у которой нет дна.

Столь же производительным трудом занят и титан Сизиф — хитрейший и лукавейший из смертных. Ему выпало на долю вкатывать на гору тяжелый камень, который, едва достигнув вершины, немедленно скатывался вниз, и приходилось все начинать сначала.

А всему виной то, что ему удалось обмануть проницательных богов. Человечество могло бы ему соорудить памятник и навсегда запомнить его имя. Олимпийцы же рассудили иначе. Разве можно было допустить, чтобы люди ни в чем не уступали бессмертным? Между тем Сизиф именно это и попытался сделать. Он обманул самого бога смерти — Таната. Этого мрачного сына Ночи, обладающего железным сердцем, недолюбливали даже боги. Регулярно совершая рейсы из Аида на землю, он неслышно подлетал

ГЕРАКЛ
КЕНТАВР

к умиравшему и неумолимо исторгал его душу. Ему — единственному из богов — не приносили даров, и не чего удивляться, что он был закоренелым мизан тропом.

И вот Сизиф перехитрил его и заковал в цепи Люди перестали умирать. А это значит, что прекратились пышные похоронные обряды, никто не приносил жертв владыкам подземного царства. В общем нарушился заведенный Зевсом порядок, и кто знает, к чему бы это привело в дальнейшем? Ведь если исчезает страх перед смертью, то люди могут перестать бояться и почитать самих богов? Чем им теперь при грозишь?

Зевс всполошился. Он вспомнил, что однажды уже нашелся смельчак, поправший установленные им законы. Искуснейший врач Асклепий (римляне назы вали его Эскулапом) раскрыл тайны болезней и на учился не только исцелять больных, но даже воскре шать мертвых. Учителями его были отец — Аполлон и мудрый кентавр (получеловек-полуконь) Хирон.

Пришлось Зевсу вмешаться и убить Асклепия молнией.

С Сизифом же можно было поступить проще — он был всего-навсего сыном бога ветров, который всегда честно дул туда, куда ему прикажут.

По распоряжению Зевса бог войны Арес освобо дил Таната из оков, и тот, истосковавшийся по люби мой работе, тут же отвел душу Сизифа в царство мертвых.

И все-таки титан сражался до последнего. В конце концов можно еще проверить справедливость изби той истины, что «двум смертям не бывать»! И он всту пил в деловые переговоры с Плутоном.

Мрачный владыка был недоволен: душа грешни ка налицо, а тело осталось непогребенным, похорон ных жертв никто не приносит.

Где же выход? Сизиф предложил самое простое решение: отпустить его на Землю, чтоб он отдал необходимые распоряжения своей супруге. Плутон согласился — и, естественно, был обманут. Пришлось вторично отправлять Таната, который на сей раз ока-

зался на высоте и без помех доставил беспокойную душу Сизифа в Тартар.

В памяти потомков Сизифу не повезло: он воплощал в себе коварство и, даже принося благо людям, действовал, так сказать, незаконными методами — хитростью и обманом. Асклепий же со временем стал почитаться как бог врачевания, ему возводили храмы, приносили жертвы, крупнейшие медики античности считали себя его учениками и продолжателями.

Уже во времена Гомера врачи пользовались всеобщим уважением. В «Илиаде» они умеют не только дезинфицировать и перевязывать раны, прикладывать компрессы, но даже производить операции. Свое отношение к ним поэт выразил довольно категорично:

Стоит многих людей один
врачеватель искусный:
Вырежет он и стрелу и рану
присыплет лекарством.

Лекарство людям, считали греки, дал титан Прометей. В трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» он признается:

Скажу о самом важном: до меня
Не знали люди ни целящих мазей,
Ни снедей, ни питья и погибали
За недостатком помощи врачебной.
Я научил их смешивать лекарства,
Чтоб ими все болезни отражать.

Научили же пользоваться лекарствами боги — Аполлон, Асклепий и его дочери — Гигиея (Здоровье) и Панацея (Всецелительница). И хотя масса предрассудков мешала исцелению больных (еще в IV веке до нашей эры в Греции было запрещено, например, анатомировать человеческое тело), все же греческие врачи достигли многого, а живший в V веке до нашей эры Гиппократ и ныне считается основателем научной медицины. Ему, между прочим, приписывают текст клятвы, которую давали врачи, приобщавшиеся к своей нелегкой профессии:

«Клянусь Аполлоном, Асклепием, Гигиеей и Панацеей исполнять честно, соответственно моим силам

и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство:

...Я направлю режим больных к их выгоде, воздерживаясь от причинения им всякого вреда и несправедливости.

Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла

Честно и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство.

В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, неправедного и пагубного...

Что бы при лечении я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной».

Этот настоящий нравственный кодекс пережил тысячелетия. В 1948 году на собрании Всемирной ассоциации врачей в Женеве была принята так называемая «Женевская клятва», которую врачи произносят перед своими коллегами. В ней — те же слова о совести, долге, достоинстве и гуманности, которые впервые были произнесены 2400 лет назад, когда человек осмелился вмешаться в ту область, которая оставалась недоступной даже пониманию олимпийцев.

И мифы о Сизифе и Асклепии приобретают особый смысл. Перед нами — пусть неудавшаяся, но все же героическая попытка преодолеть смерть, отнять у богов право распоряжаться жизнью людей. Это значит, что люди достигли такого уровня знания, что не только усомнились в безусловной правильности порядка, установленного свыше, но и постепенно начинали верить в возможность изменить этот порядок. Дальнейшее развитие науки, и в частности медицины, подтвердило, что дальновидный Зевс правильно оценил грозящую опасность: человек, понявший, на что он способен и поверивший в свои силы, перестанет полагаться на богов и в конечном итоге верить в них.

И в мифах нередко смертные совершают чудеса, вступая в битву с олимпийцами. Правда, при этом

их, как правило, поддерживает кто-нибудь из богов, находящийся с ними в кровнем родстве. Такие герои, как Геракл, Тесей, Персей, все-таки были детьми смертных женщин и обративших на них свой благосклонный взор богов. Но любопытны не только их удивительные подвиги, а и та смелость, с которой они берутся за непосильные задачи.

Во время Троянской войны померялся силой с богами соратник Ахилла аргосский царь Диомед, сын Тидея. Сначала он без труда расправляется с Афродитой:

Сын же Тидея Киприду преследовал гибельной медью..,
И налетел, и ударил ей медью блестящею в руку...
Медная пика пронзила и около кисти рассекла
Кожу. Ручьем заструилась бессмертная кровь у богини...
Громко могучеголосый Тидид закричал Афродите:
«Скройся, Зевесова дочь! Удались от войны и убийства!»

И когда раненую богиню спрашивают на Олимпе, кто осмелился поднять на нее руку, она, рыдая, признается, что обидчик ее — простой смертный:

Ранил меня Диомед, предводитель надменный аргосцев,—
Нынче уже не троян и ахейцев свирепствует битва,
Нынче уже и с богами бессмертными бьются ахейцы.

Отчаянному Диомеду оказалось мало одной жертвы. Он замахивается на самого Аполлона. И грозный дальновержец, перед которым трепетали и люди и боги, обращается к богу войны с удивительной просьбой:

Слушай, Арес... людобоец, твердынь сокрушитель,
Кровью залитый! Не сгонишь ли с поля ты этого мужа,
Сына Тидея, который готов и с Зевсом сразиться?

Но и бог войны оказался посрамленным: Диомед пронзил его пикой.

От и Эфиальт, внуки Посейдона, однажды заковали в цепи «людобойца» Ареса и в течение тринадцати месяцев держали его в заточении, в медной бочке. На земле все это время царил мир, и никто не стремился разыскать исчезнувшего кровожадного бога. Но мачеха Ота и Эфиальта (как и полагалось мачехе) все-таки выдала тайну самому пронырли-

вому из олимпийцев — Гермесу, и тот освободил уже вконец обессиленного Ареса от оков.

По другому мифу, отчаянные братья угрожали вообще всему сонму бессмертных, намереваясь взгромоздить на Олимп гору Оссу, на нее еще одну — Пеликон и лишить семейство Зевса пристанища. Спасло богов лишь вмешательство Аполлона, поразившего стрелами нечестивцев.

Геракл ранил стрелой в грудь ненавидевшую его супругу Зевса, и «лютая боль безотрадная Геру богиню терзала». А во время своих подземных странствий величайший из смертных сразился с самим Аидом и тоже нанес ему рану не знающей промаха стрелой. И рана эта была столь мучительна, что владыка мертвых, нарушив вековой обычай, вынужден был подняться на Олимп, где его исцелил врачеватель богов Пеан.

Уж, казалось бы, нет ничего сложнее, чем войти живым и тем более вернуться обратно из царства мертвых. И все-таки... Сизифу помогло коварство. Певцу Орфею — непревзойденное мастерство артиста, сумевшего довести до слез обитателей мира теней. Гераклу — его необычайная сила, которой хватило на то, чтобы связать Цербера и ранить в схватке самого Аида. А Тесей дошел в своей дерзости до того, что, выполняя обещание, данное другу, отправился к Плутону, чтобы... похитить его жену Персефону.

Владычица подземного царства время от времени покидала свою унылую обитель. Дело в том, что, когда ее похитил Аид, богиня плодородия Деметра долго искала свою дочь и, в глубокой тоске бродя по земле, перестала выполнять свои обязанности. Голод обрушился на людей, а потом его ощутили и боги: им перестали приносить жертвы. И Зевс добился от своего мрачного брата того, чтобы он разрешил супруге часть года проводить на Олимпе. В этот период Деметра чувствовала себя счастливой, а земля приносила плоды. Остальное же время Персефона проводила вдали от нее, и тогда вместе с богиней плодородия тосковала вся природа.

Так отразилось в мифе древнейшее представление

о регулярной смене времен года — как о раз и навсегда установленном порядке.

Легко понять возмущение Аида, узнавшего о намерениях Тесея. Но расправиться с героем было не так просто — все-таки, хоть он и вырос в семье правителя Эгея, истинным его отцом являлся сам Посейдон. И Аид поступил вполне гуманно: он усадил героя на трон, вырубленный в скале, и предоставил ему размышлять о своей судьбе. Размышление обещало быть долгим, ибо Тесей прирос к трону и не мог сдвинуться с места. Лишь позднее освободил его Геракл.

Итак, в мифах наблюдается занятное — и очень символичное! — противоречие. С одной стороны, всемогущие боги подавляют человека, навязывают ему свои законы, решают его судьбу и неумолимо преследуют всякого, осмелившегося бросить им вызов. С другой стороны, смертные вопреки грозящим карам постоянно пытаются соперничать с олимпийцами, поставить под сомнение их безграничную власть, вырваться из-под нее, проникнуть в запретные тайны и сделать их всеобщим достоянием.

Испокон веку человечество принимало по наследству какие-то незыблемые установления. И каждое поколение все же, опираясь на это наследство, пыталось кое-что пересмотреть, изменить, усовершенствовать. Самые идеальные законы со временем устаревали, самые широкие рамки становились тесными, самые неопровержимые авторитеты начинали колебаться.

Исторический опыт и возмужание человечества неизбежно подрывали веру в богов. В мифах видны лишь отдельные попытки героев потрясти основы основ. Но герои — это, так сказать, практики, исполнители. А вот на долю реальных исторических личностей выпадала не менее сложная задача — теоретически осмыслить существующий мир. И их смелость — смелость разума — ничуть не уступает мужеству мифических богатырей.

Хотя государство обычно не интересовалось убеждениями и верованиями граждан и греки довольно терпимо относились к различному толкованию религиозных вопросов, больше обращая внимание не на

догмы, а на обряды и жертвоприношения, — все же публичное богохульство сурово преследовалось. И если крупнейшему комедиографу Греции Аристофану позволяли выводить на сцену богов в довольно смешном, а иногда и непристойном виде, все-таки сомневаться в существовании бессмертных владык было рискованно.

Философ Протагор, живший в V веке до нашей эры, утверждал: «О богах я не могу знать, существуют они или нет и каковы они на вид. Многое мешает этому — и неясность вопроса и краткость человеческой жизни». За это его изгнали из Афин и сожгли все его сочинения.

За сто лет до него философ Анаксимен признавал существование богов, и обвинить в атеизме его было нельзя. Правда, по его мнению, боги возникли... из воздуха.

Боги, конечно, существуют, признавал его современник Ксенофан, но они вовсе не вмешиваются в земные дела и вообще ничего общего с людьми не имеют — ни телом, ни духом. Люди создали богов по своему образу и подобию. Если бы львы, быки или кони умели рисовать, они изобразили бы богов в точном соответствии с собственным обликом. Что же касается красочных биографий, изложенных в мифах, то

Все про богов сочинили Гомер с Гесиодом совместно,
Что только срамом слывет и что люди позором считают,
Будто воруют они, совершают и блуд, и обманы.

«Гомер заслуживает того, чтобы быть изгнанным из общественных мест и высеченным розгами», — категорически заявлял знаменитый Гераклит, прозванный Темным за свою туманную манеру выражаться. И хотя многое в его замысловатых изречениях оставалось непонятным, все же критические суждения в адрес богов были достаточно очевидными. Сократ говорил о нем: «То, что я понял, превосходно. Думаю, что таково же и то, чего я не понял». Но вряд ли можно было усомниться в атеизме человека, осмелившегося две с половиной тысячи лет назад

провозгласить: «Мир единый из всего не создан никем из богов и людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим».

«Очень хорошее изложение начал диалектического материализма»,— заметил по поводу этой фразы В. И. Ленин, называвший Гераклита «одним из основоположников диалектики».

Не много осталось места для богов и в системе мироздания, разработанной крупнейшим греческим материалистом Демокритом, утверждавшим, что мир, состоящий из атомов, никем и никогда не создан, а бесконечен и вечен.

От суеверного страха излечивал и Гиппократ, отрицавший божественное происхождение болезней.

Наконец крупнейший историк античности Фукидид, занявшись исследованием той области, где престиж олимпийцев оставался незыблемым, пришел к выводу, что причины событий надо искать не в сверхъестественном вмешательстве свыше, а в самих людях, их традициях, их взаимоотношениях, их государственном и общественном устройстве.

И, вероятно, наилучшим подтверждением правоты древних атеистов являлось как раз то, что боги не в состоянии были помешать их деятельности, внушить им противоположные мысли — словом, обратить их в истинную веру. И такова уж судьба всесильных, наводящих страх владык: едва обнаруживается в чем-то их слабость, немедленно лопается их дутый авторитет, и будущие, просвещенные, поколения тщетно пытаются понять, на чем же держалась их власть, приводившая некогда всех в трепет.

Но если боги не могли сами защитить себя, то нашлось немало людей, понявших, сколько опасно свободомыслие: ведь если исчезает вера в бессмертных, то что уж говорить о почтении к знатным гражданам, о покорности правителям. И появлялись научные трактаты, теоретически обосновывавшие священное право избранных вершить судьбу остальных смертных. Один из выдающихся умов античности, Платон, разрабатывая проект идеального государства,

требовал запрещения всех жанров литературы, кроме гимнов, прославляющих богов и героев. Атеистов же — «одних надо казнить, других бичевать и заключать в тюрьмах, третьих лишать гражданских прав, четвертых наказывать нищетой и изгнанием из государства».

Хотя программу Платона никто никогда не пытался осуществить, но последнему совету следовали многие правители, справедливо усматривавшие в свободомыслии и критиканстве огромную опасность для власти, которую они сосредоточивали в своих руках. В самом деле, кому из них приятно было бы услышать хоть раз трезвое, уничтожающее восклицание: «Король-то голый!» Потому-то в конце концов сумела завоевать доверие христианская церковь с ее теорией божественного происхождения власти. Лучшего помощника, пришедшего на смену древней религии, найти было нельзя.

Но, заменив старых богов, христианство все же использовало идею загробного мира — как для обещания блаженства достойным, так и для устрашения нечестивцев, которым не суждено уйти от возмездия.

* ВО ЧТО ПРЕВРАЩАЛИСЬ ЛЮДИ

Яростно спорили друг с другом владыка моря Посейдон и Гера из-за долины одной небольшой реки, и никто из богов не вмешивался в их распри. Пришлось им обратиться за помощью к нейтральному лицу — смертному. В качестве объективного арбитра избрали царя города Аргоса — Инаха, и тот честно решил спор в пользу Геры. Наивный, он полагал, что это ему сойдет с рук. Но Посейдон имел свою точку зрения на судейство и покарал его страну, высушив там все реки (вот почему в Арголиде такой засушливый климат).

Но на этом бедствия Инаха не кончились. Его дочь — Ио — имела несчастье привлечь внимание самого Зевса. Но поскольку Гера была ничуть не менее

дальнозоркой, чем ее супруг, и с высот Олимпа вполне могла разглядеть и оценить любую земную красавицу, взволновавшую олимпийского владыку, царь богов прибегнул к хитрости и превратил Ио в белоснежную корову. Уловка, правда, ни к чему не привела: Гера увидела эту корову и потребовала, чтобы Зевс подарил ей ее. После этого ревнивая богиня поручила стеречь ее стоглазому великану Аргусу, самому бдительному стражу на Земле, у которого даже во время сна часть глаз, рассыпанных по всему телу, продолжала бодрствовать.

Долго крепился Зевс и, наконец, не выдержал — приказал услужливому Гермесу расправиться с всевидящим великаном и отрубить ему голову.

Легко сказать! Как его обманешь, когда он буквально все видит насквозь?

Полетел Гермес на край земли, туда, где скрывается днем богиня Луны со своими конями, и выпросил у нее сияющий лунный серп. Закутал его в колпачок и понесся к Аргусу. Хитер посланец богов, но не уступает ему и стоглазый Аргус. Посмотрел он на Гермеса:

— Что это сияет у тебя под колпаком?

— Всего лишь мои пастушьи песни. Их поет богиня Луны своим коровам. Хочешь, я научу тебя им?

Вытащил Гермес лунный серп и запел песню Обманчивых Снов. Только он один среди богов знал ее, потому что спускался в царство Ночи, где жили Сны. И начал засыпать великан.

Тогда Гермес отсек ему голову, и стали меркнуть глаза на теле гиганта. Правда, не дала им совсем угаснуть Гера: вдруг явилась со стаей белых павлинов, сорвала глаза с обезглавленного тела и рассыпала их по длинному павлиньему хвосту.

Однако Ио от этого не стало легче. Наслала на нее Гера чудовищного овода, и погнал он несчастную корову через моря и горы, из страны в страну. Мчится она, обезумев от страха, а овод летит за ней и беспощадно жалит ее.

Вот перебралась она через пролив, отделяющий Европу от Азии — его назвали поэтому «Бычий про-

ход», или «Коровий брод» (по-гречески — Боспор), пересекла огромное море, в честь ее названное Ионическим и, наконец, очутилась в Египте, где к ней вернулся прежний облик и прекратились ее мучения.

Таков миф.

Чем он интересен? Прежде всего, если оставить в стороне чисто моральную характеристику нравов богов (хотя это тоже довольно любопытно, ибо боги предстают перед нами, прямо скажем, не в самом лучшем свете), миф объясняет — объясняет какие-то явления из жизни природы, происхождение возникших в глубокой древности названий. И в этом одна из особенностей многих мифов.

Почему?..

Почему у павлина столь необычный, красочный хвост?

Почему море называется Ионическим или, например, Эгейским?

Откуда произошли растения гиацинт, кипарис, лавр, нарцисс?

Как появились созвездия на небесах?

Ответы на подобные вопросы давали мифы, в которых обожествлялась природа и даже неодушевленные предметы воспринимались как священные, некогда живые существа.

Дуб — патриарх лесов — вызывал уважение своей долговечностью, солидностью, мощью. А отсюда и почитание его. По шелесту листьев дуба пытались определить волю богов — и прежде всего, естественно, Зевса.

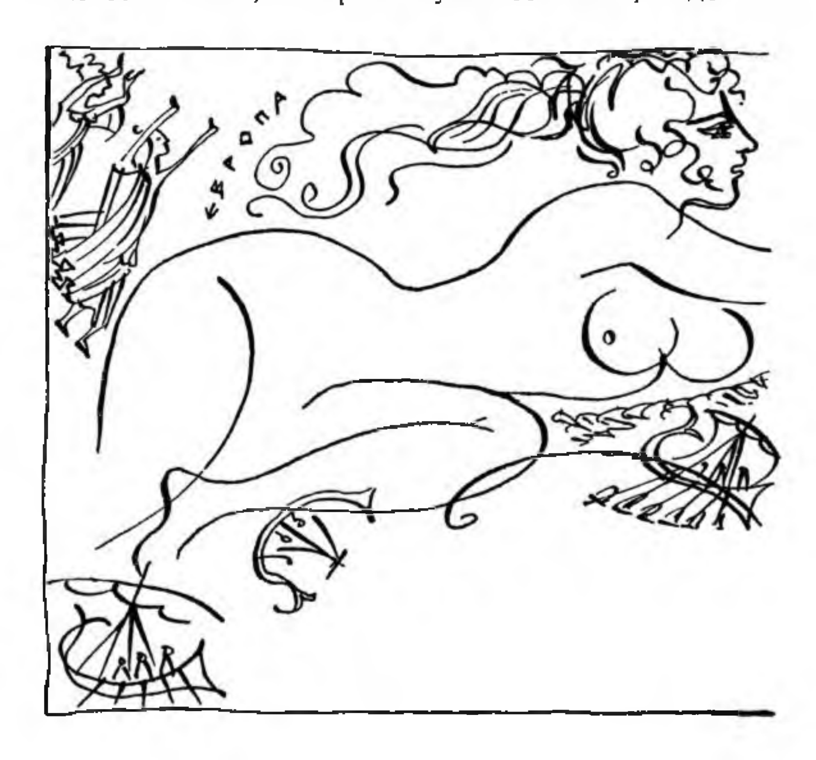
Лавр (по-гречески — Дафна) был посвящен Аполлону. Почему? Да потому, что когда-то жила красавица Дафна, в которую был влюблен бог света. Он преследовал ее, и она умолила богов, чтобы они спасли ее и обратили в дерево.

Любимец Аполлона — Гиацинт пострадал от неосторожности могучего бога: метнув диск, тот случайно поразил им юношу, который превратился в алый ароматный цветок.

Друг Аполлона Кипарис однажды на охоте слу-

чайно поразил копьем своего любимого оленя и так расстроился, что пожелал умереть вместе с ним. Он молил сребролукого бога, чтобы тот дал ему возможность вечно грустить. И Аполлон внял его просьбе — одел его темно-зеленой хвоей и превратил в дерево плача и тоски. И с тех пор у дверей дома, где есть покойник, греки вешали ветвь кипариса, его хвоей украшали погребальные костры и сажали кипарисы у могил.

Естественно, что современный человек совершенно иначе смотрит на вещи, чем первобытный. Нет, он вовсе не утратил способности удивляться, а кое-что в науке и технике ему и поныне кажется чудом. И все-таки ко многому он относится спокойнее и более трезво. Древние были ближе к природе и, не зная еще ее законов, не проникнув в ее тайны, наделяли

ее божественной силой и очень остро воспринимали ее. Скалы и ущелья, леса и реки, моря и вулканы — все это было загадкой, волнующей и привлекательной. Небо — это целый мир, своего рода звездная книга, которую в те времена многие могли прочесть.

Так ли уж часто нынешнее дитя города, любуется небосводом, а главное — так ли уж много среди образованных людей тех, кто хотя бы разбирается в созвездиях? Осуждать, конечно, их нельзя — это своего рода плата за тот уровень культуры, которого достигло человечество, нередко находящее сейчас поэзию в том, что древним показалось бы чистейшей нелепостью.

А первобытный человек действительно верил в самые невероятные чудеса, в самые необыкновенные превращения: в то, что человек может стать растени-

ем, что неодушевленный предмет обладает загадочной силой, что все природные явления — результат деятельности богов.

И в этом основное отличие мифа от обычной сказки, которую ни сам рассказчик, ни его слушатели всерьез — как истину — не воспринимают.

Другое, не менее важное отличие: сказка не связана ни с какими религиозными обрядами и поклонением ее героям. Всякий же, кто верит в миф, обязательно совершает какие-то обряды, и в этом, в частности, неумолимая связь мифа с религией. До поры до времени! До того времени, пока верующий не усомнится в правдивости сказания.

Что такое эхо?

Загадка. Непостижимое явление!

Как его объяснить? И рождается миф, по которому Эхо — это нимфа, поплатившаяся за свою болтливость. Она взяла на себя неблагодарную миссию отвлекать Геру разговорами, пока Зевс в горах любезничал с нимфами. И всесильной богине ни разу не удавалось поймать супруга с поличным. Поняв, что ее дурачат, владычица Олимпа изрекла: «Пусть навсегда умолкнет твой язык, который обманывал меня!»

И с тех пор Эхо обречена лишь откликаться на чужую речь, повторяя жалкие концы слов. (В Олимпии был даже выстроен портик, получивший название Портика Эхо: голос в нем повторялся до семи раз!)

Почему же никто не видел эту злосчастную нимфу? Оказывается, она превратилась в камень, иссохнув от безнадежной страсти к самовлюбленному Нарциссу. Правда, это была не единственная жертва надменного красавца: никого не любил он, кроме себя, многих нимф сделала несчастными его спесивая гордость. И, наконец, одна из отвергнутых прокляла его: «Пусть не ответит ему взаимностью тот, кого он полюбит!»

И Нарцисс влюбился — отчаянно, безумно и безнадежно. В свое собственное изображение. Он увидел себя в зеркале воды и с тех пор потерял покой. Сколь-

ко ни погружал он обе руки в волны, чтобы обнять себя, все было тщетно!

Он не ел, не пил, не спал, не в силах отойти от ручья, и таял буквально на глазах, пока, наконец, боги не послали ему спасительную смерть. А там, где склонилась его голова, вырос душистый белый цветок холодной, безнадежной красоты — нарцисс.

Первоначально миф о Нарциссе служил одной цели — объяснить происхождение этого цветка. Но отношение к мифам у греков постепенно менялось. Наивность древних сказаний становилась все более очевидной. И все чаще пытливые эллины искали в мифах ответа на совсем иные вопросы. Тот же миф о Нарциссе позднее рассматривался ими как своего рода приговор индивидуализму, созерцательному углублению в собственные переживания: красота для себя теряет всякий смысл и обречена на гибель.

* ПРОПАЛА ЕВРОПА

Дочери финикийского царя Европе приснился странный сон: две женщины, две части света, яростно спорили из-за нее.

«Она родилась на моей земле, я воспитала ее»,— утверждала одна. Ее звали Азией — в честь жены титана Прометея.

«Нет, ее именем будут называть меня»,— возражала вторая, безымянная.

Царевна в тревоге пробудилась: шутка ли — ее имя хотят дать целому континенту! Обратилась она к отцу за советом, но ничего вразумительного от него не услышала.

Однажды, когда она с подругами бродила по прибрежному лугу, из моря вышел необыкновенный, златошерстый бык. Он был настолько эффектен, красив и кроток, что никому не внушал страха. Поэтому, когда он склонил колена перед Европой, будто приглашая ее взобраться к нему на спину, царская дочь

со смехом уселась на него и предложила остальным девушкам последовать ее примеру. Но бык, видимо, не был склонен к подобным массовым увеселениям. Он вскочил на ноги и помчался к берегу.

Напрасно молила Европа о помощи — бык погрузился в волны и поплыл в открытое море. А вскоре царевна уже забыла о страхе и все больше и больше удивлялась. В самом деле, быки не имеют привычки плавать по морям. К тому же непонятно, почему с таким почтением приветствуют быка все обитатели Посейдонова царства, а сам владыка моря укрощает волны и обеспечивает безопасную дорогу путникам.

И тут, как обычно бывает в сказках, заговорил бык человечьим голосом и признался, что он не кто-нибудь, а сам Зевс, что он полюбил царевну и намерен сыграть с ней свадьбу на острове Крите — вдали от гневных взоров ревнивой хозяйки Олимпа.

Вот как объясняли в мифах название Европейского материка (впервые он был так обозначен в VI веке до нашей эры). И это общее правило: возникшие в глубокой древности географические наименования, обозначения народов связывались, как правило, с именами богов, героев или царей — тоже, разумеется, мифических.

Так появились названия, связанные с именами братьев Европы, которых отец отослал на поиски пропавшей сестры, запретив под страхом смерти возвращаться на родину без нее. Феникс ушел недалеко и на берегу Средиземного моря основал Финикию. Килик остановился на юге Малой Азии и стал царем Киликии. Кадм добрался до Греции, где построил крепость Кадмею, вокруг которой потом выросли Фивы.

Сыном единственной супружеской пары — Девкалиона и Пирры, уцелевшей после всемирного потопа, уничтожившего род людской, был Эллин. Его считали родоначальником греческого народа, он же дал имя сначала маленькому городку в Фессалии, а затем и всей Греции — Эллада.

Узнав о гибели своих сыновей от рук коварных Данаид, брат Даная, владевший обширным царством, раскинувшимся по берегам Нила, умер с горя оставив, однако, память о себе в названии страны Имя его было Египт.

Царь дарданов Ил, одержав победу во Фригии получил в награду 50 юношей и девушек и корову Оракул повелел ему отправиться вслед за коровой и там, где она остановится и ляжет на траву, основать город. Животное дошло почти до моря и улеглось у подножия холма. Там Ил и начал строить крепость, получившую название Илион (Троя).

* ПОСЛЕДНЕЕ БЛАГОДЕЯНИЕ АФИНЫ

Столица Аттики была названа в честь Афины. И не без оснований. Когда-то с ней соперничал Посейдон, мечтавший получить во владение эту богатую область. Тяжба затянулась, и боги обратились к Зевсу. Но тот не пожелал брать на себя ответственность и переложил ее на плечи основателя Афин — царя Кекропа.

Настал день суда. Зевс постановил: власть будет принадлежать тому, кто принесет более ценный дар стране.

И тогда Посейдон, подняв трезубец, ударил им в гранитную скалу. Она раскололась, и оттуда хлынула вода.

«Отныне здесь вечно будет бить источник», — гордо произнес бог, уверенный, что ничего лучшего для города придумать нельзя.

Подняла копье Афина и вонзила его в землю И тотчас же выросла вечнозеленая олива, усыпанная золотистыми плодами.

Кекроп был покорен. Он присудил победу мудрой дочери Зевса, обещавшей людям изобилие и радость.

Об этом споре греки никогда не забывали. На

протяжении ряда веков они показывали трещину в скале — ту самую, которую оставил трезубец морского бога, и оливу, за которой тщательно следили и ухаживали. И им казалось естественным, что их город, который опекала богиня мудрости, покровительница ремесла, стал культурным центром тогдашнего мира, собравшим лучших поэтов, художников и ученых.

Жители других греческих полисов тоже считали себя избранниками богов. Каждый город гордился своими покровителями — будь то боги или легендарные герои, от которых происходил тот или иной народ. Жертвы приносились и умершим гражданам: они охраняли страну, если им продолжали оказывать почет.

«Совещайтесь всегда в присутствии большинства», — советовал оракул мегарянам, спрашивавшим, от чего зависит благополучие их города. Большинство же — это, естественно, покойники. Так поняли указание Аполлона жители Мегар и построили здание совета на месте погребения граждан. Чтобы увеличить число богов-покровителей, нередко даже переносили останки героев, похороненных вдали от родины.

Сложнее обстояло с общегреческими богами. Как доказать, что Зевс, Гера или Афина, культ которых существовал во многих местах, благосклонны к какому-нибудь одному полису? Нередко города считали того или иного олимпийца своей собственностью; чужеземцам запрещалось поклоняться ему и даже входить в храм. Только афинянин допускался в святилище Афины-Девы — Парфенон, только аргосский гражданин мог войти в храм Геры.

От богов-покровителей ждали помощи, к ним обращались в минуты опасности: «Ты, обитающий на нашей земле, неужели ты изменишь ей и допустишь, чтобы погибли наши дома и очаги?» Но боги требовали жертв, и греки ясно осознавали, что отношения с небожителями должны строиться на взаимной выгоде. Фиванцы говорили своим божествам: «Будьте нам защитой — ведь наши интересы совпадают с

вашими: если город процветает, он чтит богов своих. Покажите, что вы любите нас. Подумайте о почестях, вам воздаваемых, и жертвах, вам принесенных!»

Если город проигрывал войну, вину возлагали не только на полководцев, но и на богов. Считалось, что они не выполнили своего долга, и иногда доходило до того, что разрушали их алтари, закидывали камнями храмы.

Чтобы победить соперника, надо было, кроме всего прочего, договориться с его богами-покровителями. Их просили удалиться из города либо обращались с молитвами, чтобы они позволили взять верх над противником. Как уже рассказывалось, для захвата Трои понадобилось похитить из нее статую Афины. Иной выход нашли афиняне, собиравшиеся воевать с островом Эгиной, надежным и могучим защитником которой был сын Зевса — Эак, дед Ахилла. Понимая, что война будет нелегкой, они отложили исполнение своих замыслов на 30 лет и соорудили храм, посвященный чужому богу. Они были убеждены, что если в течение трех десятилетий Эак будет получать от них жертвоприношения, то он перестанет поддерживать эгинян и перейдет на сторону Афин.

Но даже охранительница городов, опекавшая столицу Аттики, не смогла уберечь города от многих бедствий, обрушившихся на него, начиная с конца V века до нашей эры. Она не спасла афинян от пожаров, разрушений и эпидемий во время Пелопоннесской войны; она не защитила их от натиска македонских царей; не пришла она на помощь и тогда, когда город штурмовали римские отряды под водительством Суллы (в 86 году до нашей эры). Лишь однажды она еще раз проявила себя, да и то благодаря знаменитому скульптору Фидию, отлившему ее фигуру из бронзовых щитов, отбитых у врага в период греко-персидских войн.

Предание гласит, что, когда орды диких кочевников ворвались в Афины, их вождь был настолько потрясен видом статуи, что, не тронув города, приказал своим отрядам покинуть его.

* ДОПОТОПНЫЙ ОСТРОВ

Древнейшие греки были сухопутным народом. Заселив страну, которая позднее получила звонкое имя — Эллада, они быстро убедились в том, что скудная земля с трудом прокормит их. Нуждались они во многом — и в тканях, и в украшениях, и даже в обычных металлах. Все это могли дать страны, раскинувшиеся по берегам Средиземного моря. Но как добраться до них? И народ пастухов и земледельцев начинает завоевывать море. У покоренных ими племен учились они строить корабли, подгоняемые, как писали поэты, «суровой бедностью, горькой нуждой и мучениями пустого брюха». Позаимствовали они и само слово, обозначающее море («таласса»).

В конце концов они стали самыми искусными мореплавателями древности, соперничая в славе с финикийцами. Но моря они все-таки опасались. Небосвод, где все подчинялось Зевсу, казался им олицетворением мирового порядка. Подводное же царство было грозным и таинственным. И его хозяин — землеколебатель Посейдон — отличался суровым и строптивым нравом. Ему посвящали десятки храмов, приносили бесчисленные жертвы, но никто не мог поручиться за свою жизнь, вверяя ее морским волнам. Когда Диагор, прозванный Атеистом, находился в Самофракии, ему показали в храме многочисленные дары с изображениями людей, которые уцелели после кораблекрушений. Его спросили: «Ну, вот ты, считающий, что богам глубоко безразличны людские дела, что скажешь ты о стольких людях, спасенных их милосердием?» — «Пусть так, — ответил философ, — но ведь тут нет изображений утонувших, а их несравненно больше».

В стихотворении IV века до нашей эры говорилось:

Дела морского беги. Если жизни конца долголетней
Хочешь достигнуть, быков лучше в плуга запрягай:
Жизнь долговечна ведь только на суше, и редко удастся
Встретить среди моряков мужа с седой головой.

Необуздан и коварен колебатель земли. Свирепы и безжалостны к людям его потомки. За исключением Тесея, все сыновья Посейдона питают лютую ненависть к смертным. Обычно это звероподобные исполины, уничтожающие всякого, кто встретится им на пути.

Одноглазый гигант — циклоп Полифем — с наслаждением пожирал спутников Одиссея, очутившихся в его пещере. Разбойник Синнид, по прозвищу Сгибатель сосен, развлекался тем, что привязывал путников к верхушкам согнутых деревьев, которые, распрямляясь, разрывали жертву. Царь Египта Бусирис приносил в жертву Зевсу каждого чужеземца, появлявшегося в его стране. Владыка Ливии великан Антей заставлял каждого, кто проходил через его владения, бороться с ним, и побежденного ожидала смерть.

И все же детям Посейдона не везло. В схватках с героями, которым покровительствовали другие боги, они неизменно терпели поражение.

С Полифемом расправился Одиссей, которого опекала Афина. Напоив циклопа и дождавшись, пока он заснет, находчивый грек выжег ему горящим бревном единственный глаз, а затем хитроумным способом выбрался из пещеры.

Тесей, которому помогала Афродита, одолел Синнида и казнил его, привязав к тем же самым согнутым соснам.

Геракл, которого схватили слуги Бусириса и уже вели к жертвеннику, разорвал путы и убил египетского царя. А вскоре сын Зевса встретился и с Антеем, сыном Посейдона и богини земли Геи. Никто не мог победить этого великана, которому мать давала новую силу, когда он падал на землю. Правда, до сих пор гордый Антей обходился без посторонней помощи. Но в поединке с Гераклом ему пришлось все-таки прибегнуть к этому крайнему средству.

Пал ослабевший Антей. Сухая земля поглотила
Пот его, жилы тотчас налились горячею кровью,
Мышцы вновь напряглись, окрепли и руки, и ноги,
И обновленная мощь порвала Геркулесову хватку...

Равные ныне сошлись: один — с материнскою мощью,
С собственной силой другой.

Сыну Зевса осталось лишь одно — оторвать противника от земли.

«Больше тебя не доверю Земле и упасть не позволю;
В воздухе будешь висеть, к моей груди крепко прижатый:
Так ты погибнешь, Антей!» И вот, прильнувшего долу,
Поднял Антея он ввысь. Земля не могла уже больше
Силу из недр перелить в своего умиравшего сына.
Долго Алкид держал его так, пока смерть не сковала
Хладное тело врага.

Не менее сурово обошелся с потомками Посейдона и сам Зевс, уничтоживший целое царство, созданное его братом. Об этом известно из мифа, рассказанного Платоном в диалогах, о которых уже упоминалось.

Когда Афине досталась в удел Греция, Посейдон вынужден был удовлетвориться обширным островом, лежащим на краю света, в Атлантическом океане. Там бог морей «поселил своих потомков, рожденных от смертной женщины», и «произрастил из земли в достаточном количестве пищу всякого рода». Каждый из наследников — а их было пять пар близнецов — получил десятую часть страны. Главным царем считался старший сын Атлас, от имени которого произошли названия — Атлантический океан и остров Атлантида. Здесь «сложилась великая и грозная держава, власть которой простиралась на весь остров, многие иные острова и на некоторые части материка».

Богатству и мощи атлантов могли позавидовать современники. Земля давала обильные урожаи, из недр ее добывали ценные металлы. Храмы и дворцы были отделаны золотом, серебром и слоновой костью. Центральную часть города окружали каналы, через весь остров тянулась сеть водопроводов, подававших воду для питья, орошения садов, отопления помещений. Гавани «кишели судами и прибывавшими отовсюду купцами, которые днем и ночью оглашали местность криком»,

Атланты были вооружены луками, копьями и пращами. Их армия насчитывала 10 тысяч парных упряжек и 60 тысяч легких колесниц, а в состав морских сил входили 1200 кораблей и 240 тысяч матросов. Но военная сила предназначалась только для иноземцев — закон запрещал царям воевать друг с другом, и они обязаны были оказывать взаимную поддержку, если кто-либо намеревался истребить царский род. «Сообща, подобно предкам, принимали они решения относительно войны и других предприятий, предоставляя высшее руководство роду Атласа. И царь не властен был приговорить к смерти никого из родственников, если более половины царей не будут на этот счет одного мнения». Внутри же своей области каждый царь правил по своему усмотрению, «наказывая и присуждая к смерти кого захочет».

Эту деспотическую державу Платон противопоставлял праафинскому государству, называя атлантов варварами, а строй их — тираническим. И потому самую большую заслугу предков афинян он видит в том, что они 9 тысяч лет назад обуздали могучую силу, «дерзостно направлявшуюся на Европу и Азию со стороны Атлантического моря», отстояв свободу «всех живущих по эту сторону Геракловых столбов». Богиня мудрости, защищавшая афинян, вновь посрамила колебателя земли. Но окончательно расправился с атлантами владыка Олимпа.

Атланты, оказывается, постепенно вырождались. Пока в них еще сохранялось достаточно божественной крови, «они держались образа мыслей истинного и высокого, мало дорожили тем, что имели, и не падали наземь, опьяненные роскошью, теряя от богатства власть над собой...

Но когда доля божества от частых и обильных смешений со смертною природой в них, наконец, истощилась и нрав человеческий одержал верх, они развратились, не в силах выносить настоящее свое счастье». И тогда Зевс, увидев, что атланты погрязли в пороках, наказал их. Когда на земле «проходили

страшные землетрясения и потопы, в один день и бедственную ночь остров Атлантида исчез, погрузившись в море».

Как известно, больше двух тысячелетий идет спор об этом загадочном царстве и о достоверности известий Платона, которые не подтверждаются ни одним древним мифом.

Недавно подсчитали, что атлантологическая литература накопила 25 тысяч томов, объем которых составит 2,5 миллиона страниц, то есть в 100 тысяч раз больше, чем написано Платоном. Польский астроном Л. Зайдлер замечает по этому поводу: «Не веррящим, что причиной гибели Атлантиды был ниспосланный Зевсом всемирный потоп, придется поверить хотя бы тому, что катастрофа Атлантиды вызвала всемирный потоп атлантологической литературы».

Что касается «всемирного потопа», то современная наука вовсе не отрицает грандиозных стихийных катастроф (наводнений, землетрясений, опусканий суши и т. п.) в исторический период. С Атлантидой обстоит сложнее. Приходится решать по крайней мере два главных вопроса: находился ли когда-нибудь в Атлантическом океане остров, погрузившийся впоследствии на дно или полностью разрушенный, и существовало ли там государство, подозрительно подробно описанное Платоном?

Многие геологи, геофизики, палеоботаники допускают, что между Европой и Америкой (или Африкой и Америкой) мог когда-то быть остров, который исчез около 12 тысяч лет назад. Но населяли ли его люди столь высокой культуры, создавшие мощную державу, — на это ответить утвердительно археологи, историки, этнографы пока не в силах. И потому мнение о том, что Платон познакомил нас не с подлинным, а выдуманным обществом, пока преобладает.

Вся традиционная греческая мифология знает Атласа не как старшего сына морского владыки, а как

брата Прометея, титана, который держит на плечах небесный свод. Он дал имя горному хребту в Северной Африке и Внешнему морю, или Океану. Лишь в V веке до нашей эры Геродот обозначил его как Атлантическое море.

Сейчас отыскивают и иную этимологию этого слова. Ссылаются, например, на то, что в древнегреческом языке нет подобного корня. А вот у ацтеков немало названий с корнем «атл». Ацтлан — так именовали свою древнюю родину ацтеки (что значит «люди из Ацтлана»). В память о первом вожде — Теноче — своей столицей они сделали город Теночтитлан («город Теноча»), поразительно похожий по своей планировке на столицу атлантов. Само слово «атл» означает «вода», а «атлан» — «находящийся посреди воды». Не напоминает ли это опять о злополучном царстве Посейдона? Но тогда как отнестись к сообщению фризской хроники, написанной, как полагают, в 1256 году? Автор ее утверждает, что за 3449 лет до него (то есть в 2193 году до нашей эры!) в результате катастрофы погибла находившаяся в океане страна Алдланд (или Атланд), что значит «древняя земля».

Споры об Атлантиде порождают фантастические гипотезы, появляются сообщения о сногсшибательных открытиях. Вероятно, чтобы остудить пыл любителей сенсаций, в 1955 году международная конференция одобрила список 78 тем, к которым следует относиться с величайшей осторожностью. В решении конференции, в частности, говорилось, что «ЮНЕСКО предостерегает от легковерного восприятия сообщений, связанных с некоторыми проблемами — такими, как... раскрытие тайны пирамид, сфинкса и других древних строений, открытие и расшифровка знаков в древних рукописях и книгах..., погибшие континенты, вроде Атлантиды».

* ДВАЖДЫ СПАСЕННЫЙ

Человек, чье имя носит целый полуостров, вообще-то говоря, не заслужил такой чести. Ему просто повезло — дважды боги уберегли его от гибели и забвения. Звали его Пелопс, и он пал жертвой собственного отца — Тантала. Богач, не знавший огорчений и тревог, всегда веселый и беззаботный, Тантал, поразмыслив, пришел к выводу, что он ничуть не уступает богам, которые к тому же благоволили к нему и нередко приглашали его пировать на Олимп (чего не разрешалось ни одному смертному). Оттуда он уносил пищу богов — нектар и амброзию, чтобы поделиться со своими земными друзьями.

Зевс в нем души не чаял и однажды, расчувствовавшись, предложил исполнить любую его просьбу. Тантал высокомерно ответил, что ему ничего не нужно, ибо его жребий прекрасней даже, чем жребий богов.

Громовержец снес это оскорбление. Стерпел он и нарушение клятвы, однажды данной Танталом. Разгневался он лишь тогда, когда затронут был его авторитет — всезнающего бога. Дело в том, что Тантал усомнился, действительно ли боги настолько всеведущи, что их нельзя обмануть. И, пригласив их на пир, подал им мясное блюдо, приготовленное из тела убитого сына Пелопса.

Боги, конечно, разгадали этот секрет. Лишь Деметра, скорбевшая о пропавшей дочери, ничего не замечая вокруг, съела плечо юноши. Разгневанный Зевс приказал воскресить Пелопса, и Гефест изготовил ему плечо из слоновой кости.

А Тантала низвергли в подземное царство, где он обречен был испытывать страшные «танталовы» муки: изнемогая от жажды и голода, он стоит по горло в воде, над его головой склоняются сочные плоды, почти касаясь его волос. Но стоит ему наклониться к воде, как она отступает от него, едва протянет он руки к ветвям, и ветер относит их в сторону.

А в довершение всего над ним нависает скала, готовая ежеминутно рухнуть и раздавить его.

Второй раз Пелопсу грозила неминуемая гибель от царя Эномая, к чьей дочери он посватался. Не было в Греции более искусного возничего, чем Эномай, и коней, более стремительных, чем у него. И каждого жениха царь вызывал на состязание, которое кончалось гибелью смельчака, посягнувшего на руку его дочери. (Эномаю было предсказано, что его погубит тот, за кого она выйдет замуж.)

Но Пелопсу все же удалось перехитрить царя и одержать победу. А полуостров получил в честь его название Пелопоннес.

* СЛАВА, ПРИТЯНУТАЯ ЗА ВОЛОСЫ

Если верить библии, красавица Далила погубила богатыря Самсона, лишив его пышной шевелюры. Остриженный герой вместе с волосами утратил свою силу и был ослеплен врагами. Вряд ли Далила задумывалась над проблемами бессмертия, однако потомки не забывали ее: в их глазах она навеки стала символом женского коварства. Сомнительная — но все-таки слава.

Тем более обидно должно было быть египетской царице III века до нашей эры Беренике. Проводив своего супруга Птолемея III в далекий поход, она тоже остригла волосы. Правда, свои. И притом принесла их в жертву богам, моля их вернуть ей мужа живым и невредимым. Боги оказались снисходительными, и добродетель была вознаграждена. Единственное, что омрачало радость, — это то, что царь не оценил жертвы и весьма хмуро поглядывал на ее обезображенную голову. И тогда в семейный конфликт вмешался... ученый. Конон Самосский, астроном и математик, друг Архимеда, сохраняя полную серьезность, заверил расстроенных супругов, что во-

лосы Береники вознеслись на небо и стали созвездием. Как писал позднее римский поэт Катулл:

...чтоб... божеству посвященные пряди
...в небе горели меж звезд.

Честолюбивый Птолемей мог утешиться: бессмертие его жене было обеспечено.

Кстати сказать, это единственный случай в истории, когда в звездную книгу попало имя реальной личности. На официальных звездных картах, кроме Береники, не встретишь ни одного исторического героя, хотя в XVIII веке их упорно пытались пристроить на небе. В верноподданническом восторге английский астроном Хелль поместил там «Арфу Георга», а немецкий, Боде, — «Регалии Фридриха II» (чтобы освободить для них место, он даже рискнул «отодвинуть» руку Андромеды!). Французы не отставали: они предложили именовать созвездие Ориона — Наполеоном.

Но, кажется, дальше всех в своем реформационном рвении пошли церковные деятели XVII века: они требовали заменить нечестивые языческие созвездия христианскими. По их проекту Овн превращался в созвездие апостола Павла, Рыбы — в созвездие апостола Матвея, Солнце становилось Иисусом Христом, Луна — девой Марией, Венера — Иоанном Крестителем.

Реформа провалилась с треском. Сами авторы ее, видимо, не решились подвергать испытанию благочестие верующих, которым предстояло услышать о затмении девы Марии или о том, что Иисус Христос закатился за горизонт.

Когда в 1922 году Международный астрономический съезд наводил порядок на небесах, он убрал около 30 нелепых названий и сохранил лишь 88, среди которых нетронутыми остались все 47 созвездий, известных древним грекам.

* ТАК ЗАХОТЕЛ ЗЕВС

В 1799 году французский астроном Лаланд назвал группу звезд созвездием Кошки: «Я обожаю кошек. Надеюсь, мне простят, если я после моих 60-летних неослабных трудов помещу одну из них на небо». Довод, конечно, неотразимый, хотя и не свидетельствует о большой фантазии. Куда изящней аргументация данцигского астронома Гевелия, который придумал в 1660 году созвездие Рыси: «В этой части неба встречаются только мелкие звезды, и нужно иметь рысьи глаза, чтобы распознать и различить их».

Древних греков в подобном легкомыслии, пожалуй, не упрекнешь. Каждое название в небесах имело свою историю — разумеется, мифическую.

Трудно сказать, почему каждому конкретному созвездию давалось то или иное имя. Во всяком случае, рисунок созвездий редко когда соответствовал их названию. И если греки, увидев над собой ковш, обозначили его «Большой Медведицей», то не менее проницательные египтяне величали его «Бычьей ногой», а казахи, с таким же основанием, — «Конем на привязи».

Названия созвездий родились задолго до появления научной астрономии. Но когда в III веке до нашей эры александрийские ученые приводили в систему представления о небе, они сохранили древние обозначения, хотя и понимали их условность. Так и остались на небесах 12 созвездий Зодиака (Зодиак — значит «Звериный»), среди которых почему-то оказались такие странные существа, как Дева, Весы, Близнецы и Водолей. По-прежнему струилось меж звезд молоко, пролитое Герой. Чтобы сделать своего сына Геракла бессмертным, Зевс положил его к груди спящей богини, но та, пробудившись, в негодовании отбросила младенца, и разлилось по небу молоко — Млечный Путь (по-гречески — «Галактика»). Сохранили свои божественные имена и пять блуждающих звезд, которые по-гречески назывались «планетами».

В общем ученые проявили снисходительность к выдумкам древних и не тронули имен. Зато они сделали другое — подорвали традиционные воззрения на вселенную.

Говорят, что в VI веке до нашей эры Пифагор осмелился утверждать, будто Земля — шар. Его современник Фалес предсказал солнечное затмение.

В V веке до нашей эры Анаксагор подрывал авторитет звезд, увидев в них лишь раскаленные куски камня, отколовшиеся от Земли. Неудержимая фантазия довела его до того, что он населил Луну живыми существами! Такого богохульства вытерпеть уже не могли, и его изгнали из Афин, как безбожника. Надгробная надпись сообщала: «В этой могиле лежит великий Анаксагор, дух которого поднимался до высочайших истин». И хотя на поверку его истины оказались ложными, они принадлежали к числу тех ошибок, которые неизбежны и, может быть, даже необходимы для развития науки.

В IV веке Гераклид Понтийский вступил на опасный путь, заявив, что Земля вращается вокруг своей оси.

В III веке до нашей эры Аристарх Самосский пошел еще дальше: начисто порывая с мифологией, он доказывал, что Солнце гораздо дальше от нас, чем Луна, и что оно больше Земли в 300 раз. А раз так, то Земле нечего зазнаваться — она вовсе не центр мироздания, а, как и планеты, вращается вокруг Солнца. И это говорилось за 1800 лет до Коперника!

Во II веке до нашей эры Гиппарх навел порядок на небесах, составив каталог, включавший почти тысячу звезд, которые, правда, он считал неподвижными. Впоследствии о Гиппархе писали: «Этот человек пошел так далеко, что попытался (вещь, трудная даже для бога) сообщить поколениям точное число звезд».

А традиционные названия остались. И пример оказался заразительным. Уже в новое время, открывая небесные тела, астрономы предпочитали крестить их именами мифических героев.

Кто вскормил младенца Зевса своим молоком? Коза Амалфея.

Кого похитил Зевс и вознес на Олимп, сделав своим виночерпием? Красавца Ганимеда.

Кого из возлюбленных олимпийца яростно преследовала ревнивая Гера? Ио и Каллисто.

Чего же удивляться, если именно эти имена даны спутникам Юпитера!

По такому же принципу названы и спутники Сатурна и Нептуна. А вот среди астероидов — полнейший хаос. Там можно найти и Аполлона, и Амура, и Гермеса, и Палладу, и Эрота, и целую группу «троянцев» — участников Троянской войны: Ахилла, Гектора, Агамемнона, Патрокла, Приама.

«Небо — достойным!» Если бы греки считали себя вправе следовать этому лозунгу, звездные карты сейчас выглядели бы иначе. Но в те отдаленнейшие времена, когда появились названия созвездий, полагали, что только боги могут решать столь ответственные вопросы. А пути божественные неисповедимы. И вот среди звезд мы находим имена тех, кто, вообще-то говоря, особых заслуг не имеет и очутился там просто потому, что так захотелось Зевсу.

Владыка Олимпа был любвеобилен и многих, на кого падал его благосклонный взор, поселял рядом с собой, особенно тех, кому, по его милости, пришлось немало страдать на земле.

Красавица Каллисто осмелилась соперничать с Герой. Ревнивая богиня отомстила ей и превратила в безобразную медведицу. Истинный ценитель красоты и поборник справедливости, Зевс не мог равнодушно пройти мимо подобного произвола. И превратил Каллисто в созвездие — Большую Медведицу. А начав, уже не в силах был остановиться и в творческом порыве создал из ее любимой собаки Малую Медведицу, одна из звезд которой на многие века стала путеводной звездой для всех путешественников. (Как известно, через 12 тысяч лет миссию Полярной звезды возьмет на себя Вега из созвездия Лиры. Быть ориентиром для всего человечества —

об этом, конечно, и мечтать не мог певец Орфей, чью лиру боги взяли на небо.)

Вечно смеющиеся дочери титана Атланта тоже пришлись по душе Зевсу, и ему захотелось всегда иметь перед глазами этих резвых хохотушек, бегающих по горным тропам. Однажды погнался за ними великан — Звездный охотник. Через горы и пустыни преследовал он их, пока не очутились они на краю земли — там, где стоял их отец, державший на своих плечах небесный свод. И силач был бессилен помочь им. А охотник уже замахнулся медной палицей — вот-вот настигнет их. С невеселым вздохом поднял Атлант своих дочерей на грудь, и они.. обратились в голубок и понеслись к звездам. С тех пор вечно мчится за ними упрямый великан, и не суждена ему удача.

Остается лишь добавить, что охотника звали Орион, а семь дочерей титана известны под именем Плеяд. Они скрылись в созвездии Тельца, за его широкой спиной, и он, гневно сверкая глазами, готов вступить в бой за них. (Неясно, как Ориона, а вот писателя Станислава Лема явно ослепило это созвездие: именно оттуда, со звезды Альдебаран, отправил он представителей удручающе высокой цивилизации, столь трагично закончивших на Земле свое непонятное существование.)

Послушные воле Зевса, Плеяды честно мерцали в ночи, вызывая восхищение богов и людей. Все — кроме одной, которая померкла и стала почти невидной. Оказывается, одна из сестер вышла замуж за смертного (Сизифа!) и с тех пор, стыдясь такого мезальянса, все время пытается спрятаться.

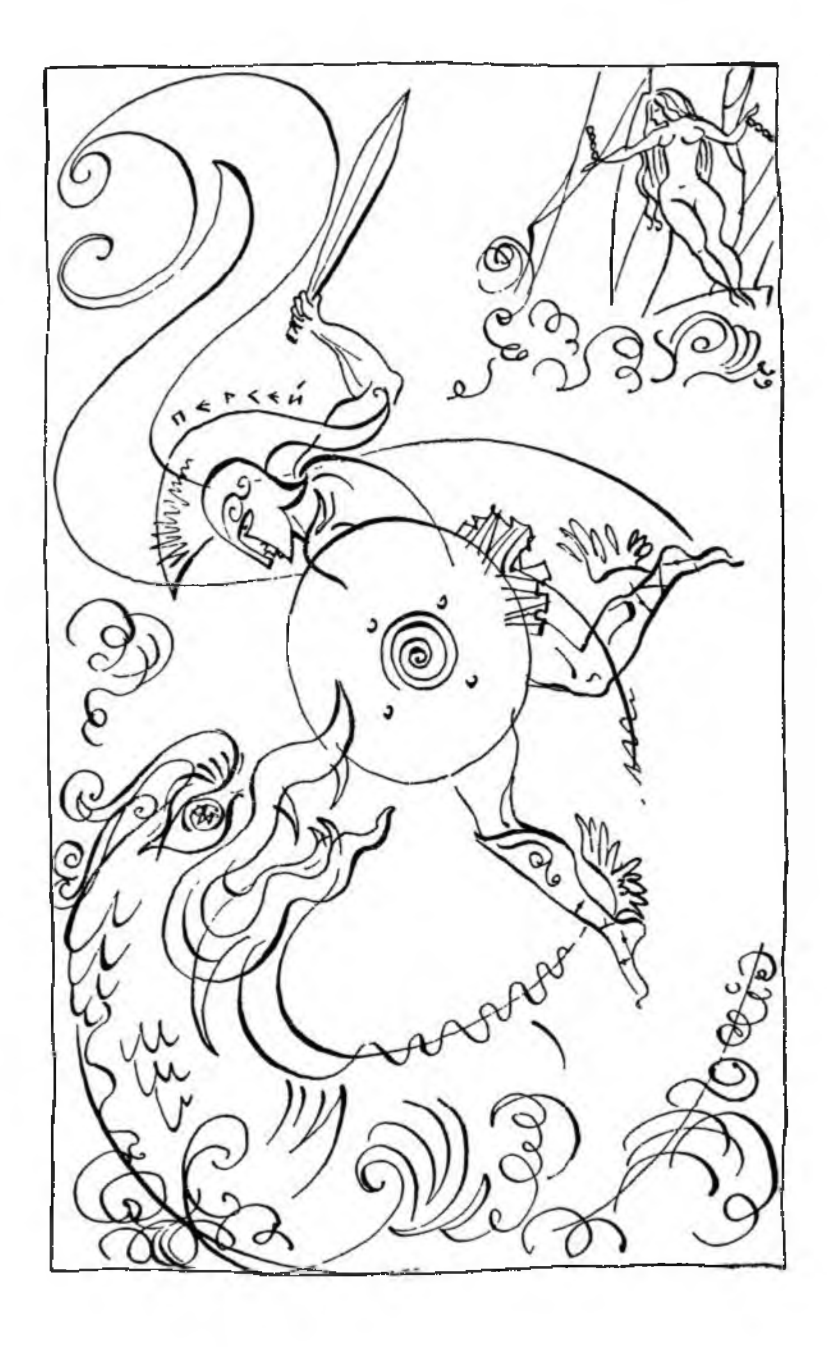
Но слово «плеяда» осталось жить на Земле — им стали обозначать группу выдающихся людей, созвездие умов и талантов. Впервые так назвали в III веке до нашей эры семерых крупнейших александрийских поэтов, а в эпоху Возрождения так именовался кружок французских писателей-гуманистов во главе с известным поэтом Ронсаром.

✻ «СМЕШАЛИСЬ В КУЧУ КОНИ, ЛЮДИ...»

У эфиопского царя Кефея была тщеславная жена — Кассиопея. То, что она не видела себе равных по красоте, еще куда ни шло. Во всяком случае, подданные ничего не имели против этого, и благосостоянию государства ничто не грозило. Увы, царица преступила грань дозволенного и потеряла чувство меры: она стала хвастаться перед морскими нимфами — нереидами. Вполне возможно, что нимфы понимали, сколь трудно им конкурировать с красавицей. Так или иначе, они не нашли ничего лучшего, как пожаловаться Посейдону, и тот наказал всю страну, напустив на нее чудовище, которое методично стало опустошать земли и уничтожать жителей.

Что делать? Кефей обратился к оракулу и получил ответ: «Пожертвуй своей дочерью!» Как видно, богам не были известны тайны юридической науки, и им не приходила в голову элементарная мысль, что дети не отвечают за поступки родителей.

И вот к подножию скалы приковали эфиопскую царевну — Андромеду. С ужасом вглядывается она в волны, откуда вот-вот появится чудовище. И вдруг — в лучших традициях будущих приключенческих романов — приходит неожиданное спасение: с неба спускается на крылатом коне Пегасе могучий сын Зевса — Персей. Воспылав мгновенной страстью к царской дочери, находчивый герой сразу оценил обстановку и немедленно предложил спасти Андромеду с условием, что ее отдадут ему в жены. После этого Персей убил чудовище и отпраздновал свадьбу. А потом... Все участники этой драматической истории со счастливым концом очутились на небе. Прямо скажем, Кефей и Кассиопея стали созвездиями благодаря лишь родственным связям. Андромеда — все-таки жена героя, да к тому же мученица, безвинно пострадавшая. Утешением ей может служить, правда, та популярность, которую она приобрела благодаря известному роману И. Ефремова, допускавшему (как, впрочем, и многие специалисты-астрономы) сущест-

ПЕРСЕЙ

вование разумной жизни в пределах туманности Андромеды — единственной галактики, доступной для наблюдения невооруженным глазом.

Персей с Пегасом заняли свое место среди звезд, так сказать, на законном основании. Но удивительно, что греки поместили рядом и созвездие Кита — то самое чудище, которое несло смерть и разрушение. Что ему делать на небесах, непонятно! Разве только волновать современных ученых своей звездой Тау, похожей на наше Солнце и, как предполагают, окруженной планетами, где возможна цивилизация, с которой сейчас пытаются установить контакт?!

Вместе с неразлучными врагами очутился на небесах и другой сын Зевса, правнук Персея — Геракл, самый знаменитый богатырь античности. Он совершил немало подвигов и дважды побеждал чудовищ — гигантского Немейского льва и девятиголовую Лернейскую гидру. Льва Геракл задушил, а гидре отрубил все ее головы (несмотря на то, что на месте каждой отрубленной головы немедленно вырастали две новые!). Кроме палицы, ему пришлось пустить в ход горящие стволы деревьев, которыми он прижег непокорные шеи змеи.

И вот среди созвездий мы видим не только самого героя, но и Льва, Гидру и даже Рака (вцепившегося в Геракла во время битвы с гидрой).

Но если эти существа лишь напоминали грекам о силе и мужестве сына Зевса, то Скорпион вызывал страх. Возможно, что миф, связанный с ним, отражает какую-то стихийную катастрофу, случившуюся в глубокой древности и надолго оставшуюся в памяти.

А произошло вот что.

Фаэтон, сын Гелиоса, спросил однажды отца, действительно ли он его отец. Удивленный Гелиос не имел оснований отказываться от сына и, естественно, развеял все его сомнения. А для вящей убедительности поклялся, что исполнит любую просьбу Фаэтона. И юноша злоупотребил доверием: он попросил, чтобы бог Солнца разрешил ему проехать в его золотой колеснице по небу. Гелиос, хоть это и не свойственно богам, пришел в ужас: «Безумец, ты просишь невоз-

можное! Это не по силам тебе. Сам Зевс не в состоянии править моими крылатыми конями. А ты всего лишь смертный!»

Но смертный в своем упрямстве не уступал бессмертным. И Гелиос вынужден был согласиться. Он натер Фаэтону лицо мазью, чтобы уберечь его от пламени лучей, и дал последнее наставление: «Не гони лошадей — они помчатся сами. Не подымайся слишком высоко и не опускайся чересчур низко, иначе ты спалишь небо или землю!»

И вот уже колесница мчится ввысь. Растерялся Фаэтон, потерял дорогу. А кони несли его в ту часть неба, где раскинулся смертоносный Скорпион. Вконец перепуганный юноша выпустил из рук вожжи, и кони, почуяв свободу, понеслись к земле. Пламя охватило города, поля и леса, вода закипела в ручьях и реках, моря начали пересыхать, лучи света проникли в подземное царство.

Взмолилась богиня земли:

«О Зевс! Не дай погибнуть всему живому! Гляди, даже Атлант едва выдерживает небосвод на своих плечах. Неужели ты допустишь, чтобы рухнуло небо и дворцы богов, чтобы вновь воцарился хаос?!»

И Зевсу пришлось вмешаться. Бросил он молнию в колесницу и разбил ее. А Фаэтон, словно падающая звезда, пронесся в воздухе и упал в волны реки Эридан.

Целый день скорбел осиротевший Гелиос, и нарушился заведенный в мире порядок: в тот день не светило Солнце.

А сестры Фаэтона так горевали, что боги превратили их в тополя, листья которых всегда грустно шумят. Так и стоят эти тополя над Эриданом, падают их слезы-смола в студеную воду и, застывая, превращаются в прозрачный янтарь.

Интересно, что янтарь действительно был известен грекам, и в «Страну янтаря», к южным берегам Северного моря, в IV веке до нашей эры совершил путешествие Пифей из Массалии. Но определить точно, где протекал Эридан, не удалось до сих пор. Самим грекам эта река казалась легендарной, и они помеща-

ли ее то на Крайнем Севере, то в Италии, а кроме всего прочего, решили предоставить ей место и на небе.

И созвездие Эридана у современных ученых вызывает повышенный интерес: радиотелескопы направлены на одну из его звезд, весьма напоминающую наше Солнце и, вероятно, обладающую планетами. Туда намерены послать мощные радиосигналы, которые через 11 лет смогут услышать тамошние жители, если, разумеется, они там существуют и если будут способны воспринять эти сигналы.

А Фаэтон?.. Ему суждено было еще раз погибнуть — на этот раз уже по вине ученых. Придя к выводу, что астероиды — это обломки разорвавшейся планеты между Марсом и Юпитером, астрономы не нашли ничего более оригинального, как назвать эту злосчастную планету Фаэтоном...

Грекам же возлагать ответственность за все происходящее в мифах приходилось на тех, кто считался их автором. Но мифы — продукт коллективного народного творчества, возникли они задолго до появления письменности, сохраняясь в устной передаче. И молва приписывала их создание особой творческой коллегии, состоящей из девяти дочерей Зевса, которых именовали Музами.

* О ЧЕМ ПЕЛИ МУЗЫ

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» С этой строкой родилась европейская поэзия. Богиня — то есть Муза — стояла у ее колыбели. И нет ничего удивительного, что творец «Илиады» прежде всего обратился именно к ней. Ведь стих рождается вдохновением, а его могут ниспослать — в этом древние не сомневались — только боги. Точнее — Музы, «фиалковенчанные», «сладкоречивые» дочери Зевса и богини памяти Мнемосины.

Обитатели Олимпа довольно четко разграничивали власть между собой. У каждого бога была своя сфера

деятельности, в которую остальные олимпийцы старались не вмешиваться. Правда, иногда равновесие нарушалось, и интересы сталкивались — все-таки не надо забывать, что «узкой специализации» среди бессмертных не существовало. Но в одну область вторгаться они не осмеливались. Искусство, поэзия — это было отдано в распоряжение Муз и их руководителя Аполлона, носившего прозвище Мусагет, то есть «Водитель Муз».

Сначала богини пения — Музы стали позднее покровительницами науки, искусства, литературы. Их было девять, и у каждой — свой круг интересов. Старшая, Каллиопа, — Муза эпической поэзии, Эрато — любовной, Евтерпа — лирической поэзии и музыки, Полигимния — Муза гимнов, Мельпомена покровительствовала трагедии, Талия — комедии, Терпсихора — танцам, Клио вдохновляла историков, наконец, Урания ведала наукой, и прежде всего астрономией.

Им — и только им! — было дано право направлять поэта, певца, музыканта, озарять его свыше. И каждый поэт, начиная свое произведение, непременно должен был обращаться к Музам или Аполлону, ибо лишь от них он мог получить знание, фантазию и вдохновение.

«Все песнопенья мои, но начертаны вещим Гомером», — с гордостью (а может быть, и с тайной завистью) говорил Аполлон, которому, вероятно, все же было обидно, что первая строка «Илиады» обращена не к нему. Кстати сказать, Гомер был последователен — «Одиссею» он тоже начал словами:

> Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
> Многих людей города посетил и обычаи видел...

Какой же Музе обязаны мы этими бессмертными поэмами? Конечно, покровительнице эпоса — Каллиопе. В I веке нашей эры римский поэт безоговорочно утверждал:

> «Муза, скажи мне о муже», — когда-то устами Гомера
> Так Каллиопа сама песни свои начала.

Через две с половиной тысячи лет после легендарного греческого певца Пушкин с превеликим почтением обратится к ней:

Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая Муза!

«Долгий труд!» Каллиопу не интересовало то, что мог выразить короткий стих. Поэма — ее жанр, бои, походы — ее сюжеты. Как писал Фет:

Пришла она пленять мой слух...
Рассказом о щитах, героях и конях,
О шлемах кованых и сломанных мечах.

Бедная эпическая Муза! Вряд ли, даже обладая даром прорицания, она могла предвидеть, что ждет ее в XX веке. Французские кибернетики создали электронную поэтессу и назвали ее Каллиопой. И, послушная программе, она стала выдавать перлы вроде:

Мой горизонт состоит лишь из красной портьеры,
Откуда с перерывами исходит удушливая жара...

Интересно, как бы выглядела «Илиада», если бы ее творец вдохновлялся подобной Музой?

Но Музы не только «благословляли» и «пленяли слух». Они были, выражаясь нынешним языком, источником истины. Именно они поведали людям о мифах. И в течение тысячи лет античные поэты, драматурги повторяли эти древнейшие сказания. Правда, каждый на свой лад. Причем расходились они не только в деталях и описаниях; главное — тот особый, неповторимый смысл, который вкладывался в зависимости от того, что волновало ту или иную эпоху.

И, как видно, Музы относились к этому довольно благодушно — ведь фантазия людей неисчерпаема, и даже боги бессильны ее ограничить. Музы, правда, могли утешать себя тем, что истина открыта только им — людям же доступна лишь часть ее, и никто из смертных не может проникнуть в тайны богов. Не удивительно, что люди ошибаются и принимают фаль-

шивое за истинное. Ведь и Музы не без греха, если, как пишет поэт Гесиод, они сами признаются:

Много умеем мы лжи рассказать как чистейшую правду.
Если, однако, хотим, то и правду поведать мы можем.

Если хотят! Значит, могут и не захотеть! И тогда... Родится произведение, похожее на правду, иногда даже слишком похожее. И все-таки не правда, а ложь. Через много веков художник Ци Бай-ши заметит: «Писать надо так, чтобы изображение было где-то похоже и непохоже. Чересчур похоже — передразнивание природы, мало похоже — отсутствие уважения к ней».

О чем же пели Музы, которые были рождены, «чтоб улетали заботы и беды душа забывала»? Бродя по горам и долинам, они пели гимны богам и героям, славили красоту, укрощали дикие силы природы. Разлившиеся воды рек возвращались в свое русло, успокаивались бушующие морские волны, стихали и людские страсти.

По совету философа Пифагора жители одного греческого города воздвигли храм Музам за то, что они помогли установить мир и согласие среди граждан. Как показала вся древняя история, это действительно была задача, с которой могли справиться только боги.

Музы

Поют о законах, которые всем управляют,
Добрые нравы богов голосами прелестными славят.

Оставим в стороне «добрые нравы богов» — эта оценка, как мы уже видели, по меньшей мере спорна. Обратим внимание на другое. Музы всегда восхваляли прекрасное. В представлении же греков красота — это порядок, стройность, гармония. Увы, как писал еще А. К. Толстой: «Земля наша обильна, порядка ж нет как нет». Отчаявшись найти гармонию среди людской суеты, греки верили, что по крайней мере в небесах царит согласие. И они подарили миру крылатое слово «космос», обозначавшее одновремен-

но Вселенную, красоту и порядок. Оно произошло от глагола «космёо» (украшаю, привожу в согласие, единство) и относилось к миру богов. Смертные же могли утешаться тем, что от этого же глагола родилась «косметика», которая многие столетия волнует половину человечества куда больше, чем все проблемы мироздания, вместе взятые.

Итак, прекрасное для греков было равносильно божественному, а искусство считалось даром свыше. Оно — чудо и способно творить чудеса...

* ГОРОД, РОЖДЕННЫЙ МУЗЫКОЙ

На широкой равнине, где струилась река Дирка, вырастал город. Строили его братья-близнецы — Зет и Амфион. Как писал Гомер:

Первые были они основатели Фив семивратных
И обнесли их стеной...

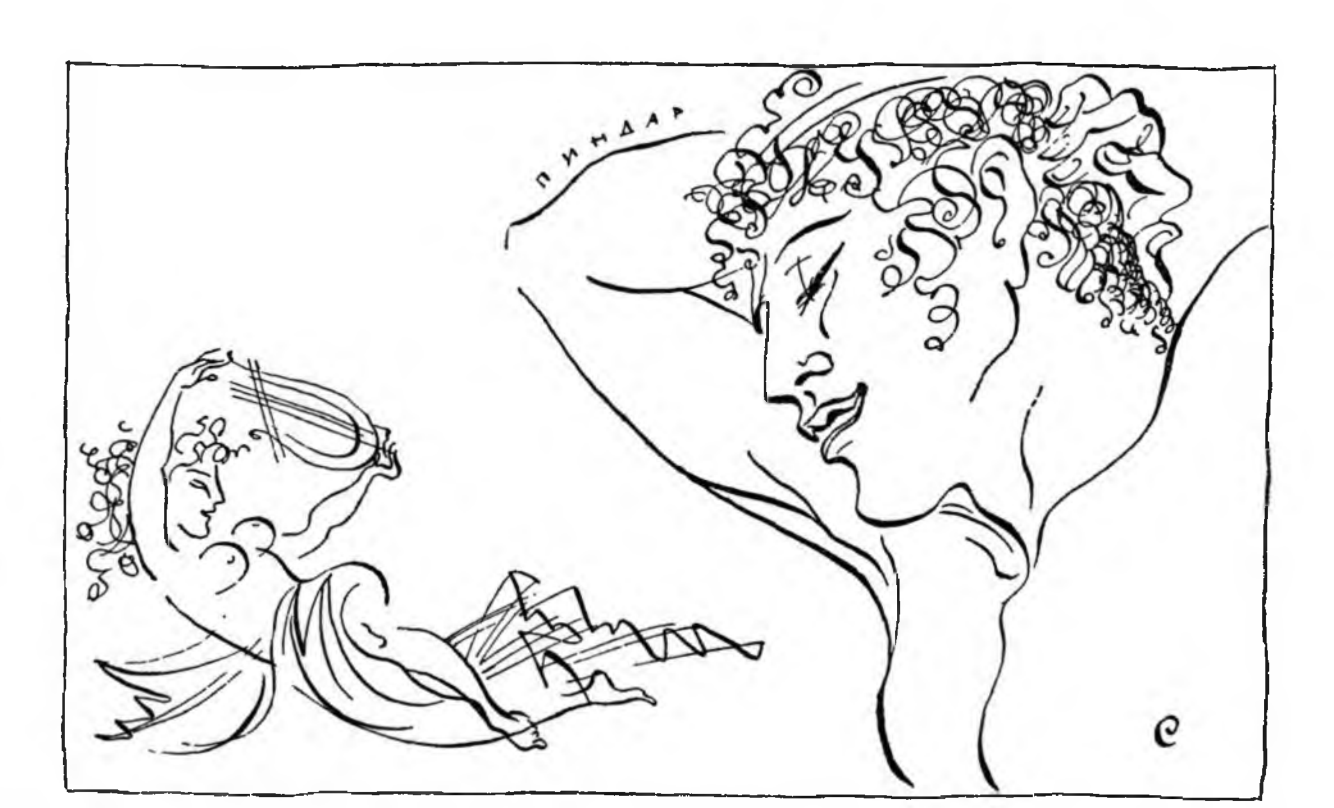
Нелегкий путь привел их сюда. Когда-то их мать Антиопа вступила в тайный брак с Зевсом, но, опасаясь отцовского проклятья, положила младенцев в корзину, отнесла в горы и оставила там на волю судьбы.

Не мог же владыка Олимпа допустить гибель своих детей! Всевидящий Зевс действительно позаботился о новорожденных: он послал в горы пастуха, который взял братьев в свой дом и воспитал их. Зет вырос могучим и ловким юношей, любил охотиться на диких зверей и мечтал о сражениях, где мог бы проявить свою силу и умение обращаться с оружием. Амфион же, кроткий и ласковый, признавал только одно занятие — музыку. И играл он на кифаре так вдохновенно, а пел так сладко, что приводил в волнение даже деревья и скалы. Говорят, что к четырем прежним струнам он придумал еще три новые, и его семь струн звучали так, будто сам Аполлон-Кифаред доверил им свое искусство.

Однажды в хижине пастуха укрылась спасавшаяся от погони женщина. Это была Антиопа, бежавшая из тюрьмы, куда ее заточили фиванский правитель Лик и жена его Дирка. Недолго радовалась своему освобождению Антиопа. Увидела ее жестокая царица во время праздника в горах. Позвала она Зета и Амфиона и приказала привязать беглянку к рогам дикого быка. Вот уже пойман разъяренный бык. Подвели к нему дрожащую пленницу. Но вдруг...

«Остановитесь, несчастные! Вы хотите погубить свою мать!» Это в ужасе вскричал пастух, неожиданно возвратившийся домой. Разгневались близнецы. Схватили они коварную клеветницу и предали ее мучительной смерти — той самой, которую она готовила невинной Антиопе. (В конце II века до нашей эры родосские скульпторы Аполлоний и Тавриск изобразят этот драматический момент в знаменитой скульптуре «Фарнезский бык» («Казнь Дирки») — самой крупной античной мраморной группе из дошедших до нас. Римская копия ее хранится ныне в Неаполе.) Долго гнали они быка, пока растерзанная Дирка не превратилась в журчащий ручей. (Много лет спустя фиванки — уже не мифические, а вполне реальные — будут приходить к нему и умываться его прозрачной водой, которая обладала удивительным свойством делать женщин красивыми.)

И вот на берегах этого ручья братья, захватившие власть в Фивах, начали возводить стены и башни — без них город был беззащитным. Могучий Зет шутя переносил огромные каменные глыбы и громоздил их одна на другую. Амфион же обратился к своей златострунной лире — и под ее звуки огромные камни сами стали двигаться к городу и укладываться в строгом порядке. Во II веке нашей эры греческий писатель Павсаний посетил эти места и в своем «Описании Эллады» — ценнейшей книге по истории Греции, ее мифологии и культуре — заметил: «У Зета и Амфиона общий могильный памятник — небольшая земляная насыпь... Камни на могиле Амфиона, положенные внизу и совершенно неотесанные, говорят,

ПИНДАР

будто именно те самые, которые шли на звуки его струн».

Горделиво возвысились неприступные семивратные Фивы, и тщетными были все попытки врагов овладеть ими. Правда, до поры до времени. До 336 года до нашей эры, когда гений полководца-разрушителя оказался сильнее гения певца-созидателя. Этим полководцем был Александр Македонский. Его войска стерли город с лица земли, пощадив лишь храмы и... один-единственный дом. Тронуть его — значило оскорбить богов. Ведь в этом доме жил некогда (в VI веке до нашей эры) Пиндар — вполне реальная историческая личность, которая со временем стала легендарной.

* «ПИНДАРА ЗОВЕТ БОГ!»

Родился он у подножия горы Геликон, где Музы водили свои хороводы. Мальчиком любил бродить среди полей, окружавших неприступные Фивы. Однажды, утомившись, он прилег отдохнуть в тени деревьев и заснул. А пробудившись, увидел, как пчелы порхают над его головой, и почувствовал вкус меда на устах. Отец его, обучавший сына игре на флейте, понял, что Музы подарили мальчику сладкопенье. И отправил его к лучшим музыкантам Греции — пусть каждый из них раскроет перед ним тайны своего искусства. И стал Пиндар самым знаменитым певцом в Элладе.

Был этот муж согражданам мил и пришельцам любезен.
Музам он верно служил. Пиндаром звали его.

Он сочинял гимны и оды и славил тех, кто совершал выдающиеся деяния, — полководцев, царей, героев, победителей на праздниках и играх. Наперебой приглашали его к себе могущественные правители, как самого дорогого гостя встречали его на Олимпийских играх, где лучшей наградой победителю считалась ода в его честь, составленная Пиндаром.

Его пением наслаждались люди и боги. Сам козлоногий весельчак Пан выучил песни Пиндара и танцевал с нимфами под их мелодии. Муза Полигимния могла гордиться своим избранником не меньше, чем Каллиопа Гомером. Но особенно благосклонен к поэту был Аполлон.

Однажды в Дельфах на праздник лучезарного бога пришло много граждан с богатыми дарами. Насмешками встретили они певца: «Что ж ты являешься к богу с пустыми руками? Или тебе нечего принести ему в жертву?» — «Я спою ему благодарственную песнь, — гордо отвечал Пиндар. — Ведь без песен поэта всякая доблесть погибает в безмолвии».

И Аполлон оценил столь необычный дар. Он приказал жрецам каждый раз во время его праздника провозглашать перед закрытием храма: «Пусть придет Пиндар! Пиндара зовет бог!» И поэт пировал вместе с дельфийскими жрецами (ему позволялось отведать жертвенное мясо!), сидя на троне, на который никто, кроме него, не имел права всходить.

Странствуя по городам, он до глубокой старости продолжал участвовать в состязаниях певцов и почти всегда выходил победителем. Лишь пять раз пришлось уступить ему пальму первенства. Правда, его соперником была женщина, славившаяся не только своими стихами, но и необыкновенной красотой. Звали ее Коринна. Благодарные жители Танагры на самом видном месте в городе воздвигли в ее честь статую и выставили картину, где изображалась поэтесса, надевающая на голову повязку после победы в Фивах над Пиндаром. Через 600 лет Павсаний увидел эту картину и был потрясен красотой Коринны.

Всех богов прославил Пиндар в своих песнях. Лишь одного имени не произносили его уста — имени Персефоны. Обидно было царице подземного мира. И вот когда поэт завершал свой жизненный путь — ему уже исполнилось 80 лет, — она явилась ему во сне и, горько упрекнув, предупредила: «Еще не поздно исправить ошибку — торопись, пока ты не вступил в мои владения».

Через десять дней Пиндар умер. Его сожгли на погребальном костре в Аргосе, где он участвовал в праздничных состязаниях, а затем дочери перенесли урну с прахом в Фивы. Там встретилась им старая родственница и рассказала: во сне перед ней предстал Пиндар и спел ей последний свой гимн, посвященный владыкам царства теней. Проснувшись, она записала его и поведала людям, на долгие годы сохранившим в памяти имя великого поэта. Одна из его од была даже вырезана на камне в Дельфах, другая — на острове Родосе. В Элладе, Египте, а позднее в Византии звучали его стихи — яркие, напряженные, стремительные, подобные горному потоку. Это о них римский поэт Гораций говорил:

Как с горы поток, напоенный ливнем,
Сверх своих брегов устремляет воды, —
Рвется так, кипит глубиной безмерной
Пиндара слово...

После смерти поэта дом его стали считать священным, и фиванцы написали на нем: «Пусть никто не сжигает дома поэта Пиндара». Что ж удивляться, если этот призыв был услышан Александром Македонским. Все-таки величайший полководец древности получил воспитание у величайшего философа античности — Аристотеля.

Но то, перед чем отступила сила оружия, сделало время. Оно разрушило дом и постепенно стирало память о поэте, которого в Европе все меньше и меньше стали понимать. В XVIII веке Вольтер иронически назовет его «возвышенным певцом греческих наездников и кулачных боев» — его, славившего красоту и мужество человеческого духа и тела, смиренного перед богами, независимого перед правителями, поэта владык и владыку поэтов.

Времена меняются. Сейчас «доблесть мышц, рук и ног» снова в чести во многих странах. Но спортсмены, побеждающие на крупных соревнованиях, удостаиваются золотых медалей и... удивительно бездарных поделок, выдаваемых за стихи. Дождутся ли они своего Пиндара? Или Музы уже совсем состарились,

обессилели, и потому так вольготно стало тем, кого еще в I веке до нашей эры высмеивал Гораций:

Кто не искусен в бою, — уклоняется с Марсова поля,
Тот не вступает в игру, чтоб не подняли зрители хохот.
Тот, кто ни в обруч, ни в мяч, ни в диск играть не искусен,
Только несведущий вовсе в стихах их писать не стыдится.

Древние греки были в этом отношении строгими ценителями. Они «божественным именем чтили поэтов», то есть тех, кто наделен особым даром — тем, что мы называем талантом. Полководец, законодатель, философ — ими можно было стать. Поэта греки безоговорочно ставили выше — ведь ему открыто нечто такое, что недоступно другим. Когда в середине VII века до нашей эры спартанцы, отчаявшись победить своих соседей, обратились за советом к Дельфийскому оракулу: что им делать, чтобы победить непокорных, — тот предложил им отправиться к афинянам и просить у них вождя. Афиняне охотно откликнулись на такую просьбу. Можно вообразить разочарование воинственных спартанцев, когда перед ними предстал не полководец, а... хромой школьный учитель поэт Тиртей. Однако своими песнями он так воодушевил воинов, что те в первом же сражении наголову разбили врагов.

Вперед, о сыны отцов-граждан,
Мужами прославленной Спарты! —

гремели слова его военного марша, с которым спартанцы шли в бой.

Вперед, сыны отчизны милой!
Мгновенье славы настает! —

прозвучит через 2400 лет набат «Марсельезы», которая поведет к победе революционных солдат. Как известно, автор песни, ставшей гимном французской революции, — капитан Руже де Лиль — покоится в парижском Доме инвалидов рядом со знаменитым маленьким капралом, ставшим императором.

Рядом! Как бы на равных правах! Вероятно, древних греков это бы не удивило. Для них само собой

разумелось, что «кифары звук мечу не станет уступать». Эти слова принадлежат поэту Алкману, жившему в VII веке до нашей эры в Спарте — городе, где цари перед битвой приносили жертвы Музам в надежде, что воины не дрогнут в бою и совершат подвиги, достойные того, чтобы сохраниться в песнях.

«Там живет мужественная молодежь, там раздаются звуки музыки», — так описывал Спарту современник Алкмана поэт Терпандр, первый греческий музыкант, чье имя считается исторически достоверным (именно ему, а не мифическому Амфиону стали приписывать изобретение семиструнной лиры). А через 800 лет прославленный греческий писатель-сатирик Лукиан отмечал: «Во всех своих делах спартанцы прибегают к Музам, вплоть до того, что даже воюют под звуки флейт... И в битве первый знак у спартанцев подается флейтой». (Через много веков в цивилизованных странах авторитет флейты резко возрастет, и ей окажут великую честь — она будет аккомпанировать барабану во время наказания шпицрутенами. До такой изысканности отсталые спартанцы, жившие на заре человеческой истории, додуматься, конечно, не могли.)

Музам и Аполлону молились в афинских школах перед началом занятий. После того как ученики овладевали грамотой (свое почтение к покровителям искусства и науки они выражали в том, что прежде всего обязаны были научиться склонять слово «Муза»!), все остальное время затрачивалось на чтение стихов, пение, игру на флейте и лире, ибо каждый афинский гражданин должен был уметь играть и петь, чтобы участвовать в музыкальных состязаниях на играх и празднествах. Кроме того, в этих общеобразовательных школах (они назывались «музическими») преподавались начала геометрии и арифметика, потому что, по мнению греков, знакомство с музыкой и математикой возвышает и облагораживает человека. Что же касается стихов, то их, естественно, при отсутствии книгопечатания и дороговизне рукописных книг приходилось заучивать наизусть.

Греческий историк Ксенофонт рассказывает, например, что однажды во время пира Сократ предложил присутствующим: пусть каждый признается, чем он гордится более всего. И один из гостей ответил: «Отец мой, заботясь о том, чтобы из меня вышел хороший человек, заставлял меня учить все произведения Гомера, и теперь я мог бы прочесть наизусть всю «Илиаду» и «Одиссею». Заметим, между прочим, что это составляет в общей сложности 27 803 строки (!).

Многие столетия Гомер оставался своего рода энциклопедией для греков, кладезем исторических, мифологических знаний, источником мудрости и благочестия. «Гомер воспитал Элладу», — сказал философ Платон, и этого не оспаривали ни друзья, ни враги легендарного поэта. Кроме Гомера, афиняне заучивали поэмы Гесиода «Труды и дни» и «Теогония» (о происхождении богов) и много других произведений любимцев Муз. «Когда дети научились грамоте, — сообщает Платон, — им кладут на скамейки стихотворения хороших поэтов — а там много и вразумлений, и назидательных рассказов, и прославлений древних доблестных мужей — и заставляют их выучивать, чтобы ребенок подражал и стремился стать таким же».

То, что стихам придавалось столь всеобъемлющее значение, не вызывает удивления. В конце концов древнейшей формой литературы у многих народов мира была именно стихотворная форма, а самое понятие «литература» в период, когда еще не выделились многие отрасли знаний, было неизмеримо шире, чем сейчас. Поражает другое: даже произведения, которые бесконечно далеки от поэзии, а иногда и просто противоречат ей (к примеру, философские трактаты или, что уж совсем кажется недопустимым, юридические постановления), даже они облекались в форму величественного, торжественно-напевного гекзаметра.

Прежде молитвы свои вознесем владыке Крониду,
Чтобы он этим законам успех дал и добрую славу, —

так начал свою поэму, в которой формулировались новые законы, афинский реформатор Солон.

Кстати, своим возвышением Солон тоже обязан стихам, которые явились настоящей политической программой.

Афины вели длительную войну с мегарцами из-за острова Саламина. После многих безуспешных попыток отвоевать его они, отчаявшись, приняли закон, каравший смертной казнью всякого, кто осмелится устно или письменно предлагать вновь начать военные действия для захвата злополучного острова. Тогда Солон прикинулся сумасшедшим и попросил друзей поскорей распространить слух о его помешательстве. Выбрав удобный момент, он прибежал на городскую площадь, взобрался на камень, откуда говорили вестники, и прочитал элегию под названием «Саламин»:

С вестью я прибыл сюда от желанного всем Саламина,
Стройную песню сложив, здесь вместо речи спою.

Он говорил, что если афиняне уступят и откажутся от острова, то

Скоро от края звучать будет слово такое:
«Это из Аттики муж, предал и он Саламин».

Элегия из 100 стихов заканчивалась призывом:

На Саламин! Как один человек, за остров желанный
Все ополчимся! С Афин смоем проклятый позор!

Умалишенного выслушали и последовали его совету. Афиняне отменили прежний закон и двинулись в поход, сделав военачальником принявшего нормальный облик Солона, который довел войну до победы.

Естественно, что поэтов ценили и почитали. Их наперебой приглашали к своим дворам цари и тираны. Перед ними заискивали и осыпали их милостями. Даже самые скупые правители становились щедрыми, лишь бы удостоиться хвалебной оды поэта. В особенности такого, как, например, Арион.

* ДЕЛЬФИН ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

«Море какое, какая земля Ариона не знает?» Так писал римский поэт Овидий, живший в I веке до нашей эры — начале I века нашей эры. Увы! Сейчас Ариона, поэта, творившего за 700 лет до Овидия, действительно не знает ни одна земля: из 2 тысяч стихов его древних сборников до нас не дошел ни один. Правда, известна легенда о певце — и она весьма примечательна.

...Много дорог исходил Арион. Слышали его голос на Лесбосе, где он родился, и в Коринфе, куда привлек его блеск дворца тирана Периандра, окружавшего себя поэтами и музыкантами. Арион создал дифирамб (особый вид торжественных песнопений в честь бога Диониса), дал ему название и научил коринфский хор исполнять его. Однажды отправился он в Италию и Сицилию, где своими песнями составил себе немалое состояние. Как уберечь его в дороге? Кому довериться? Конечно, боги — надежные заступники и не дадут в обиду поэта, в этом он не сомневался. Но он отнюдь не был уверен, что этой же точки зрения придерживаются разбойники. И решил Арион сесть в городе Таранте (в Южной Италии) на коринфский корабль — уже здесь-то его никто не посмеет обидеть. Но моряки, узнавшие о его богатстве, все-таки посмели. Они решили выбросить его в море и поделить между собой добычу. Напрасно молил их поэт: «Возьмите драгоценности, но не лишайте меня жизни». Моряки оставались непреклонными. «Выбирай, — великодушно предложили они, — или ты умертвишь себя своей рукой, а мы похороним тебя, как только выйдем на берег, или же кидайся немедленно в море». — «Ну что ж, если так, я покончу с собой. Только позвольте мне спеть мою последнюю песнь».

Обрадовались моряки — шутка ли, услышать величайшего певца! — и отошли к середине корабля. Арион же надел нарядную одежду, вышел на корму и исполнил торжественный гимн. А потом в полном

одеянии бросился в море. Но чудо! Не успел он погрузиться в волны, как рядом с ним очутился дельфин — не зря ведь считали его любителем музыки (что, кажется, вполне подтверждают и современные научные исследования!). Взял он певца на спину и доставил к берегу. (Любопытно, что на самых ранних монетах Таранта нумизматы разглядели выгравированное изображение человеческой фигуры верхом на дельфине.). Добрался Арион до Коринфа, рассказал все Периандру — не поверил тот поэту и взял его под стражу. Но приказал следить и за кораблями. Едва коринфское судно появилось в гавани, позвали моряков к тирану; и лишь тогда выяснилось, что все, о чем говорил Арион, правда. Даже то, что относилось к дельфину: его облик — в этом никто не сомневался, — конечно же, принял сам Аполлон! Разве мог он дать погибнуть избраннику Муз?

Впрочем, за всеми не уследишь. Ведь не уберег он все-таки другого поэта, современника Ариона — Ивика!

* МОЖНО ЛИ УЙТИ ОТ СУДЬБЫ?

Потомок знатного рода Ивик променял богатство и власть на беспокойную жизнь странствующего поэта. В стихах своих он славил подвиги героев (а не богов!), воспевал красоту и любовь. Судьба забросила его однажды на остров Самос, где встретился он с другим знаменитым лириком — Анакреонтом. Обоих поэтов обласкал самосский тиран Поликрат. Беспечно проводили они дни в пирах и увеселениях при дворе могущественного правителя. Но, странное дело, редко кто из греческих поэтов подолгу задерживался у высоких покровителей. Одними просто овладевала «охота к перемене мест», другие стремились как можно больше увидеть и узнать, чтобы поведать об этом в своих песнях. Были и такие, которых охватывала тревожная тоска в пышных дворцах. Сего-

дня — ода, завтра — хвалебная песнь, послезавтра... Так ведь в конце концов можно и загубить поэтический дар. Не зря баснописец Эзоп предостерегал: «С царями надо говорить или как можно меньше, или как можно слаще».

Но разве сладким панегирикам суждено бессмертие? Наиболее проницательные и дальновидные поэты понимали, что тираны приходят и уходят, а руководствоваться лишь их вкусами и настроениями — значит не только обречь себя на забвение, но и поступать вопреки своей совести.

Пройдет совсем немного времени, в греческих полисах восторжествует демократия, и свободные граждане решительным образом не допустят появления произведений, восхваляющих правителей. Не они, а народ и его дела будут считаться достойными увековечивания. И когда величайший скульптор античности Фидий изваяет грандиозную статую Афины, а на щите ее осмелится изобразить (под видом легендарного героя Тесея) руководителя Афинского государства Перикла — самого популярного государственного деятеля в истории Эллады (чье правление называли «золотым веком», «веком Перикла»), то его привлекут к суду. И хотя, как сообщает Плутарх, «рука Перикла, державшая поднятое копье перед лицом, была сделана так мастерски, будто он хотел прикрыть сходство, оно, однако, видно было с обеих сторон». И Фидия осудят и бросят в тюрьму, где он умрет от болезни. Греческая демократия ревниво оберегала равенство граждан — разумеется, только свободных, ибо демократия оставалась рабовладельческой, — и главную опасность для себя видела в возвеличивании отдельных лиц, которые, получив в руки власть, редко когда удерживались от искушения стать тиранами и самолично вершить судьбы государства, не считаясь с теми, кто выдвинул их. Приговор Фидию, конечно, был несправедлив и бесчеловечен. Но афинян можно понять: ведь, по их мнению, именно художники и поэты несут, так сказать, моральную ответственность за подготовку тирании, именно их славословие расчищает дорогу властолюбцам и одурачивает народ.

Но вернемся к Ивику. Погостил он у Поликрата и вновь отправился блуждать по свету. Путь его вел на Истмийский перешеек, где раз в два года происходили Истмийские игры — праздник в честь Посейдона.

К Коринфу, где во время оно
Справляли праздник Посейдона,
На состязание певцов
Шел кроткий Ивик, друг богов.

Но, видно, в тот час Аполлон и Музы заняты были более важными делами и забыли о своем избраннике. И случилось непредвиденное (вероятно, так предопределил рок!) — на Ивика напали разбойники и убили его. Лишь стая журавлей в высоком небе стала свидетельницей этого преступления.

Уверенные в своей безнаказанности, убийцы пришли в Коринф и безмятежно веселились на празднике. Но если и можно обмануть богов, то никому не укрыться от гневного взора Эриний — богинь мщения. И однажды над городом проплыла длинная стая серебристых птиц.

«Гляди-ка, это же Ивиковы журавли!» — в тревоге воскликнул один из злодеев. Зашумела толпа, услышав невольно сорвавшееся с уст имя поэта.

И вдруг, как молния, средь гула
В сердцах догадка промелькнула...
«Убийца кроткого поэта
Себя нам выдал самого.
К суду того, кто молвил это,
И с ним — приспешника его!»

И так всего одно лишь слово
Убийцу уличило злого,
И два злодея, смущены,
Не отрекались от вины.

И тут же, схваченные вместе
И усмиренные с трудом, —
Добыча праведная мести —
Они предстали пред судом.

«Добыча праведная мести». Это, конечно, строка Н. Заболоцкого, который перевел известную балладу

Шиллера «Ивиковы журавли». Но в мифах действительно идея возмездия очень популярна. Ни один проступок не может остаться без последствий! Уйти от всевышнего суда невозможно, хотя и удается иногда получить отсрочку.

Греческий баснописец II века Бабрий рассказывает:

«Приказал Зевс Гермесу: «Запиши-ка на черепках все пороки и прегрешенья смертных и сложи в ящик, чтобы мог я за каждый грех назначить кару». И вот заполнился ящик доверху и перемешались черепки. Один сразу попадется в руки царя богов, а до иного — ох, как трудно добраться! Вот и получается, что иные люди подолгу ходят безнаказанными».

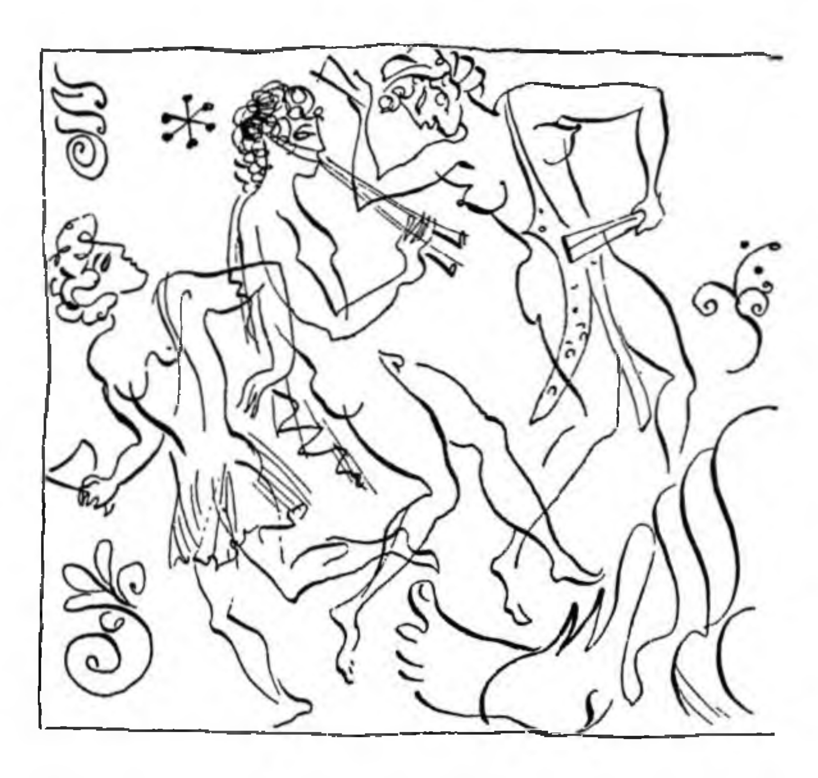
Своей судьбы не могут избежать даже потомки богов. Через всю греческую мифологию постоянно проходит один удивительный мотив: и люди и боги — все подчиняются чему-то более грозному, неведомому и непреклонному, какой-то высшей силе, управляющей миром. Эта сила — рок. Никто не знает его велений, ничто — даже воля Зевса — не может предотвратить его. Все предопределено заранее, и лишь неумолимым мойрам, живущим на Олимпе, открыта судьба каждого.

Клото (то есть «Прядущая») сидит за веретеном и прядет жизненную нить человека. Лахесис (то есть «Определяющая участь»), не глядя, вынимает жребий и записывает, что суждено смертному. Атропа (буквально — «Неотвратимая») перерезает ножницами нить жизни.

И самое страшное то, что тайну рока нельзя постигнуть. Сегодня удача — завтра несчастье. Как говорил Эзоп:

Если случится
Радость кому испытать, — следом отмщенье идет.

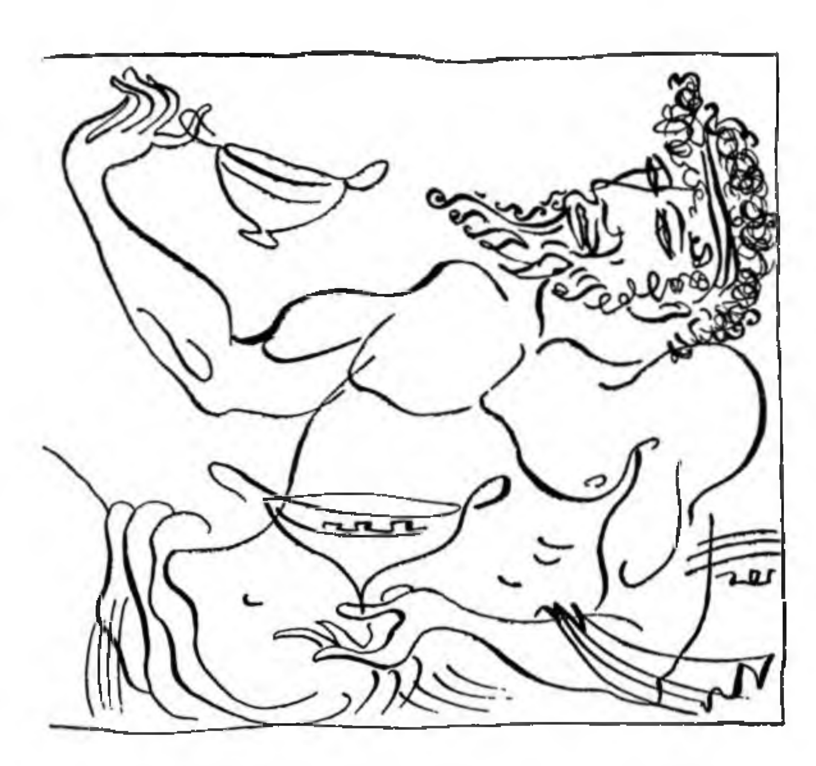
Правда, на Олимпе есть еще одна богиня судьбы — Тиха. Из рога божественной козы, вскормившей самого Зевса, она сыплет дары людям. Кому достанутся плоды из ее «рога изобилия» — дело случая

(слово «тихе» по-гречески означает «случай»). Эта капризная богиня ветрена и непостоянна, и полагаться на нее не следует. Римский поэт I века Федр с грустью писал о ней:

Бегун летящий, мчащийся по лезвию,
С затылка лысый, волосатый спереди
(Схвати за гриву — будет твой, а выскользнет —
И даже сам Юпитер не вернет его), —
Вот образ мимолетности всего, что есть.

Как узнать, что ждет человека? Как умолить непреклонный рок? Как среди тысячи случайностей отыскать единственную верную дорогу в жизни (да и есть ли она, эта дорога?)? На протяжении всей античности — и в мифах, и в философских трактатах, и в поэзии — ставились эти вопросы. Ответа на них найти не удалось.

Нет, не дало божество ничего непреложного людям,
Даже пути для того, чтоб угодить божеству, —

утверждал греческий поэт Феогнид, живший в эпоху, когда люди осмеливались задавать вопросы богам и даже упрекать их в несправедливости. «Неисповедимы пути господни», — будут позднее уныло повторять христианские проповедники, приучавшие верующих безоговорочно принимать божественные откровения раз и навсегда сформулированные и не допускающие кривотолков. «Верно не потому, что убедительно и доказательно, а потому что изречено свыше», — таков был принцип фанатиков христианской религии. Средневековый догматик не искал истины — он знал ее заранее. На все случаи жизни имелись цитаты из священного писания. Ими подкреплялись любые до-

воды. А уж если доводы казались абсолютно нелепыми, то тогда... Оставалось только верить — не рассуждая, не пытаясь понять. «Верю, потому что нелепо», — так исчерпывающе разрешит все сомнения богослов Тертуллиан.

Греки смотрели на мир иначе. Гейне заметил как-то, что эллины ценили жизнь и изображали ее светлой, цветущей, загробный же мир рисовался им мрачным царством теней. У христиан наоборот: земля — обитель скорби и печали, жизнь мрачна и призрачна, подлинное блаженство ожидает людей лишь в будущем, за порогом смерти.

Жизнерадостные, неугомонно-любознательные греки не могли удовлетвориться застывшими догмами.

Трезвым будь, умей не верить —
В этом смысл науки всей, —

призывал в VI веке до нашей эры комедиограф и философ Эпихарм.

«Подвергай все сомнению», — провозгласит в 1865 году в известной «Исповеди» свой любимый девиз Маркс. И если Маркс считал, что «греки навсегда останутся нашими учителями», то, кроме всего прочего, и потому, что их отличала безграничная смелость мысли. Философ искал истину, не зная заранее, куда это приведет его.

Греческая наука искала первооснову вещей, причину событий и явлений, она пыталась объяснить их смысл.

В наивной, поэтически-сказочной форме те же вопросы вставали в мифах: что движет людьми и богами, кто ответствен за все происходящее в мире?

И, привыкнув сомневаться, греки в конце концов усомнились в собственных богах. Одно из двух: либо боги поощряют зло и приносят несчастье людям. Но тогда они коварны, жестоки и несправедливы. Можно ли в таком случае поклоняться им? Либо они бессильны перед роком. Но тогда что же это за боги?

Человек смертен, и краток его век. Так установлено судьбой.

Человек бессмертен в делах своих и памяти потомков. Так бросали вызов судьбе непокорные греки. Слава героев живет в их подвигах, слава певцов — в их песнях. Величайшим же певцом Эллады считался сын Музы Каллиопы — Орфей.

* ВОЗВРАЩЕНИЕ С ТОГО СВЕТА

Он жил в далекой Фракии и был любимцем Муз. Никто не мог сравниться с ним в искусстве складывать стихи и играть на лире. Услышав его пение, деревья склоняли ветви, скалы приходили в движение, а дикие звери становились кроткими и послушными.

У ног его лежат угрюмо львы,
К его жилью идут бесстрашно лани,
Умолкли птицы, опустив головки,
И замерли на нижних ветках дуба,
С Орфеем не дерзает состязаться
И соловей, внимая этой песне.

Лишь единственный раз пришлось певцу участвовать в состязании, да и то поневоле. Это было давно, до Троянской войны, когда знаменитые герои, плывшие на корабле «Арго» (их потому и называли аргонавтами), отправились в Колхиду за «золотым руном». По пути им встретился остров, на котором жили сирены — полуптицы-полуженщины. Этих морских дев необыкновенной красоты покарала Деметра за то, что они не помогли ее дочери Персефоне спастись от Аида, и наградила их птичьими ногами. Но пение их было таким сладким, а красота столь волшебной, что ни один смертный не мог удержаться от искушения высадиться на их острове. И там находил свою гибель. От этой участи аргонавтов спасло только вмешательство Орфея. Его репертуар показался им, видимо, более занимательным, и они миновали остров, выразив полное пренебрежение к обольстительным сиренам, призывного пения которых они даже не расслышали.

Счастливо жил певец со своей женой нимфой Эвридикой. Однажды играла она на берегу реки со своими подругами, и вдруг застиг их врасплох сын Аполлона. Бросилась в бегство нимфа и не заметила спрятавшейся в траве змеи, которая укусила ее в ногу. Вскрикнула Эвридика и упала замертво.

Долго оплакивал Орфей свою супругу, и вместе с ним грустила вся природа. Одиноко бродил он по горам, лесам и воспевал Эвридику. А потом решился совершить неслыханное — спуститься в подземное царство и умолить его владык вернуть ему жену. Подошел он к зловещей пещере, которая вела в преисподнюю, спустился в нее — и вот он на берегу Стикса. Но как перебраться через эту роковую реку? Ведь живым туда нет дороги, как нет ни для кого и обратного пути из Аида.

Неслышно причалила к берегу ладья Харона, чтобы перевезти души умерших. Стал умолять его Орфей, чтобы он помог переправиться на другой берег. Харон удивился столь необычной просьбе, но остался неумолим. В отчаянии ударил Орфей по струнам золотой лиры, призвал на помощь все мастерство и в конце концов добился своего. Старик Харон, давно уже не слышавший иных звуков, кроме горестных стонов своих клиентов, не устоял перед высоким искусством. И, нарушив строжайшую инструкцию, разрешил певцу подняться на ладью.

Очутился Орфей в угрюмом царстве. Направился он ко дворцу Аида, и не умолкала его лира. Заслушался подземный мир. Расчувствовались безжалостные Эринии, богини мщения, залилась слезами богиня призраков Геката, раскрыл в изумлении пасти трехголовый Цербер, стороживший выход из преисподней. Дрогнула и сама Персефона и умолила своего грозного мужа отпустить Эвридику на землю.

«Смотри только, пока не выйдешь к людям, не оглядывайся назад, — предупредил Аид. — Иначе потеряешь ее навсегда».

Скорей, скорей обратно — без оглядки! Спешит Орфей. Впереди него — Гермес, за ним — неслышная тень любимой Эвридики. Вот позади уже Стикс, и

крутая тропа ведет вверх — к свету, к жизни. Но что это? Почему не слышно шагов Эвридики, почему не чувствует он ее дыхания? Может быть, отстала она на этом трудном пути? Остановился Орфей. Нет — не слышно ничего. И тогда не выдержал влюбленный певец. У самой границы, где кончался мрак, обернулся и...

«О Орфей, — прошептала бесплотная тень, — твое безрассудство погубило нас! Зовет меня обратно беспощадный рок. Прощай, великая ночь охватывает меня и уносит с собой».

И исчезла, будто дым, рассеявшийся в воздухе.

Застыл окаменевший от горя Орфей. Потом очнулся, медленно спустился в пещеру и вновь попробовал уговорить Харона. Но тщетно! Семь дней и ночей плакал он на берегу подземной реки, сетуя на свою судьбу. А когда поднялся к людям, никто не видел больше улыбки на его лице, не слышал радостных песен. До конца дней остался одиноким певец печали, уединившийся в лесах среди птиц и зверей, которым он поверял свою тоску.

Так прошли четыре томительных года. И ни разу не дрогнуло сердце Орфея при виде женщины. Попрежнему хранил он верность Эвридике и все чаще, словно угадывая волю рока, думал о том, как они встретятся и соединятся навеки там, в безмолвном мире теней.

Ждать пришлось недолго. Наступила весна, и громкие возгласы, смех взбудоражили горы: начинался веселый, буйный праздник Диониса (Вакха), бога растительности. Праздник действительно был веселым — его участники перепивались до такой степени, что утрачивали не только способность что-либо соображать, но и вообще всякое представление о стыде и приличиях. Наиболее разнузданными в оргиях оказывались спутницы Вакха — вакханки.

Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздьем, обнаженны,
Бегут вакханки по горам.

Все ближе и ближе голоса неистовых поклонниц Диониса. Наконец выбежали они на поляну, где сидел Орфей, увидали его и гневно закричали: «Вот он, ненавистник женщин!»

Говорят, правда, что ярость в их помутившийся ум вложил сам Дионис, рассерженный тем, что певец пренебрег его культом и стал служить Аполлону.

Окружили вакханки Орфея и стали забрасывать его камнями. Но камни, покорные его лире, падали у ног певца. Все громче звучали флейты и гремели тимпаны, пока, наконец, шум и крик не заглушили голос Орфея. И упал он, пронзенный жезлом.

Набросились на него обезумевшие вакханки, окровавленными руками разорвали его тело и бросили его голову в реку, которая понесла ее к морю. А вослед плыла, тихо качаясь на волнах, его волшебная лира.

Заплакали тогда деревья, цветы и скалы, и вторили им звери и птицы. Река стала полноводной от слез. Нимфы и дриады облачились в темные одежды.

Наконец приняли голову Орфея морские волны и осторожно понесли ее дальше. Лира же его плыла в открытом море, пока не оказалась у берегов Лесбоса. С тех пор славится этот остров своими песнями, и многих известных поэтов подарил он миру. Но боги не захотели, чтобы лира великого певца оставалась на земле, и поместили ее на небе. Там, среди других созвездий, и поныне сияет созвездие Лиры с ослепительной звездой Вегой.

А Орфей? Разве можно говорить, что он умер? Он, которого считали творцом музыки. Он, чье имя вдохновляло поколения музыкантов, поэтов, художников. Когда на рубеже XVI—XVII веков в Европе появится опера (ее будут сначала называть музыкальной драмой), миф об Орфее станет самым излюбленным ее сюжетом.

«Эвридика». Опера с прологом.

Музыка Пери. Текст Ринуччини.

Таково название одной из первых (дошедших до нас) опер в мировой истории. Она была показана в 1600 году во Флоренции.

Через семь лет жители Мантуи услышали оперу прославленного Монтеверди «Орфей».

А еще через полтора века голос Орфея зазвучит со сцены венского театра и обессмертит имя создателя оперы, арии из которой и поныне входят в репертуар певцов. Этого композитора — великого реформатора оперного искусства — звали Кристофер-Виллибальд Глюк, «Кавалер Глюк»...

А остров Лесбос по праву мог гордиться своими поэтами — потомками и наследниками Орфея. Первое место среди них греки отдали крупнейшей поэтессе древности — Сафо. Как писал философ Платон:

Девять считается Муз, но их больше — ведь Музою стала
И лесбиянка Сафо. С нею их десять теперь.

Она жила в конце VII — начале VI века до нашей эры, и слава ее гремела по всему тогдашнему культурному миру. Ее считали загадкой, чудом, и имя ее окутано легендой.

Из Греции, Малой Азии, с островов Эгейского моря стекались к ней в Митилену девушки. Ее жилище называли «домом служительниц Муз» (позднее его назовут более кратко — «Музей»). В этой своеобразной общине девушки обучались игре на лире, стихосложению, танцам, а более всего — сложному и никогда не стареющему искусству быть женщиной. Музыка и поэзия нужны были не для того, чтобы стать профессией. Сафо стремилась с помощью культа Афродиты и Муз воплотить идеал женской красоты. И в Митилене женщина оживляла городскую жизнь, давала ей особое очарование своей одеждой, своим вкусом, своим искусством. Любовь и красота способны сделать человека счастливым. Искусство же делает его возвышенным и благородным. Так думали эллины.

Стихи Сафо — особый мир, с его страстями и разочарованиями. В них ночь и звезды, вселяющие печаль, в них шелест листьев и пенье птиц, пробуждающие радость, в них цветущая красота человеческого тела и волнение любви.

Рассказывают, что Солон, дожив до глубокой ста-

рости, услышал однажды от своего внука ее стихи и попросил еще раз продекламировать их: он не хотел покинуть этот мир, не заучив песен Сафо. А благодарные митиленцы запечатлели ее облик на своих монетах.

Ее цитировали крупнейшие поэты и писатели Греции и Рима, долгое время ощущалось ее влияние и на европейскую литературу, хотя, после того как в XI веке строгие и заботившиеся о чистоте нравов византийцы сожгли ее произведения, от них уцелели лишь небольшие отрывки. Но мысль о том, что красота — это высшая истина, никогда не покидала умы философов и поэтов. В XX веке Анатоль Франс признается: «Если б мне пришлось делать выбор между красотой и правдой, я бы выбрал красоту, потому что в ней больше истины».

Что же касается вечного вопроса о влиянии икусства на нравы общества, то в древности к единому мнению прийти так и не удалось. Слишком много было перед глазами примеров того, как в одних и тех же людях благополучно уживались тонкий вкус и звериная жестокость, вдохновенные творческие порывы и низменные страсти. В одном лишь греки не сомневались: если высокое искусство и может облагородить людей (но может и оказаться бессильным!), то дурное искусство наверняка испортит их души. (Как показал дальнейший ход событий, искусство действительно оказывалось способным поднять человека на уровень богов, как это было в эпоху Возрождения, или низвести его до положения ничтожного, безликого и пассивного существа.)

В мифах оценку произведениям искусства давали в конечном счете боги. При этом они всегда считались только со своими вкусами и настроениями. Боги оказывались куда более нетерпимыми, чем смертные. Горе тому, кто посмеет соперничать, например, с Аполлоном! Мстительный и завистливый бог ревниво оберегал свой авторитет, и самая мысль о соперничестве с ним казалась кощунством. Дерзкого ожидала жестокая кара. Так пострадал фригийский сатир (лесной божок) Марсий.

* НАКАЗАННАЯ ДЕРЗОСТЬ

Многому научила людей светлоокая Афина-Паллада, немало тайн открыла она им. Но даже богиня мудрости не застрахована от оплошности. Изобрела она как-то музыкальный инструмент — флейту. Стала играть на ней — и вдруг остолбенела: на блестящей поверхности воды отразилось, как в зеркале, ее обезображенное лицо. Рассмеялись и боги, увидев ее раздутые щеки. Правда, Афина слыла строгой, бесстрастной богиней, которой недоступны ни любовные увлечения, ни тщеславные заботы о красоте (шаловливый Эрот не осмеливался даже подумать о том, чтобы поразить ее своей коварной стрелой любви). Но все-таки она была женщиной и не могла допустить, чтобы флейта искажала ее прекрасные черты. В ярости швырнула она ее на землю и произнесла над ней проклятье: «Пусть горько поплатится тот, кто поднимет этот инструмент!»

В далекой Фригии, в Малой Азии, посреди пустынного поля, и нашел его Марсий. И в его руках простая дудочка зазвучала так, что все заслушались. Вскружилась у сатира голова от похвал, возгордился он, осмелел. И вызвал на состязание самого Аполлона, а арбитрами пригласил Муз. Несчастный, он наивно думал, будто можно соревноваться со всемогущим богом, да еще рассчитывать на объективность судей, находившихся под началом у олимпийца. Он забыл, что (как заметил Геродот) «божество не терпит, чтобы кто-нибудь, кроме него самого, мнил высоко о себе».

И вот явился златовласый Мусагет, в пышной одежде, с лирой в руках. Каким жалким и ничтожным выглядел рядом с ним грубый, заросший щетиной лесной дикарь Марсий! Стали насмехаться над ним Музы, но сатира смутить не удалось.

«Что с того, что Аполлон — бог? Тело у него чистое и нежное, одежда — тонкая, сверкает пурпуром, а лира — будто золотом пламенеет. Но ведь эта роскошь — удел богачей, она спутница изнеженности, а не добродетели».

Еще больше развеселились Музы, а потом, послушав соперников, единодушно присудили победу Кифареду. Да и как могло быть иначе? Разве могла незатейливая дудка, из которой неслись тревожные, порывистые, то восторженные, то исступленные звуки, сравниться со сладкозвучной лирой, созданной для нежных, ласкающих слух песен и величественных гимнов? Искусство должно умиротворять, а не будоражить, воспевать великие деяния, а не служить мелким земным страстям. Так считали обитатели Олимпа (но в этом сомневались многие крупнейшие эстеты античности).

Заметим, кстати, что древняя флейта — продольная трубка из тростника (она исчезла из европейского оркестра в XVIII веке), с шестью дырочками — совсем не похожа на нынешнюю деревянную. Она издавала резкий металлический звук (характерный для современных медных инструментов). И, конечно, противоположность резкого, порывистого, стремительного звучания флейты и журчащих, успокаивающих напевов лиры была разительной.

А если учесть, что флейта, бубны, трещотки и тому подобные «простые» (и оглушительные) инструменты обычно сопровождали праздники Диониса, то миф о состязании Аполлона и Марсия приобретает особый смысл. Ряд ученых видит в нем отражение борьбы двух культов — официального, классического, общепризнанного светоносного бога и рождавшегося в низах (и даже в «варварских» странах) простого, общедоступного, близкого людям Диониса.

Итак, Аполлон, победил. И тогда, чтоб другим неповадно было, он содрал с Марсия кожу и повесил ее на дереве в пещере близ города Келены, откуда берет свое начало река, получившая название Марсий. Когда долетают сюда звуки флейты, кожа начинает двигаться, будто танцует, и не шелохнется при звуках лиры. Много веков спустя Геродоту, побывавшему в этих краях, фригийцы покажут эту кожу, которая висела около рынка в Келенах. Флейту же Марсия, брошенную в реку, вынесло на берег, и пастух, нашедший ее, поднес инструмент в дар Аполлону. Но долго еще

злопамятный бог испытывал ненависть к флейтистам, пока, наконец, в Дельфах не сыграли в его честь торжественную песнь на флейтах.

* СУДЬЮ УДАЛЯЮТ С ПОЛЯ

Наказав дерзкого сатира, Аполлон, однако, не чувствовал себя удовлетворенным. Да, Музы признали его победителем. Но ведь это естественно: они же его воспитанницы. А вот что думают смертные? Лишь один из них был свидетелем состязания. Что скажет он — фригийский царь Мидас?

Любимец Диониса, тот был сказочно богат. Когда он еще лежал в колыбели, муравьи таскали ему в рот хлебные зерна. Разумеется, это предвещало богатство. И предсказание сбылось: в награду за оказанную ему однажды услугу щедрый бог растительности поклялся исполнить любую просьбу Мидаса. Недолго думал царь: «Пусть все, к чему я прикоснусь, превращается в золото!»

Все так все! И бог был пунктуален, выполняя свое обещание. Действительно, за что бы ни брался жадный владыка, все становилось золотым: оружие, одежда, мебель, посуда и даже... пища. Но при всей любви к драгоценному металлу нельзя же питаться золотыми слитками! Перспектива голодной смерти явно не улыбалась царю. Стал умолять он Диониса снять с него чары, и тот внял его отчаянным просьбам.

Увы, суждено ему было еще раз поплатиться за свою неосмотрительность. Пригласил его Аполлон быть судьей во время состязания с Марсием (по другому мифу — с Паном). И не согласился царь с решением Муз — приятней была ему музыка фригийского сатира. Разгневался тогда Кифаред, «удалил судью с поля» и наградил его ослиными ушами — ведь только глупец мог отдать предпочтение сопернику бога.

Пришлось отныне Мидасу постоянно ходить в шапке, чтобы скрыть свои длинные уши. (Этот высокий фригийский колпак в Греции и Риме надевали обычно

освобожденные рабы, и он служил поэтому символом свободы. О нем вспомнили вновь в XVIII веке: его стали носить санкюлоты — солдаты армии Великой французской революции.) Никому не известна была тайна Мидаса, кроме его цирюльника. Но тому приказано было молчать. Долго крепился цирюльник и все-таки не выдержал: вырыл ямку в саду и еле слышно прошептал туда: «У царя Мидаса ослиные уши», — а затем засыпал яму землей. На том месте вырос тростник, который и поведал об этом секрете всему свету. И до сих пор, когда хотят сказать о глупости или невежестве, которые невозможно скрыть, вспоминают «Мидасовы уши»...

Немало смертных бросало вызов Музам и Аполлону, и всех ожидала горькая расплата. Одних честолюбивый бог убивал, у других отнимал зрение, третьих лишал человеческого облика. Лишь однажды не удалось ему отомстить своему сопернику. Но это было выше его сил: ведь состязался с ним тоже бог — сын Гермеса Пан.

* К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ПАНИКА

Он сидит, одинокий, усталый, с неразлучной цевницей в правой руке — старый-старый (так и хочется сказать: древний) лесной бог, столь непохожий на цветущих и могучих олимпийцев. За его спиной расстилаются сырые луга, чуть колышутся молодые березки, а над дальним лесом выплывает тусклый, стареющий месяц. Кажется, вся природа застыла в безмолвии, чтоб не нарушать покоя Пана, углубившегося в свои думы. Он пристально глядит на вас своими загадочными, светлыми и будто пустыми глазами, и в то же время взор его стремится куда-то дальше, словно минуя вас. Он слушает тишину, этот утомившийся бог полей и лесов, седобородый покровитель стад и пастухов, с могучими узловатыми руками и морщинистым лицом крестьянина.

Таким предстает перед нами Пан на известном полотне Врубеля, фантазия которого перенесла эллинского бога в суровый и чужой северный край.

От отца унаследовал он рога и косматые козлиные ноги. Когда Гермес приходил к полюбившейся ему нимфе, он боялся, как бы его не узнали, и принял облик козла. Ужаснулась нимфа, увидев родившегося сына (попробуй докажи его божественное происхождение!), и бросила его, но неунывающий вестник богов оказался примерным родителем — подхватил младенца, отнес его на Олимп, и все боги от души повеселились. Понравился им Пан, и приняли они его в свою компанию. Но не остался он жить там, а ушел бродить по горам и лесам. Там пасет он стада и играет на звучной свирели, собирая вокруг себя нимф.

Пан начинает играть на своей сладкозвучной свирели,
Влажной губою скользя по составным тростникам.
И, окружив его роем, спешат легконогие нимфы,
Нимфы деревьев и вод, танец начать хоровой.
. . . .
Звонкоголосые к богу сбираются горные нимфы,
Пляшут вблизи родника темноводного быструю пляску,
И далеко по вершинам разносится горное эхо.

Едва наступит знойный полдень, удаляется Пан в лесную чащу или пещеру и там отдыхает. И тишина опускается на землю. Как писал Тютчев:

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.
И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

А по вечерам находит на него нередко тоска. И тогда он прячется в лесной чаще и изливает свою печаль в нежных звуках свирели. Никто не сравнится с ним в игре на инструменте, который он изобрел А случилось это так.

Увидел однажды Пан гордую и неприступную нимфу Сирингу и полюбил ее. Многие нимфы становились

Π Α Ι

его подругами, и их не смущал его, мягко говоря, непривлекательный вид (быть может, он вполне компенсировался «божественным» положением Пана?), но Сиринга не скрывала своего отвращения к хвостатому, козлоногому, украшенному рогами богу и всячески избегала его. Долго преследовал ее Пан, стремительно убегала от него нимфа, пока не преградила ей путь река. Стала молить она речного бога спасти ее, и тот превратил ее в тростник. Остановился Пан, прислушался. И почудились ему томные, жалобные звуки в шелесте тростника, колебавшегося на ветру. Опечалился бог, срезал несколько тростинок, сделал из них свирель и назвал ее сирингой.

У этого инструмента необычная судьба. Сначала это была простая семиствольная дудка из трубочек разной длины (они располагались так, что одна была короче другой), наискось скрепленных воском. Греки именовали ее флейтой Пана, на Руси называли цевницей. Ее любили в народе, ей посвятил вдохновенные строки Пушкин в стихотворении «Муза»:

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

Сначала в трубочки дули губами и проносили инструмент мимо рта, вроде современной губной гармошки. Потом число стволов увеличилось, они стали длиннее, толще, музыка сделалась богаче, разнообразней, а исполнителям пришлось туго: слишком много воздуха требовал инструмент, слишком ограничены возможности человеческих легких. Кажется, только одному музыканту удавалось управляться сразу с сотней трубок. Но ведь это был одноглазый великан — Циклоп, сын самого Посейдона.

На помощь пришли мехи — подобные тем, что раздували в кузнечных горнах. И получился... простейший орган. Этот великий потомок маленькой свирели (а ему уже около четырех тысяч лет!) стал позднее и поныне остается самым могучим, сложным и необык-

новенно богатым инструментом, способным звучать как целый оркестр.

И кто знает, чем бы закончилось состязание между Паном и Аполлоном, если бы златострунной лире предводителя Муз противостоял полнозвучный, многоголосый наследник сиринги! А там, увы, пастушескому богу пришлось покинуть поле сражения побежденным — Музы не оценили его искусства, а мнением нимф и простых смертных судьи не интересовались.

Правда, Пан мог утешиться другим. В представлениях людей постепенно официальные боги-олимпийцы теряли былую популярность. На первый план выдвинулись божества, связанные с Землей и земными силами. Аполлону по-прежнему предоставляли заниматься искусством, а вот кормильцем, спасителем стали почитать именно Пана. Его называли и «величайшим», и «многомилостивым», «царем» и «господином», в нем видели воплощение всей природы, всего космоса, а в его свирели — источник всеобщей гармонии, музыки небесных сфер (по случайному созвучию «пан» по-гречески значит «все»!).

Можно вообразить, в какое отчаяние привело людей известие о его смерти.

Однажды, рассказывает Плутарх, в царствование императора Тиберия (I век), в Италию из Пелопоннеса направлялся корабль. И вдруг с одного из островов кормчий услышал голос, призывавший его. Трижды разнеслось над волнами его имя.

«Я здесь. О чем ты спрашиваешь? Чего ты хочешь от меня?» — с дрожью спросил рулевой.

«Возвести о том, что великий Пан умер!»

И когда корабль подошел к острову близ берегов Италии, кормчий исполнил приказание. Едва успел он произнести последнее слово, как послышались скорбные вопли и жалобные стенания. Мгновенно донеслась эта весть до столицы, и Тиберий собрал ученых мужей, чтобы ему объяснили случившееся.

«Ничего удивительного, — отвечали те, — ведь Пан рожден смертной женщиной, и ему не суждено вечно оставаться среди богов».

Ранние христианские писатели усмотрели в этом событии иной смысл: смерть Пана — это конец языческой религии. Она совпала с гибелью Иисуса Христа, смерть и воскресение которого приведут к победе его учения.

«Я склонен отнести эти слова к великому спасителю верующих, который был вероломно умерщвлен в Иудее... По-гречески его с полным правом можно было бы назвать «Пан», ибо он наше Все — все, что имеем, чем живем, на что надеемся. Сей превеликий и всеблагой Пан — единственный наш спаситель». Так рассуждал добрый и благочестивый Пантагрюэль, и из глаз его капали крупные, как страусовы яйца, слезы. «Убей меня бог, — добавляет Рабле, — если я солгал здесь хоть словом».

(Сейчас выражение «Умер великий Пан» означает не только смерть выдающегося человека, но и конец целой исторической эпохи. Но в одном богословы оказались правы: христианская религия действительно в конце концов вытеснила языческую, и на смену то веселым и озорным, то жестоким и коварным олимпийцам пришел суровый, неумолимый, аскетически унылый бог-страдалец.)

Эллины любили своего лесного проказника. Особенно чтили его в Афинах. И было за что...

Шел 490 год до нашей эры. На 600 кораблях из Малой Азии двинулись в Грецию полчища персидских войск царя Дария. Флот подошел к Марафону, в 40 километрах от Афин, и началась высадка. Именно здесь, на широкой равнине, могла развернуться непобедимая персидская конница, чтобы сокрушить непокорных греков, осмелившихся оскорбить царя царей Дария. Он не забыл ни одной обиды: ни того, что они помогали мятежникам, восставшим против его владычества, ни того, как обошлись с его послами, которых он отправил, чтобы они потребовали от эллинов «земли и воды». Все города готовы были признать его власть. Лишь афиняне осмелились убить послов, а спартанцы бросили их в колодец, лаконично откомментировав: «Вот вам земля и вода». Дарий помнил

все — не зря ведь приказал он своему слуге за столом каждый день произносить: «Царь, помни о греках!»

И вот его войска в Элладе. Всполошились греки. Ополченцы из Афин и Платеи двинулись к Марафону. А еще ожидали помощь из Спарты — туда помчался известный скороход Фидиппид. Спешит он по горным тропинкам; вдруг слышит, как кто-то окликает его. И видит — перед ним сам Пан. Промолвил бог: «Спроси у афинян, Фидиппид, почему они совсем не чтят меня? Ведь я же благосклонен к ним, немало услуг им оказывал да и впредь буду им полезен».

И действительно, вскоре афиняне убедились в этом.

Напрасно торопился Фидиппид, покрыв за два дня расстояние свыше 200 километров. Лакедемоняне согласились выступить в поход, но... не раньше, чем наступит полнолуние. Таков был древний обычай.

И вот перед афинскими военачальниками встала поистине невероятная по своей сложности задача: как с 10 тысячами воинов остановить огромную армию «варваров».

Мнения вождей разделились. Одни советовали уклониться от битвы, другие, наоборот, призывали скорей начать ее. В конце концов семью голосами против шести (от чего только не зависят события мировой истории!) решено было дать бой. Но и после этого прошло еще немало времени. Дело в том, что у афинян принято было: стратеги командуют войсками поочередно. И никто не брал на себя ответственности, пока очередь не дошла до Мильтиада. Только тогда и завязалось сражение.

Выстроились греки. Их боевая линия равнялась линии противника, хотя численность эллинов настолько уступала персам, что те считали безумием начавшуюся атаку афинян. Но произошло чудо. Стремительным натиском эллины смяли и наголову разбили многочисленное персидское войско. 6400 персов было убито, греки же потеряли всего 192 человека. Захвачено было семь кораблей. На остальных «варвары», едва успев погрузиться, двинулись к Афинам, рассчитывая штурмовать город, пока его защитники нахо-

дятся у Марафона. Но, как известно, греки были сильны и духом и телом, и легкоатлетических способностей им занимать не требовалось. С поразительной прытью целая армия бросилась к Афинам и успела опередить врагов (чуть-чуть раньше по той же дороге промчался вестник, возвестивший афинянам о славной победе, — первый человек, освоивший ставшую классической «марафонскую» дистанцию!).

Итак, чудо налицо. Конечно, никоим образом нельзя умалять героизма греков. Но все-таки очень странно, что могло внести такую неожиданную растерянность в ряды захватчиков, вселить страх в их сердца. Конечно же, не обошлось без вмешательства богов. И греки были убеждены: поддержку им оказал не кто иной, как Пан. Это он посеял панику среди персов, это он внушил им панический ужас и обратил в бегство.

Пану посвятили пещеру на афинском акрополе и ежегодно стали устраивать в его честь торжественные факельные шествия.

Мне, козлоногому Пану, аркадцу, враждебному персам,
Верному другу афинян, место здесь дал Мильтиад, —

высечено было на одной из его статуй.

А как же все-таки было в действительности? В чем причины этой ослепительной победы в битве, которой древние греки гордились до конца своей истории?

Самый главный источник по истории греко-персидских войн, дошедший до нас, — это труд Геродота, современника событий. Именно его рассказ мы привели выше, и именно он рождает недоумение. Как разрешить его?

В самом деле, персы терпят сокрушительное поражение и теряют из 600 кораблей всего... 7. Оставив на поле боя 6400 человек (цифра совершенно фантастическая по сравнению с потерями греков!), они поспешно отплывают. Куда? Залечивать раны? Собираться с новыми силами? Вовсе нет — они направляются к Афинам.

А их главная ударная сила — конница? Она так и не принимает участия в боевых действиях, и исто-

рик даже не упоминает о ней. Невольно приходит мысль: не исказил ли Геродот подлинную картину событий? Действительно ли Марафонская битва — при всем ее значении — была столь грандиозным побоищем, как это казалось современникам?

Но здесь мы вторгаемся во владения другой Музы, на которую и перекладываем ответственность за правильность исторических сведений. У нее строгое лицо, она держит свиток и остро отточенную палочку в руках. Она погружена в размышление. Ей есть над чем подумать — Музе истории...

* В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Но при чем здесь Муза истории? Какое отношение она может иметь к мифам? Неужели в этих красочных небылицах содержатся какие-то крупицы здравого смысла?

В самые отдаленные времена, естественно, мифы были для греков абсолютно достоверными, они составляли особый, непонятный, но тем не менее реальный мир.

Позднее к ним стали относиться более осторожно. Усомнившись в богах, греки постепенно перестали всерьез воспринимать и сказочные события, связанные с ними.

Пожалуй, трудней всего пришлось историкам. О чем бы они ни писали, им приходилось так или иначе обращаться к истокам, к древнейшим эпохам, о которых мало что было известно. Что происходило в действительности, никто не знал. И тогда на помощь приходили мифы.

Потому-то в исторических произведениях античных писателей, честно описывавших то, что они видели или слышали, так часто упоминаются мифические герои, с которыми обычно связывают установление каких-нибудь праздников, строительство городов, создание учреждений.

Муза истории любила задавать загадки и не слишком охотно раскрывала свои секреты. Ей словно до-

ставляло особое удовольствие наблюдать за тем, как люди тщетно пытались проникнуть в тайны своего прошлого. Уже в древности историческая наука стала ареной ожесточенных споров, в которых, однако, так и не родилась истина.

В верности истине историки клялись издавна. Но все дело в том, что истин оказывалось великое множество. Историк не мог лишь бесстрастно излагать факты. Ни один из них не удерживался от оценки явлений и событий. А что только не влияло на оценку! И уровень знаний, и личные вкусы, и темперамент, и мировоззрение, и, наконец, такие немаловажные свойства, как личная честность и мужество. Кстати сказать, оба эти качества подчас были теснейшим образом связаны между собой: чтобы быть правдивым, нужна была смелость, ибо истину приходилось защищать иногда даже под угрозой изгнания или смерти. А случаев, когда торжествовала ложь, прикрытая высокими целями, в Греции было хоть отбавляй. Знаменитый римский историк Тацит, живший в I—II веках, называл исключительно редким и счастливым то «время, когда можно чувствовать, что хочешь, и говорить, что чувствуешь».

Разумеется, в тех греческих государствах, где очень дорожили самим понятием «свобода», честным оставаться было легче, чем при дворах тиранов, царей или императоров. И все-таки даже в Афинах случалось, что правдолюбцев карали в том случае, если их мнение противоречило решению большинства, то есть Народного собрания. Но афиняне тем не менее никогда не забывали, что, как говорил прославленный оратор Демосфен, «ни в чем не ошибаться — это свойство богов». Что же касается людей, то уже в V веке до нашей эры трагик Еврипид утверждал: «Всем людям свойственно ошибаться».

Естественно, это относилось не только к каждому человеку в отдельности, но и к целому коллективу граждан. История Афин дала немало примеров того, как ошибалось большинство, голосовавшее за несправедливое решение, предложенное каким-нибудь опытным демагогом, изображавшим себя защитником

народных интересов. Надо отдать должное афинянам: все-таки иногда Народное собрание отменяло собственные постановления, открыто признавая их несостоятельность и ошибочность.

В период расцвета афинской демократии — в середине V века до нашей эры — граждане ревниво оберегали свободу и внимательно следили за своими правителями, которые могли бы эту свободу как-то ограничить. Даже общепризнанному главе государства, пользовавшемуся всеобщим уважением, внушали: «Помни, Перикл, что ты управляешь свободными людьми, эллинами, афинскими гражданами!»

Казалось бы, такой порядок должен был удовлетворить всех: каждый находится под защитой коллектива и застрахован от своеволия тиранов. Но постепенно в Афинах все сильнее обнаруживалось недовольство демократией. Единоличных владык сменил другой деспот — Народное собрание, требовавшее безусловного подчинения каждого отдельного гражданина, подавлявшее его желания и стремления, если они расходились с мнением большинства. А самое печальное — это то, что Народное собрание постепенно превращалось в игрушку в руках умелых политиканов, нередко послушно принимая решения, в которых толком не успело и разобраться.

Немало философов, разочаровавшись в демократии, искали теперь идеал в других формах правления — аристократической и даже монархической. «Худших — всегда большинство», — мрачно утверждал один. «Большинство всегда не право», — вторил ему другой. Историки же, описывая разные государства, излагали свои программы политического устройства. И каждый из них отстаивал свою истину, считая ее единственной и вечной. При этом, конечно, не обходилось без ссылок на богов или их потомков.

Законы Спарте дал Ликург, посоветовавшийся с Аполлоном. Создав идеальный, с точки зрения спартанцев, государственный строй, он покинул город, взяв с граждан клятву, что они не будут проводить ни одной законодательной реформы, пока он не вернется к ним. После этого правитель отправился на

Крит, где, как гласит легенда, уморил себя голодом, считая, что даже смерть его должна принести пользу, соотечественникам. Прах же его развеяли над морем, чтобы кто-нибудь не вздумал перевезти его останков на родину. Спартанцам, верным данному обещанию, ничего не оставалось, как сохранять неизменным свое государственное устройство. Они полагали, что административное рвение афинских политиков, охваченных неугомонной страстью к нововведениям, ни к чему хорошему не приведет.

Налаженная, безупречно работавшая государственная машина спартанцев вызывала у одних греков ужас, у других — восторг. Но, как заметил горячий поклонник Спарты историк Ксенофонт, живший в IV веке до нашей эры, «самое удивительное, что, хотя все хвалят подобные учреждения, подражать им не желает ни одно государство».

Афиняне, гордившиеся своей демократией, были убеждены, что ее установили тоже боги. Объединение Аттики и деление граждан на классы они приписывали герою Тесею, которого еще Плутарх считал исторической личностью, включив его биографию в свое сочинение «Сравнительные жизнеописания».

А о царях уж говорить не приходится: каждый из них вел свою родословную от божества и требовал себе соответствующих почестей. От этого искушения не удержался даже Александр Македонский, который, прибыв со своими войсками в Египет, спокойно и по-деловому отнесся к тому, что его самого провозгласили богом.

Чего не сделаешь во имя политики! И просвещенный монарх, ученик Аристотеля, терпеливо выслушивает панегирики поэтов и заклинания жрецов, осознавая всю сложность своей божественной миссии.

В едком пародийном апокрифе «Александр Македонский» Карел Чапек вложит в уста героя неотразимый довод, обосновывающий неслыханные притязания царя. Владыка мира пишет своему учителю: «Обстоятельства требуют от меня все новых личных жертв, и я несу их, не ропща, мысля лишь о величии и силе моей прославленной империи. Приходится привыкать

к варварской роскоши и пышности восточных обычаев. Я взял себе в жены трех восточных царевен, а ныне, милый Аристотель, даже провозгласил себя богом. Мои верные подданные поклоняются мне и во славу мою приносят жертвы. Это политически необходимо для того, чтобы создать мне должный авторитет у горных скотоводов и погонщиков верблюдов. Как давно было время, когда вы учили меня действовать согласно разуму и логике! Но что поделаешь — сам разум говорит, что следует приспосабливаться к человеческому неразумию...

И вот ради спокойствия и порядка в империи в интересах реальной политики было бы целесообразно провозгласить меня богом и в наших западных владениях... Я прошу вас, моего мудрого друга и наставника, философски обосновать и убедительно мотивировать грекам и македонцам провозглашение меня богом. Делая это, я поступаю как отвечающий за себя политик и государственный муж.

Таково мое задание. От вас зависит, будете ли вы выполнять его в полном сознании политической важности, целесообразности и патриотического смысла этого дела».

Историкам часто напоминали о пресловутой политической важности мероприятий, осуществлявшихся правителями. И им приходилось нелегко. Они должны были постоянно помнить о том, чтобы кого-то не обидеть (то ли единоличного правителя, то ли Народное собрание), чтобы не проявить неуважения ни к прошлому, ни к настоящему. Все-таки странно себя вела Муза истории, допуская столько искажений в трудах ее питомцев. Замалчивание, полуправда, фальсификация — все это стало обычным приемом для многих, кто писал исторические сочинения.

В XVII веке прусский король Фридрих II откровенно признается, сколь высоко он ценит заслуги историков и в чем он видит их основную задачу: сначала надо завоевать территорию, а уж потом всегда найдутся десятки историков, которые убедительно оправдают этот захват. Увы, и в новое время немало находилось услужливых авторов, способных с необык-

новенной легкостью восхвалять любую нелепость, воспевать узурпаторов, сегодня хвалить, а завтра клеймить тех, кто почему-то оказался неугодным здравствующему правителю.

Сатирик Лукиан заметил, что большинство историков восхваляет военачальников, вознося своих до небес, а врагов — всячески унижая, что они предпочитают льстить и правителям и всем гражданам, заботясь лишь об интересах сегодняшнего дня. Историю надо писать, утверждал он, «имея в виду то, чего можно ожидать от будущего, а не льстиво, ради удовольствия современников». Историк должен быть «бесстрашным, неподкупным, независимым, другом свободного слова и истины, не знающим ложного стыда или страха, не мечущимся во все стороны в зависимости от чужого мнения».

Примером для историка может служить архитектор Сострат Книдский, построивший в III веке до нашей эры одно из чудес света — Фаросский маяк, 120-метровую башню при входе в порт Александрию. Внутри на камнях он начертал свое имя, а затем, покрыв известью, написал поверх имя тогдашнего египетского царя. Он предвидел, что пройдет время, штукатурка обвалится вместе с красующимся на ней царским именем, и потомки обнаружат надпись: «Сострат, сын Дексифона, книдиец, богам-спасителям, во здравие мореплавателей». Он считался, пишет Лукиан, не со временем, а с вечностью.

Тот же принцип отстаивал афинский историк Фукидид, утверждавший, что нужно писать для вечности, а не в погоне за популярностью у современников. Фукидид при этом имел в виду своего предшественника Геродота, получившего прозвище «отца истории» (хотя с большим правом его должен был бы носить Фукидид!).

«Отец истории», автор первого из дошедших до нас обширного труда, посвященного главным образом греко-персидским войнам, был честен, но излишне доверчив. Нередко он принимал на веру самые невероятные басни, сообщал вполне серьезно о чудесах и знамениях свыше, о вмешательстве божества в че-

ловеческую историю. Его увлекательные рассказы имели громадный успех, и считалось, что Музы явно покровительствуют ему. Позднее его труд разделили на девять частей, каждую из которых обозначили именем Музы. Молва передавала, что он прославился выступлением на олимпийском празднике, где читал отрывки из своего сочинения.

В отличие от него Фукидид — трезвый аналитик, размышляющий о подлинных причинах событий. Он ищет первооснову, и его не удовлетворяют традиционные легенды и мифы. Он верен истине и не полагается на непроверенные сообщения.

Позднее античные историки еще критичнее стали относиться к мифам и перестали искать в них какой-либо исторический смысл. А смысл все-таки был. И почти в любой небылице можно было обнаружить определенное зерно, ибо мифы — пусть в самой фантастической форме — отражали вполне конкретные явления человеческой жизни.

Казалось бы, что может скрываться за мифом о рождении Афины, вышедшей из головы Зевса? Усмотреть здесь намек на какую-то историческую реальность довольно трудно. Что, кроме улыбки, вызовет, например, рассказ о том, как мальчишка Зевс, подраставший на Крите, однажды на прогулке потерял свой... пуп? Или миф о Пандоре? Ясно, что он объяснял происхождение несчастий на земле, ответственность за которые в древнейшие времена не решались взваливать на богов. Но где здесь исторический смысл?

И все ж любопытная закономерность: во всех этих мифах обнаруживается до странности неуважительное отношение к женскому полу. В чем же дело?

* ВЛАСТЬ—В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

В 1541 году отряд испанских завоевателей во главе с Франциско де Орельяно двигался по неизвестной реке, которая должна была вывести измученных путников к Атлантическому океану.

Однажды, высадившись на берег, испанцы столкнулись с вооруженными индейцами, среди которых самыми воинственными оказались женщины. Доминиканский монах Гаспар де Карвахаль записывал потом: «Они сражались впереди всех с такой доблестью, что индейцы не решались повернуться спиной к нашим солдатам, потому что женщины убивали их своими дубинками... Эти женщины ходят совершенно без одежды. Они светлокожие и сильные, с луком и стрелами в руках, каждая из них стоит в бою десятка индейцев».

Битву с грозным племенем испанцы выиграли, но для Орельяно она оказалась роковой. Он потерял хоть и не жизнь, но, во всяком случае, славу. Реку, которую он поспешил назвать своим именем (Рио-де-Орельяно), вскоре переименовали. Ее назвали в честь мифических древнегреческих воительниц «рекой Амазонок» (а позднее — просто Амазонкой).

В мифах этим легендарным женщинам явно не везло. Смелые, могучие, наводившие ужас на другие народы, они тем не менее в решающий момент всегда терпели поражение. Правда, побеждали их лишь сыновья богов.

Однажды в их страну отправился сам Геракл, чтобы раздобыть пояс их царицы Ипполиты, подаренный ей Аресом. В жестокой битве сопротивление амазонок было сломлено, и злополучный пояс Ипполиты — знак ее власти над племенем — оказался в руках сына Зевса. Сама же царица удалилась в город Мегару и здесь скончалась от тоски. Много веков спустя показывали ее гробницу с надгробным памятником, имевшим форму амазонского щита.

Участь Антиопы, сестры Ипполиты, оказалась более завидной. Участвовавший в походе Геракла Тесей увез ее с собой в Афины и взял в жены (долгое время в Афинах даже существовал «Дом клятвы», где они скрепили свой союз). Правда, счастье было недолговечным. Амазонки вторглись в Аттику и осадили Афины, пытаясь освободить Антиопу из позорного, как они думали, плена. Когда же, наконец, разгорелось сражение, оказалось, что Антиопа вовсе не нуждается

AMAZONKA

ни в каком освобождении. Как верная жена, она отправилась на поле боя вместе с Тесеем и там погибла (у границ города уже в более поздние времена продолжали чтить вполне реальную гробницу этой мифической правительницы).

Битва с амазонками надолго осталась в памяти афинян, и именно этот сюжет использовал Фидий, изобразивший несколько сцен на медном щите, на который опиралась его знаменитая Афина.

В Троянской войне амазонки выступили против греков, и их предводительница погибла от руки Ахилла.

Так повествуют мифы.

Но вот рассудительный историк Диодор Сицилийский, живший на рубеже нашей эры, достаточно убедительно рассказывал о женском государстве в Ливии, где «мужчины проводили дни в хлопотах по домашнему хозяйству, выполняя распоряжения своих жен-амазонок, но не участвуя в военных кампаниях или управлении как свободные граждане».

Задолго до него об амазонках писал Геродот, сообщавший удивительные сведения об их нравах. По Геродоту, они жили где-то на берегах Азовского моря и для продолжения рода регулярно вступали во взаимоотношения со скифами.

Легенды о них были весьма живучи. Говорили, что каждая амазонка обречена оставаться девственницей, пока не убьет трех врагов. Чтобы удобней было стрелять из лука, они будто бы выжигали девочкам правую грудь. Их государство помещали то на Кавказе, то в Скифии, то во Фракии.

Нелепые вымыслы смешивались с многими правдоподобными и достоверными сообщениями о племенах, где действительно велика власть женщин. Ведь даже о египтянах тот же Диодор Сицилийский писал, что у них «царицы всегда имели большее влияние и получали большие почести, чем царь, и в частных брачных контрактах всегда подчеркивалось, что муж будет слушаться ту, на которой женится».

Чему же следовало верить?

«Со сказанием об амазонках,— замечает крупней-

ший греческий географ Страбон,— произошло нечто странное. Во всех остальных сказаниях мифические и исторические элементы разграничены. Ведь старина, вымысел, чудесное называются мифами; история же, будь то древняя или новая, требует истины, а чудесному в ней нет места. Что же касается амазонок, то о них всегда — и раньше и теперь — были в ходу одни сказания, сплошь чудесные и невероятные. Кто, например, поверит, что когда-нибудь войско, город или племя могло состоять из одних женщин, без мужчин?»

Поверить в это действительно трудно. Хотя известно, что во многих древнеазиатских и африканских государствах личную стражу царей составляли женщины, что на фресках в пустыне Сахаре ученые обнаружили женщин, вооруженных луками, что, наконец, у многих племен женщины пользовались не только огромным уважением, но и не меньшей властью. Древняя кельтская легенда поведала о прекрасном острове, населенном амазонками,— О'Бразиль («Счастливый остров»), страну амазонок упорно разыскивал и Колумб, назвавший группу Малых Антильских островов «Островами дев».

Словом, слухов хватало, хотя твердых доказательств существования именно женских племен все же не было.

И тем не менее легенды об амазонках отражают определенную историческую истину — падение женского царства, упадок власти женщин. Матриархат сменяет другой строй — отцовский род, при котором господство переходит к мужчинам.

И женщину развенчивают в мифах.

Пандора? Совершенно очевидно, что все неурядицы на земле от женщины.

Пуп Зевса? Царь богов спокойно теряет его, порывая тем самым последние связи с собственной родительницей.

Афина, рожденная из головы Зевса? Уверенность мужчин в своих силах дошла до того, что женщина оказывается вытесненной даже в ее сугубо женских функциях.

Потому-то в мифах столь часто женщины терпят поражение и выступают нередко в весьма неприглядном свете: события огромной важности, переход на новую ступень общественного развития, переосмысливались в поэтической форме и совершенно недвусмысленно отражали конкретный исторический факт, который, кстати сказать, произошел в чрезвычайно далекие времена.

* ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ОДНОГО ГОДА

Иронизировать над мифами легко. Самое простое — признать их поэтическую прелесть и посмеяться над их исторической нелепостью. Это начали делать еще в античную эпоху, причем скептицизм распространялся не только на мифы о богах, но и на легендарные сказания о героях. Подчас все без исключения события, о которых повествовали мифы, объявлялись чистой выдумкой.

Когда человечество повзрослело, оно стало более серьезно относиться к мифологии. Но в XIX веке ученые в массе своей воспринимали мифы весьма критически. Сомневаясь в существовании Гомера (а для этого действительно были некоторые основания), они, естественно, не доверяли и приписывавшимся ему поэмам, в которых на каждом шагу происходят чудеса, боги появляются среди смертных, вмешиваются в их дела и определяют исход событий. Особенно смущали ученых совершенно необъяснимые на первый взгляд противоречия в «Илиаде» и «Одиссее». Главное из них заключалось в следующем: предположительно время жизни Гомера (если он все-таки реальное лицо) — IX—VIII века до нашей эры, период довольно низкого уровня цивилизации в Греции. А между тем в его поэмах отражены быт и культура явно более высокие. Могучие цари, живущие в великолепных дворцах, развитое ремесло, сложное и тонкое искусство — все это не соответствовало го-

меровской эпохе. Поневоле приходилось думать, что описания слепого поэта — всего лишь плод его богатого воображения, или же признать, что развитие древнего общества пошло вспять и расцвет какой-то таинственной цивилизации сменился упадком — притом настолько резким и глубоким, что от ее прежних достижений не осталось и следа. Но поверить в это было еще труднее.

И все же нашелся человек, чья вера восстала против научной трезвости. Звали этого энтузиаста Генрих Шлиман. Мальчиком, наслушавшись рассказов о гибели Трои (в существовании которой тоже сомневались ученые), он поклялся отыскать ее. И через 30 с лишним лет выполнил свое обещание. Безоговорочно поверив Гомеру, с его поэмами, как с путеводителем в руках, он отправился в 70-х годах в Малую Азию и начал раскопки. Ему и в самом деле удалось определить местонахождение легендарного города и даже обнаружить богатейший клад с оружием, драгоценностями, изделиями из золота и слоновой кости. Это были, как он полагал, сокровища троянского царя Приама.

Не ограничившись Троей, Шлиман произвел раскопки и в материковой Греции, открыв в «златообильных» Микенах богатейшую царскую гробницу, которая, по его глубокому убеждению, принадлежала не кому иному, как ахейскому предводителю Агамемнону.

Впечатление было ошеломляющим. Перед наукой предстала неведомая до той поры цивилизация. Шлиман действительно имел право сказать: «Я открыл для археологии совершенно новый мир, о котором никто не подозревал».

Однако все-таки он оставался дилетантом. В его определениях и датировках содержалось немало ошибок. Но, пожалуй, самая печальная ирония судьбы заключалась в том, что в поисках гомеровской Трои он вел раскопки, не обращая внимания на то, что ему казалось несущественным и не заслуживающим внимания. Обнаружив несколько слоев поселений на месте Трои, он небрежно разрывал и засыпал мусо-

ром все, что ему мешало, пока не добрался до второго (снизу) слоя, который сохранил следы пожара. Это и были, по его мнению, остатки великой столицы Приамова царства. До конца жизни Шлиман так и не узнал о своей роковой ошибке. Во втором слое находились остатки поселения III тысячелетия до нашей эры. Подлинную же, гомеровскую, Трою следовало искать в шестом слое, который Шлиман «проскочил» мимоходом и к тому же довольно основательно попортил.

И все же его исследования опрокинули традиционные представления о гомеровском мире и о творчестве самого поэта. Открывался путь для новых исследований. На нынешнем уровне наука весьма осторожно относится к материалу мифов и пытается отыскать в них глубоко запрятанное историческое зерно. И уж, во всяком случае, никто сейчас не отрицает того, что Троянская война была (ее относят примерно к 1190—1180 годам до нашей эры), что она закончилась победой ахейцев, что на материке действительно существовали могучие государства, куда более высокоразвитые, чем те, современником которых был Гомер. Ключ к разгадке противоречий найден: в поэмах Гомера отразилась и современная ему жизнь, и рассказы о событиях войны, происходившей за 300—400 лет до него, и, наконец, воспоминания о еще более далеких временах расцвета древней цивилизации в Микенах и на Крите. В его произведениях правда сочеталась с вымыслом, но сам он, безусловно, верил в мифы и предания, о которых рассказывал, ибо в те времена мифы казались абсолютно достоверными. А в них говорилось следующее.

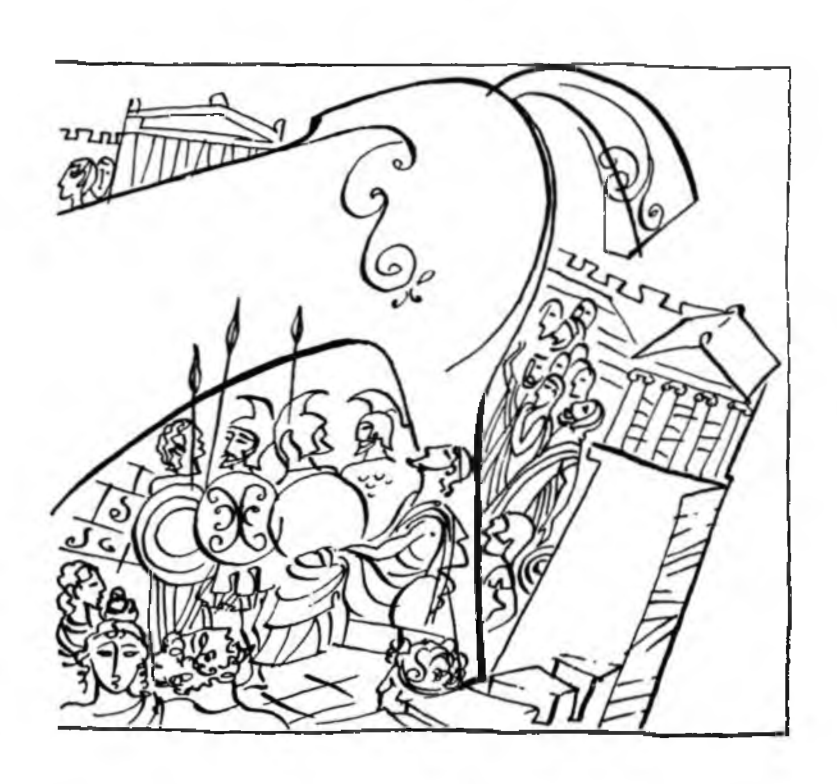
Земля взмолилась: расплодилось слишком много людей, и она не в силах выносить столь тяжкое бремя. И тогда боги решили сократить численность населения. Из многих бед, которые можно было обрушить на ни в чем не повинное человечество, они выбрали войну. Повод нашелся быстро: сначала перессорились богини из-за «яблока раздора», потом сын Приама Парис с помощью Афродиты похитил прекрасную Елену, дочь Зевса и жену спартанского царя

Менелая — и вот уже царь Агамемнон, брат Менелая, собирает вооруженные силы всей Эллады, чтобы отомстить за поруганную честь, наказать виновных и вернуть легкомысленную красавицу ее достойному супругу. Во имя этих высоких целей огромная армия, собранная из представителей разных городов, двинулась в поход. И не было силы, способной предотвратить истребительную войну, которая должна была, как предсказывал прорицатель, продлиться десять лет.

Враждовали народы, не могли прийти к согласию и олимпийцы. Гера, Афина, Посейдон активно поддерживали греков, Арес, Афродита, Аполлон, Артемида помогали троянцам. А Зевс? Сам владыка Олимпа старался не вмешиваться в распри; лишь изредка ему приходилось выполнять роль высшего арбитра.

Греческий флот плыл к намеченной цели, преодо-

левая многочисленные препятствия. Однажды судьба похода оказалась под угрозой: Артемида разгневалась на Агамемнона, убившего священную лань, и лишила ахейцев попутного ветра. Корабли не могли выйти из гавани, воины изнывали от безделья. В конце концов поднялся ропот, опасались даже восстания. Но прорицатель успокоил вождей: есть способ умилостивить грозную богиню — достаточно принести ей в жертву дочь Агамемнона — Ифигению. Долго колебался любящий отец, но все же решился пожертвовать дочерью. Правда, в последнюю минуту, когда над девушкой был занесен нож, Артемида совершила чудо: она похитила невинную страдалицу, и вместо нее на алтаре оказалась лань. Но важно другое: во времена Гомера, рассказывающего об этом событии, поступок Агамемнона заслуживал полного

одобрения. Проблема личного и общественного имела единственное решение: человек обязан жертвовать даже самым дорогим, если этого требуют интересы коллектива.

Спустя несколько веков греческие драматурги усомнятся в правильности подобного принципа. Всегда ли цель оправдывает средства? Ведь бывают и такие средства, которые уничтожают самоё цель. Самопожертвование одного для спасения многих — героизм. Но справедливо ли приносить в жертву людей, да еще ни в чем не повинных, во имя какого-то высшего блага? Что это за благо, если для его осуществления необходимо преступно проливать кровь?

Греческая трагедия V века до нашей эры осуждала Агамемнона. Драматург Еврипид изображал его слабовольным, честолюбивым демагогом, прикрывающимся высокими словами о необходимости спасти Элладу и наказать троянцев. И афинский зритель V века, наблюдая за развертывавшимся перед ним действием, невольно мог усомниться в законности и целесообразности ужасающей войны (которая, по сути дела, являлась обычным завоевательным походом).

Во времена Гомера к войне относились иначе. Сам поэт воспевал войну, и не потому, что она была справедлива, а потому, что именно в сражениях раскрывались героизм и стойкость людей, именно перед лицом смерти они могли проявить свои лучшие качества.

Идеальным в этом смысле героем, настоящим рыцарем доблести выступает непобедимый и грозный Ахилл. Основной темой поэмы и становится «гнев Ахилла», поссорившегося с Агамемноном после девяти лет упорной осады Трои, которая никак не могла увенчаться успехом. Агамемнон отнял у Ахилла его пленницу, и оскорбленный герой отказался участвовать в битвах и помогать грекам. Ахейцы стали терпеть поражения. Ни один из них не в состоянии был противостоять троянскому предводителю, сыну Приама,— «медноблещущему» Гектору.

Так продолжалось до тех пор, пока от руки Гектора не пал лучший друг Ахилла Патрокл. И лишь

тогда разъяренный Ахилл, охваченный всепоглощающим чувством мести, надевает доспехи и вступает в бой, в котором убивает троянского вождя. Поэма заканчивается погребением Гектора, тело которого выдали троянцам.

Об остальных событиях войны известно из других произведений. Подробно рассказано о них в поэме «Энеида» римского поэта I века до нашей эры Вергилия.

Погибли лучшие бойцы и защитники Трои. Но велики были и потери греков. По воле рока пал от стрелы Париса Ахилл. Греки уже было отчаялись взять штурмом злополучный город, но выручил их хитроумный герой Одиссей. По его совету построили огромного деревянного коня, в котором укрылись самые могучие ахейские воины. После этого остальная армия погрузилась на корабли и на виду у изумленных троянцев покинула берега Приамова царства. А специально оставленный лазутчик, прикинувшийся перебежчиком, убедил измученных осадой жителей, что конь будто бы оставлен греками, чтобы умилостивить Афину-Палладу, и он станет надежной защитой города, если его ввезут внутрь.

Тщетно жрец Лаокоон уговаривал своих сограждан не доверять грекам, говоря, что он боится их, даже если они приносят дары. В наказание ему из моря выплыли два чудовищных змея, посланных богами, и задушили жреца и его сыновей. Это окончательно убедило троянцев в том, что необходимо водворить деревянного коня в городе. Разобрав часть городской стены, они с пением и музыкой, при всеобщем ликовании потащили рокового коня и установили его на акрополе.

А ночью Одиссей и его соратники незаметно вылезли наружу, дали сигнал вернувшимся под покровом темноты греческим отрядам, и... началась резня. Троя была разрушена и сожжена, уцелевших жителей продали в рабство. Так свершилось предсказание Гектора, что «будет некогда день и погибнет священная Троя». Но успешный исход войны не принес счастья победителям. Многие мифы рассказывали о дол-

гих, мучительных странствиях героев, пытавшихся вернуться на родину, об их нелегкой, иногда трагичной судьбе по возвращении домой. Об этом повествовала и знаменитая поэма Гомера «Одиссея».

Но в отличие от «Илиады» «Одиссея» восходит к сказке, а не к реальному историческому событию. Увлекательные приключения ее героя, его схватки с великанами и чудовищами явно вымышлены. Но и в этом произведении Гомер оставался тем же мудрым, сдержанным наставником и философом, воспитателем определенной морали, певцом человеческой доблести.

В центре первой поэмы стояли два персонажа — Ахилл и Гектор. Ахилл — величайший герой и любимец Гомера. Юношей Ахилл прибыл к стенам Трои. За девять лет осады он возмужал, но в нем сохранилась юношеская горячность и вспыльчивость. Он доверчив и прямодушен, не терпит коварства и двуличия, не признает половинчатых решений и компромиссов. Это настоящий рыцарь чести — но чести только для себя. Он ищет личной славы, личная обида заставляет его покинуть в решающую минуту ахейцев, личное горе вынуждает его вновь вступить в борьбу. Самолюбивый и тщеславный, неудержимый в своем гневе, он внушает страх не только врагам, но и друзьям. И, в сущности, никем не любимый, он все время остается одиноким. Лишь два человека привязаны к нему — его пленница и Патрокл. Обоих он теряет и остается наедине со своим горем и неутолимой жаждой мести. Он ужасен в ярости, когда бросается в бой и когда расправляется с поверженным врагом. Победив Гектора, он оскверняет его труп, а когда Приам приходит умолять его выдать тело сына, он боится самого себя, как бы гнев не овладел им и он не поднял руку на беззащитного старика. Пожалуй, только перед этим и испытывает страх несокрушимый воин. Смерти он не боится, хотя и знает, что обречен. Более того, он сам идет навстречу собственной гибели, так как ему известно, что он падет вскоре после победы над Гектором.

Но, любуясь Ахиллом, Гомер явно симпатизирует

и его противнику. И происходит любопытное несовпадение его оценок с нашими нынешними.

Гектор — полная противоположность Ахиллу. Он могуч и смел, но это прежде всего человек, способный и колебаться и испытывать страх. Сила его вовсе не в абсолютном бесстрашии и презрении к смерти, а в том, что он способен преодолевать свой страх. Он знает, что слабее Ахилла, и все же выходит сражаться с ним, ибо иного пути для него нет. Даже увидев, что боги отступились от него, он продолжает бороться, чтобы «погибнуть не без дела». Это особое мужество, победа над самим собой недоступна Ахиллу. Гектор тоже рыцарь чести, только честь его неразрывна с его семьей, городом, отечеством. Ахилл не знает колебаний, он холоден и незыблем, как скала. Гектор раздумывает, взвешивает, принимает на себя ответственность. Ахилл мрачен и суров. Это сильный, цельный человек — идеал, который в жизни (да и в искусстве) встретишь редко. Величие его духа восхищает. Но любить его трудно. Гектор добродушен и мягок, он сложней, противоречивей и человечней. Страсть Ахилла находит удовлетворение в войне. Гектор ее ненавидит. Ахилл одинок, Гектор — плоть от плоти гражданин, свой высший долг он видит в служении людям. Он мыслит более широкими, общечеловеческими категориями и потому гораздо понятней и ближе современному человеку, читающему поэму о напряженных днях последнего года Троянской войны. Кстати сказать, все действие «Илиады» развертывается на протяжении 51 дня, но насыщенных событиями дней всего лишь девять. В течение этих девяти дней и раскрываются перед нами характеры древних героев, их мораль, их мысль об окружающем мире, столь далеком и не похожем на наш.

* ЗА НИТЬЮ АРИАДНЫ

В 1877 году критский купец случайно обнаружил в одном из пустынных мест острова развалины какого-то сооружения и многочисленные гли-

няные сосуды. Научный мир взволновался. Шутка ли, ведь речь шла не о каком-то малоизвестном острове, а о самом Крите — легендарном, великом, загадочном!

Слишком многое, что было связано с Критом, вызывало недоумение. Известий о нем сохранилось очень мало: отрывочные и довольно противоречивые свидетельства Гомера, Геродота, Фукидида, сообщения более поздних авторов — Аристотеля, Платона, Диодора Сицилийского, Плутарха и, конечно, мифы, к которым нередко вполне серьезно относились античные писатели.

Но ведь то древние. А каково было ученым конца XIX века? Не могли же они принимать на веру древние предания о могущественной державе царя Миноса, будто бы получившего власть от самого Зевса? Или полностью, слепо, подобно Шлиману, следовать за Гомером, считая, что в его поэмах действительно скрыт глубокий исторический смысл?

Крит оставался островом загадок. О нем знали меньше, чем в свое время о Трое или Египте. Можно было допустить, что когда-то там существовало сильное государство. Но когда? Кто населял его? На каком языке говорили его жители? На эти вопросы никто не мог ответить. Не к мифам же обращаться за разъяснением!

Впрочем... О чем же все-таки рассказывают мифы?

Как известно, свадебное путешествие финикийской царевны Европы и принявшего облик быка Зевса завершилось на острове Крите. Здесь и подарила Европа своему божественному супругу трех сыновей. Старшего из них — Миноса — олимпиец сделал царем острова. Это был мудрый и справедливый правитель, создавший мощную державу и подаривший критянам первые писаные законы. Законы оказались настолько хороши, что всем стало ясно: их продиктовал Миносу сам Зевс. Не случайно ведь каждые девять лет критский владыка, признававший только единоличные решения, удалялся в пещеру, чтобы побеседовать с отцом и получить у него необходимые инструкции, касающиеся управления страной. Очевидно, Зевсу уже была известна истина, открывшаяся позднее греческим

мудрецам: «Всё — в меру». Именно этому принципу, по его мнению, должен следовать всякий глава государства: только тогда страна будет процветать, а население сможет найти согласие с царем. Быть слишком либеральным и потворствовать неразумной толпе — это путь кратковременного и непрочного успеха. Быть чересчур суровым и деспотичным — это не принесет славы и не оставит доброй памяти среди потомков. Правда, люди, как полагал Зевс, вечно чем-то недовольны и нередко сами не понимают, что же лучше для них. Они ругают одного царя, потом возмущаются его преемником, а в конце концов начинают жалеть о старых добрых временах, к которым каждое новое поколение проникается все большей симпатией. Латинский поэт I века Федр в связи с этим привел однажды притчу греческого баснописца Эзопа. Наслушавшись, как афиняне жалуются на Писистрата, который был хоть и не жестоким, но все же тираном, поскольку силой захватил власть, Эзоп язвительно заметил:

Лягушки, по болотам вольным странствуя,
Царя просили шумно у Юпитера,
Чтоб силою смирил их необузданность.
Отец богов, смеясь, ниспосылает им
Чурбан, который, быстро рухнувши,
Толчком и шумом всполошил пугливый род.
Но так как долго он лежал, зарывшись в ил,
Одна тихонько выставляет голову
И, осмотрев царя, к себе сзывает всех.
Забыв о страхе, все наперебой плывут
И на чурбан гурьбою резко прыгают.
Его подвергнув всяким надругательствам,
Царя другого просят у Юпитера —
Затем, что этот вовсе бесполезен им.
Тот посылает гидру им, которая
Их пожирает. Не умея гибели
Избегнуть и не смея вновь молитвы слать,
Гермеса просят умолить Юпитера,
Чтоб им помог в несчастии. Но бог в ответ:
«Не захотели, — говорит, — вы доброго —
Терпите злого». Так и вы, о граждане,
Чтоб хуже не пришлось, терпите это зло.

Царь Минос остался в памяти как идеальный правитель. Его заслуги обеспечили ему даже привилеги-

рованное положение в загробном мире, где он вершил суд над прибывшими туда душами — столь же справедливо и объективно, как на земле.

Правда, представления о справедливости были у него весьма своеобразными. Когда на Крите появился бежавший из Афин Дедал, Минос с радостью дал ему приют и проявил особую заботу о судьбе изгнанника. Для его же блага (а царь, разумеется, лучше разбирался в том, что полезно для людей, и потому героически творил добро, не спрашивал у них, хотят они того или нет) Минос окружил Дедала охраной — настолько надежной, что она защищала его не только от посторонних, но и от себя самого. Прославленный мастер по достоинству мог оценить столь трогательное внимание: мудрый правитель так дорожил им, что лишил всякой возможности покинуть остров и тем самым поставить под угрозу свою безопасность.

Установив порядок в собственном государстве и подарив подданным безупречные законы (среди которых был, например, и такой, как «не пить друг с другом до опьянения»), Минос не мог не облагодетельствовать и другие народы. А потому он завоевал много стран и городов, обложив их данью, создал флот, обеспечивший ему владычество на море, и вообще стал, выражаясь современным языком, крупным политическим деятелем международного масштаба.

Увы, как это нередко бывает, нелегкого испытания славой он все-таки не выдержал. И возгордился. Власть и удача настолько вскружили ему голову, что он стал приравнивать себя к богам. Вероятно, вспомнив об игривых развлечениях олимпийцев, нередко обманывавших друг друга, он решил, что ему тоже все сойдет с рук. Он попытался провести Посейдона и не принес ему в жертву обещанного великолепного быка. Морской бог разгневался и отомстил Миносу довольно изощренным способом: он заставил его жену Пасифаю влюбиться в злополучного быка. Плодом этой преступной любви стал полубык-получеловек, носивший имя Минотавра.

Чтобы скрыть семейный позор, Минос приказал выстроить для чудовища огромное здание с массой

комнат, соединявшихся запутанными переходами. В этот Лабиринт, построенный Дедалом, и упрятали Минотавра. А чтобы он не изнывал от безделья, Минос нашел ему достойное занятие — убивать людей, попавших в Лабиринт (если они до этого не успевали умереть от голода, заблудившись в его коридорах). Но поскольку добровольных охотников, желавших осмотреть эту гостеприимную обитель, не находилось, критский царь вынужден был прибегнуть к насильственным мерам.

Его сын, путешествовавший по Греции и одержавший победы на всех гимнастических соревнованиях, вызвал зависть афинского царя Эгея, и тот погубил его. Тогда Минос объявил Афинам войну, разгромил их и — пусть торжествует справедливость! — обязал каждые девять лет присылать ему семерых юношей и семерых девушек — на съедение Минотавру.

Дважды афинянам пришлось уплатить эту страшную дань. Когда подошел третий срок, вызвался плыть на Крит возвратившийся на родину сын Эгея — Тесей (который в действительности был сыном Посейдона, но всячески скрывал эту тайну от престарелого родителя). Представ перед Миносом, который разглядывал будущих мучеников и издевался над ними, Тесей скромно заметил царю, что он, между прочим, тоже не простой смертный и что боги не дадут его в обиду. Минос, недолго думая, швырнул в море золотой перстень и предложил герою достать его со дна моря — ведь если Тесей говорит правду, то, конечно, Посейдон поможет ему.

Неизвестно, знал ли Тесей известную пословицу: «Здесь Родос — здесь и прыгай!» (Ее приводит Плутарх, рассказывая о путешественнике, который, вернувшись на родину, хвастался тем, что широко прославился в чужих землях, в частности на Родосе, где он совершил невиданный прыжок. Изъявив готовность представить свидетелей этого факта, он услышал в ответ от своих сограждан: «Зачем обращаться к свидетелям? Представь себе, что здесь Родос — здесь и прыгай!») Так или иначе, Тесей ринулся в пучину

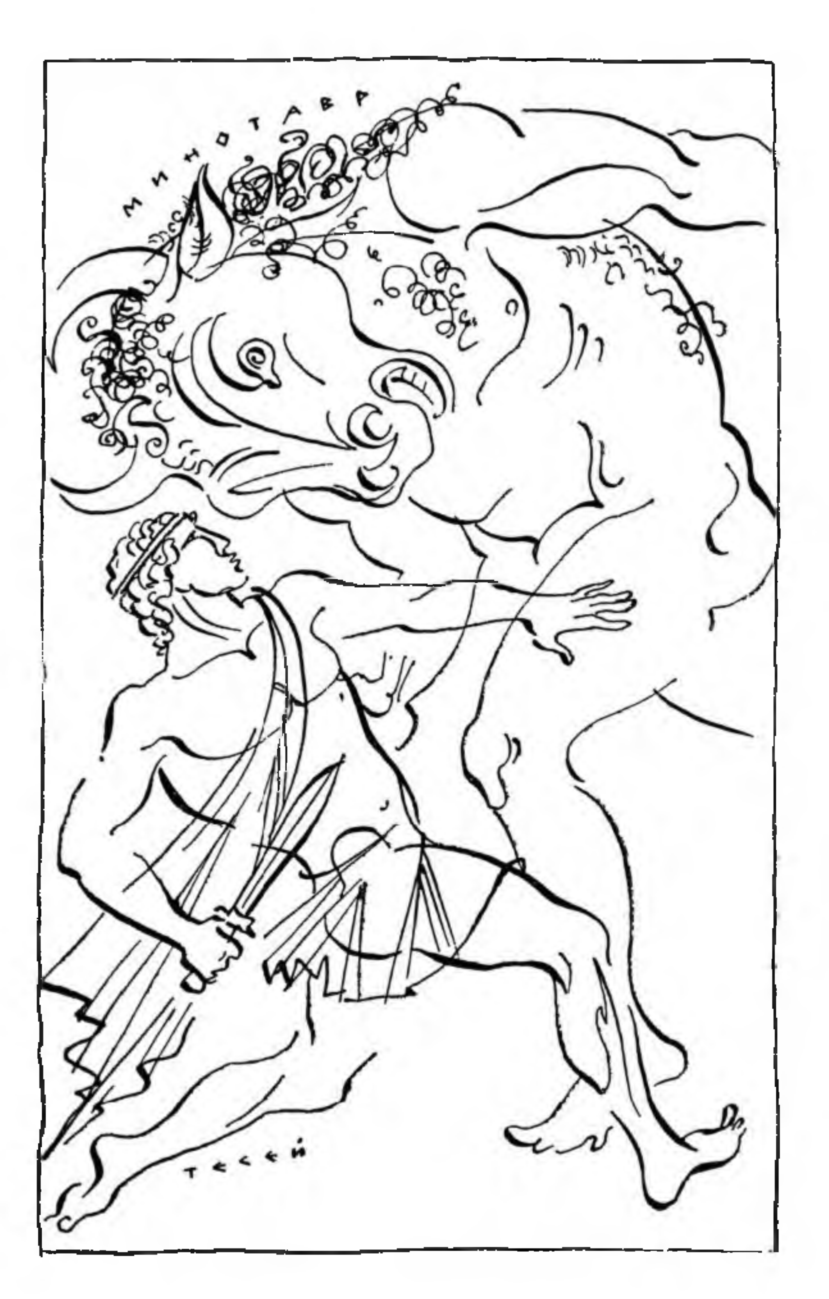
и достиг глубин, о которых может только мечтать современный французский исследователь моря Жак Кусто.

Посейдон вручил ему перстень, и Тесей благополучно вернулся на берег острова. Влюбившаяся в него дочь Миноса Ариадна решилась выступить против отца и помочь герою одолеть Минотавра. Она обратилась за советом к Дедалу. Старый мастер, преданный своему искусству, давно уже стоял вне всякой политики. Его интересовали лишь изобретения, и потому он с одинаковым рвением оказывал услуги и Миносу (возводя для него дворцы и статуи), и Пасифае (придумав для нее наиболее благоприятный способ предаваться своей порочной любви), и, наконец, Ариадне, которой он дал клубок ниток, чтобы Тесей, закрепив его у входа, не заблудился на обратном пути из Лабиринта.

Победив Минотавра, герой вернулся на родину, освободив тем самым Афины от позорной дани и окончательно унизив Миноса тем, что захватил с собой его любимую дочь, которую он намеревался сделать царицей. Правда, на острове Наксосе, где остановился его корабль, бог Дионис явился ему во сне и приказал покинуть Ариадну, предназначенную в жены самому Дионису. И загрустивший герой, покинув Наксос, отплыл в Афины, забыв от огорчения сменить паруса на корабле (в знак того, что он возвращался целым и невредимым). А старый Эгей, увидев вдали черные паруса, в отчаянии бросился со скалы, так и не дождавшись возвращения сына.

Что же касается другого отца, то тот не стал разыскивать дочь — его одолевала иная забота: как найти ускользнувшего от него Дедала. Как уже рассказывалось, он в конце концов обнаружил его в Сицилии, но, пытаясь вернуть изгнанника, был коварно убит.

Таковы мифы, которые пересказывали в своих сочинениях античные писатели. Одни верили всем чудесам, о которых упоминалось в них, другие сомневались. Но само по себе существование царя Миноса и его мощной державы признавалось как что-то аб-

МИНОТАВР
ТЕСЕЙ

солютно достоверное. Точно так же подробно описывали поражавший воображение Лабиринт.

Реальным историческим лицом считал Миноса еще Гомер. В «Одиссее» говорится:

Остров есть Крит посреди виноцветного моря прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих,
Разные слышатся там языки...

И дальше сообщается, что городом Кноссом управлял Минос, «в девятилетие раз общаясь с великим Зевсом».

Геродот называет Миноса морским владыкой, который «покорил многие земли и прославился военными удачами».

«Минос раньше всех, как известно нам на основании предания, обзавелся флотом, овладев большей частью моря, которое называется теперь «эллинским»... Он очистил острова от разбойников и заселил большинство их колонистами». Так пишет Фукидид, в серьезности и добросовестности которого не сомневались ни древние, ни современные историки. Минос привел существовавшее до него законодательство в определенную систему, утверждает Аристотель, тщательно изучавший государственное устройство у разных народов.

И все-таки очень уже неправдоподобными казались мифы, связанные с Критом. Даже если откинуть явно фантастические элементы и предположить, что держава Миноса действительно существовала, все равно многое остается непонятным, и прежде всего — что произошло с могучим государством, которое держало в страхе многие народы Средиземноморья? Где следы его истории и его культуры?

В конце XIX века ответов на многие подобные вопросы ждали не от мифов или памятников письменности (которые были уже основательно изучены), а от археологии. Потому так загорелся Генрих Шлиман, узнав о находках на Крите. С тайной надеждой, что ему удастся раскопать легендарный Лабиринт, он отправился туда, но его упорство ученого уступило упрямству торгаша: владелец участка заломил

неслыханную цену (100 тысяч франков) и не позволил исследователю даже произвести беглую разведку местности. Шлиман увидел лишь засыпанное землей разрушенное здание и черепки посуды, очень похожей на ту, которую он обнаружил на территории Греции при раскопках древнего города Микены, откуда происходил родом (если верить Гомеру) царь Агамемнон, руководивший походом против Трои. Шлиман был уверен, что Крит — центр древнейшей греческой культуры и находки на этом острове еще удивят мир

Мир действительно вскоре удивился. В 1900 году на Крите стал работать английский археолог Артур Эванс. Его раскопки открыли удивительную страницу в мировой истории, связанную с загадочным островом.

На месте легендарного Кносса он обнаружил огромный дворец общей площадью в 20 тысяч квадратных метров, со многими комнатами, расположенными на нескольких этажах, парадными и театральными залами, запутанными переходами и галереями, многочисленными лестницами, кладовыми, где хранились в глиняных сосудах остатки зерна и других продуктов. Это грандиозное сооружение поражает и современного человека. Что уж говорить о древних греках, которым оно казалось огромной ловушкой, откуда невозможно найти выход! Очевидно, именно этот дворец или ему подобный они и стали именовать Лабиринтом (само название произошло от слова «лабрис» — «двойной топор», изображение которого часто встречалось на Крите). Сам же Эванс был уверен, что перед ним дворец Миноса, царствовавшего, как он предположил, в середине II тысячелетия до нашей эры. По имени легендарного царя (личность которого приобретала все более реальные черты) ученый назвал древнюю культуру Крита минойской.

Эта культура и поныне остается во многом загадочной, так же как и история острова. Ученые сумели довольно точно определить основные этапы его развития. В частности, доказано, что в XVI—XV веках до нашей эры Критское государство действительно переживало исключительный расцвет. Отсутствие оборонительных укреплений и крепостных стен убеж-

дало в том, что критские города не боялись нападений извне. Сложнейшие сооружения, оружие, предметы домашнего обихода и орудия труда — все это подтверждало высокий уровень техники, ремесла. Что же касается изобразительного искусства, то фресковая живопись, украшавшая парадные залы дворца, рисунки на вазах явно превосходили произведения художников всех остальных стран тогдашнего мира. Критянам было известно многое из того, что впервые возникло в Египте или Греции лишь несколько веков спустя.

Достаточно сказать, что во дворце Миноса были открытые лестницы и веранды, большие окна, дававшие много света. А ведь даже позднейшие греческие жилища оставались тесными, душными и полутемными. В классический период расцвета античной Эллады греки не знали ни водопровода, ни канализации, ни ванн. В кносском дворце все это уже было за тысячу лет до «золотого века» Афин!

Наконец на Крите обнаружена письменность, которую удалось расшифровать лишь в 1953 году. Она помогла ученым понять природу древнего государства, быт и нравы его населения.

Сейчас установлено: в эпоху расцвета Критской державы ее коренные жители были не греками, а представляли совсем иной народ. И критская культура — отнюдь не греческая. Правда, позднее что-то случилось на острове, и древняя культура погибла. Осталась письменность, но она уже оказалась связанной именно с греческим языком. А дальше совсем непонятно. Письменность тоже исчезает — и от времен Гомера до нас не доходит ни одного ее памятника. Странно и то, что IX—VII века до нашей эры — эпоха куда более примитивная (и в отношении культуры и в смысле экономики и государственного устройства), чем 700 лет назад.

Что же все-таки произошло?

На Крит вторглись завоеватели — ахейские племена. Они захватили города, разрушили дворцы, прошлись огнем и мечом по острову. Но, покорив критян, греки в то же время многое восприняли от их куль-

туры и, между прочим, приспособили древнюю письменность к своему языку. Вот в чем разгадка того, что памятники письменности XV—XII веков до нашей эры на Крите и в материковой Греции сходны, так же как схожи многие предметы материальной культуры.

Но от державы Миноса остались одни развалины. Знаменитый дворец сгорел, хозяйство постепенно приходило в упадок. От былого военного могущества остались одни воспоминания. И чем дальше отодвигались события, тем все более легендарными, мифическими казались события, связанные с историей острова. И все-таки даже в фантастических преданиях сохранился конкретный исторический смысл.

В самом деле. Легендарный Тесей убивает Минотавра и освобождает Афины от кровавой дани. Реальные ахейцы, некогда зависевшие от Критского государства, вторгаются в Кносс и разрушают его. Отныне роли меняются: они хозяйничают на острове.

Мифический Дедал улетает от Миноса. Государство теряет удивительного мастера—художника, строителя, изобретателя. А в действительности? Критская культура приходит в упадок, искусство и ремесла становятся более примитивными, грубыми, городская жизнь замирает.

Легендарный Минос гибнет в Сицилии. Он тщетно пытается возвратить бежавшего Дедала, а прежние союзники предают его. Реальная морская держава разваливается, бывшие покоренные племена избавляются от ее господства.

Не разгадана личность Миноса. Был ли он на самом деле? Ведь доказано, что в XVI веке до нашей эры именно кносские правители подчинили себе остальных царей Крита и кносский дворец превратился в административный, политический и хозяйственный центр всей державы. Уже тогда существовал разветвленный государственный аппарат, давались инструкции чиновникам; очевидно, существовало и разработанное законодательство. Не удивительно, что предание приписывало все это одному царю. И, как обычно бывает в мифах, происхождение этого царя связывалось с богами, ибо, как полагали греки,

первыми правителями на земле были потомки богов, объединявшие народы и создававшие государства.

Что же касается имени царя, то неясно, относить ли его к одному человеку или к нескольким: дело в том, что имя Минос было весьма распространенным на Крите, и до самых поздних времен сохранилось название ряда поселений — Миноя (на Крите, в Сицилии, в Пелопоннесе, на Делосе и даже в Сирии и Аравии).

В XII веке до нашей эры ахейских завоевателей сменили дорийские племена. Наступил общий упадок древнейшей культуры. Развитие цивилизации было приостановлено, и культура отброшена на много столетий назад. Письменность была забыта. Ее воскресили лишь через три тысячи лет, и сейчас именно ей суждено стать той «нитью Ариадны», которая поможет современным ученым проникнуть в тайну далеких веков.

А ведь, по сути дела, первый шаг на этом сложном пути был сделан еще в 70-х годах XIX века ничего не подозревавшим критским купцом, который случайно наткнулся на остатки дворца царя Миноса. Но история не удержалась от улыбки. Купец носил звучную фамилию Калокэринос. Звали же его, между прочим... Минос.

✻ ЗАГАДКА ВЕКОВ

Муза истории, иронически усмехаясь, задавала вопросы и с любопытством следила за тем, как ее служители пытаются ответить на них. Мельпомене, Музе трагедии, было не до смеха. В венке из виноградных листьев, одетая в мантию, с трагической маской в одной руке и с мечом или палицей в другой — такой представлялась она древним. Она тоже предпочитала говорить загадками. Решали их по-разному, но итог всегда оказывался печальным.

Человек и его место в жизни. На что он способен? Где пределы его возможностей? В чем его сила и

слабость? Его права и свобода? Не эти ли «вечные» проблемы волновали мыслителей всех времен — философов, писателей, художников?

Трагедия как форма театрального представления родилась в середине VI века до нашей эры из религиозных, культовых обрядов. Очень скоро она стала учительницей жизни, активной политической силой. Нередко она обращалась к злободневным сюжетам и непосредственно откликалась на актуальные события. Она преподносила уроки, возбуждала зрителей, вызывала их гнев, повергала в смятение. Когда в 494 году до нашей эры персы разрушили восставший греческий город Милет и продали в рабство его жителей, афинский драматург Фриних написал трагедию «Взятие Милета», где разгром цветущего города представлялся как результат неудачной политики Афин. Зрители были потрясены и не могли удержаться от слез. Фриниху же пришлось заплатить за эти слезы. Его прогнали со сцены (а в те времена поэты сами исполняли свои пьесы!) и приговорили к крупному денежному штрафу.

Однако чаще сюжетами трагедий служили мифы. Правда, их нельзя было произвольно изменить, но зато сохранялась полная свобода для их различного истолкования. И оказалось, что почти каждый миф содержал в себе трагические элементы. Проделки богов, борьба героев, участь смертных—все это наводило отнюдь не на веселые мысли. И традиционные мифические истории представали неожиданно в совсем ином, трагическом свете.

Герои трагедий боролись с людьми и богами. Против чего? Против зла и несправедливости. Против всего, что мешает человеку свободно мыслить и действовать. За то, чтобы мир стал лучше, чтобы исчезли страх и насилие. В этой борьбе герои погибали, и притом не случайно — неотвратимая сила, которую невозможно преодолеть, уничтожала их. Трагичной являлась не смерть сама по себе — так или иначе, ее не избежишь. Трагично именно столкновение с этой таинственной, непреложной, непознаваемой силой, которая ставит пределы человеческой мысли и воле.

Имя ей — рок, судьба. Ей подчиняются даже боги, она не имеет облика, она везде и всюду — суровая, непонятная, внушающая ужас. Бороться с ней — безнадежно. Каждый, кто посмеет выступить против нее, обречен. И все-таки... Смельчаки идут в разведку. Они ищут границы, пределы возможностей. Они каждый раз проверяют, можно ли их переступить и всегда ли они будут незыблемыми.

Гибнут Сизиф и Асклепий. Низвергается с небесных высот Икар.

Бросает вызов року и фиванский царь Эдип.

Этому человеку всю жизнь приходилось решать загадки. Он нашел ответы на все из них. Кроме одной. Правда, той, над которой бились лучшие умы человечества и через тысячи лет после него.

Что же такое человек — творец, деятель или игрушка в руках судьбы? Быть ему послушным и смиренно принимать все ниспосланное свыше или идти наперекор, следуя велениям собственной совести? Иными словами, быть рабом, исполняющим приказы и не отвечающим за них, или брать на себя ответственность за свои поступки, принимать самостоятельные решения и оставаться человеком?

Задача действительно для мудреца. Ключ к ней искала вся греческая драматургия. Ответ на нее попытался дать и король трагедии — Софокл, живший в V веке до нашей эры.

В широкоизвестном мифе рассказывалось.

Однажды фиванский царь Лай нанес визит своему соседу — пелопоннесскому правителю Пелопу. Там он увидел юного сына радушного хозяина, и мальчик так понравился Лайю, что он, отправившись в обратный путь, похитил его. Не вытерпев надругательств, наследник Пелопа покончил с собой.

Шли годы. Угрызения совести не мучили фиванского владыку. Безмятежно жил он со своей женой Иокастой, и единственное, что омрачало их семейное счастье, — это отсутствие потомства. Лай обратился за советом к Дельфийскому оракулу, и тот изрек:

— Не спорь с богами, Лай, и о потомстве мысль
Оставь: родишь ты сына — он убьет тебя.

Предостережение оказалось весьма своевременным. У царя в самом деле вскоре родился сын. И Лай, проколов ему ступни, приказал рабу отнести младенца на гору и оставить на съедение хищникам. Но раб пожалел ребенка и тайно передал его другому рабу — пастуху коринфского царя. Коринфские правители Полиб и Меропа были бездетны и решили сделать мальчика своим наследником. Назвали они его Эдипом, то есть «Человеком с опухшими ногами».

Эдип рос в твердой уверенности, что он законный сын Полиба и Меропы. Но однажды на пиру кто-то из захмелевших гостей неосторожно назвал его подкидышем. Юноша бросился к родителям, начал расспрашивать друзей, но никто не открыл ему тайну его рождения. Оставалось одно — пойти за ответом к Аполлону. И оракул, как обычно, дал исчерпывающий ответ: «Тебе суждено убить своего отца и жениться на собственной матери».

Итак, все стало ясно. Кроме одного — кто же, собственно, его родители? В сущности, оракул ответил не на тот вопрос, который был задан. Но так или иначе, получив столь грозное предсказание, Эдип должен был решать, что делать дальше. Конечно, можно поверить в предначертанное свыше, вернуться в Коринф, а там — как судьбе будет угодно. И хотя совершенно непонятно, за что на него обрушится жестокая кара, все равно ее избегнуть невозможно. Разве кому-нибудь удавалось обмануть богов и скрыться от возмездия? И смогут ли его осудить боги, если он в точности выполнит то, что ему предписано судьбой?

Неизвестно, как боги, а вот люди вряд ли примут во внимание ссылку на оракула, и ни один суд не оправдает его за подобное преступление. Главное же — он сам, Эдип, не может поступать против своей совести. А это значит, надо сделать все, чтобы злодеяние не совершилось. И Эдип решает не возвращаться в Коринф.

Он поворачивает в другую сторону, и дорога приводит его к... Фивам. Неподалеку от Фив, на перекрестке трех путей, он повстречал ехавшего в колес-

нице Лайя. Возница закричал, чтобы Эдип освободил дорогу, и замахнулся на него бичом.

Эдип разгневался, ударил слугу и попытался пройти мимо. Но неожиданно Лай взмахнул посохом и нанес ему удар по голове. В завязавшейся драке рассвирепевший юноша убил царя, перебил всю его свиту, и лишь одному рабу удалось скрыться. Случайно это оказался тот самый раб, который когда-то спас его, младенца, от гибели.

Около самого города Эдип увидел чудовище, терроризировавшее фиванцев,—Сфинкса. С головой женщины и туловищем льва, оно требовало постоянных жертвоприношений и уничтожало каждого путника, направлявшегося в Фивы. Уцелеть мог только тот, кто сумел бы решить его загадку, но пока таких мудрецов не находилось. Брат овдовевшей царицы Креонт пообещал даже отдать Иокасту в жены тому, кто спасет город от чудовища.

И вот Эдип перед Сфинксом.

«Скажи мне, кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?»

«Человек, — ответил Эдип. — В детстве он ползает на четвереньках, в зрелом возрасте ходит, как подобает, на двух ногах, а в старости — опирается на костыль».

Сфинксу пришлось выполнить волю богов: он бросился со скалы в морскую пучину. Разгаданный, он больше не внушал страха.

А благодарные фиванцы провозгласили своего избавителя царем, и он стал мужем Иокасты. Она родила ему двоих сыновей и двоих дочерей, и жизнь их текла спокойно и безоблачно. Вновь расцвели многострадальные Фивы, и не было там ни недовольных, ни обиженных. Поистине мудрым и справедливым был царь Эдип. И мало кто вспоминал теперь о прошлых бедах. И о том, что смерть Лайя осталась неотомщенной, тоже забыли.

Люди. Но не боги! Ведь для бессмертных «сроков давности» не существует! Это у людей короткая память, а боги твердо знают: ни один преступник не должен уйти от расплаты. Неважно, виноват Эдип

или нет, он ли напал или на него. Его руки обагрены кровью, и возмездие неизбежно.

В Фивах начался мор. Земля перестала приносить плоды. Чума косила жителей.

Как спастись от гибели? Чем умилостивить богов?

И народ обращается к Эдипу — ведь однажды он уже спас город! Царь действует решительно. Он посылает Креонта к оракулу. И вскоре получает ответ: Аполлон требует изгнать того, кто осквернил Фивы кровью, — убийцу Лайя.

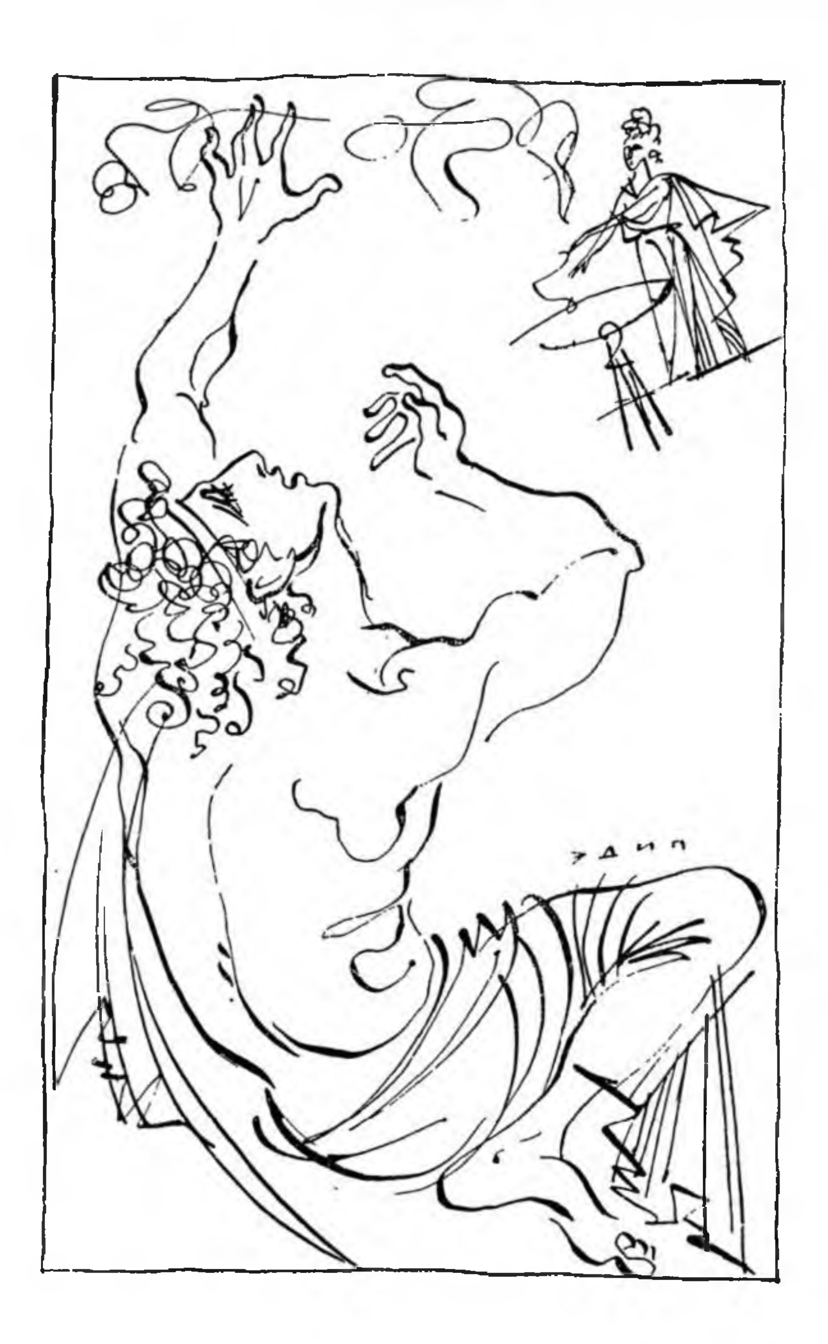
Кто же убийца? Единственный спасшийся тогда раб — далеко. Но в самом городе есть слепой прорицатель, которому известно все. Эдип требует от него, чтобы тот сказал правду. Долго колеблется старик и, наконец, открывает истину. Поверить в нее Эдип не в состоянии. И все же узел распутывается.

В отчаянии Иокаста кончает самоубийством, а Эдип выкалывает себе глаза и отрешается от власти. Рок торжествует победу. Тщетны жалкие усилия человека уйти от судьбы. Он обречен быть игрушкой в ее руках.

Таков этот странный миф. Удивительные, бесчеловечные боги с их жестокой моралью. Человека карают за преступления, которые ему же заранее предписаны свыше. Спрашивается, в чем же его вина? Миф подрывает веру в справедливость богов. Он ставит роковой вопрос: всегда ли правы бессмертные? И что ждет человека в мире, которым управляют такие боги? А если боги ни при чем — значит, есть сила над ними, которую и они не в состоянии одолеть?

Эдип сделал все, чтобы не выполнить предначертанного. Но ведь сетей богини заблуждения Аты не может избежать никто. Его губит неведение. Его губит двусмысленность оракула. Его уничтожает неумолимый рок. Все силы свыше ополчились против него. И все же он прав. Так считал Софокл, так понимали трагедию «Эдип-царь» и зрители древних Афин.

Они знакомились с царем в тот момент, когда он, стоя на ступенях дворца, слушает, как столпившиеся у подножия лестницы фиванцы возносят мольбы о спа-

ЭДИП

сении. В их глазах он «первый, лучший из людей», только он может избавить их от гибели. Эдип чувствует себя ответственным за всю страну и ее народ. Он готов к энергичным мерам. При этом никто не упрекнет его в своекорыстии, надменности или дерзости. Он благожелателен к людям, добр, умен, благороден — словом, идеальный человек и вождь. Все, что он делает и говорит, — единственно правильные дела и речи. И тем не менее...

Рок издевается над ним. Трагическая ирония сопровождает каждый его шаг. Царь наивно думает, что совершает полезные дела и принимает правильные решения. Но за ними скрывается и второй, прямо противоположный, неведомый Эдипу смысл. И неизбежный ход событий идет своим чередом. Каждая реплика героев Софокла приобретает зловещий оттенок. Ведь зритель знает не только то, что происходит сейчас, он помнит и прошлое, ему известно и будущее, скрытое от участников трагедии. Как будто боги смеются над неосведомленностью людей, делают двусмысленным каждое их действие.

Мудрый, справедливый Эдип всячески пытался уйти от того, что сулил ему оракул. И каждый шаг его, правильный в тот момент, неуклонно вел именно к роковой цели. Эдип ищет виновника бед фиванцев — и сам спешит навстречу собственной гибели.

Рок наносит ему один удар за другим.

Сначала — через прорицателя. «Ведь это ты убил Лайя!» — признается он наконец. Но это часть правды. «Убийца Лайя— фиванец. Он убил своего отца и женился на собственной матери». Это еще более страшная истина. Но поверить в нее Эдипу невозможно. Он же твердо знает, что не убивал отца, — его родители живут в Коринфе, и он оттуда пришел в Фивы, чтобы спастись от предначертаний рока.

Конечно же, он может быть спокоен, убеждает его Иокаста. Ведь Лайю было предсказано, что он погибнет от руки собственного сына. И вот оракул явно ошибся — Лайя убили ведь разбойники на перекрестке трех дорог, а сын Лайя наверняка умер в горах, куда его отнес раб.

Казалось бы, все сомнения должны рассеяться. Но... Одна незначительная деталь — перекресток трех дорог. И Эдип вспоминает о давнишней стычке.

«Какой он был — Лай? — спрашивает он Иокасту. — Где это случилось? Когда?» Время и место совпадают. «А царь?» — «Он был высок, с проседью серебристой... На вид почти таков, как ты сейчас», — добавляет царица, не подозревая о страшной иронии, заключенной в этих словах, которые должны отвести все подозрения.

Так наносится второй удар.

В душу Эдипа закрадывается тревога: неужели все-таки он убийца фиванского царя? Значит, прорицатель, которого он с гневом прогнал, сказал правду?

И тут он внезапно вспоминает одну немаловажную деталь: ведь Лайя убили разбойники, а не один человек. Эдип приказывает найти единственного свидетеля событий на перекрестке трех дорог — того самого слугу, который тогда спасся и сообщил фиванцам о преступлении. Но что бы ни рассказал раб, в чьих руках сейчас судьба царя, в одном Эдип не сомневается: оракул ошибся — и притом дважды. Ведь Лайю он предсказал гибель от рук собственного сына, Эдипу же — убийство отца и женитьбу на своей матери. Но ни то, ни другое не осуществилось: родители Эдипа живут в Коринфе, сын Лайя, как всем известно, давно умер, оставленный в горах, а сам Лай — даже если он пал от руки Эдипа — нашел иную смерть, чем та, которую ему сулил рок.

Однако не зря Гёте говорил, что «никто не знал так сцены и своего ремесла, как Софокл». Короткая передышка понадобилась ему лишь для того, чтобы еще сильнее накалить трагическую ситуацию. Едва Эдип начал успокаиваться в своих сомнениях, как рок вновь напоминает о себе.

Появляется посланец из Коринфа с вестью одновременно скорбной и радостной: умер коринфинский правитель Полиб, и граждане зовут Эдипа, чтобы провозгласить его царем. Эдип действительно радуется, но совсем другому: Полиб «лежит в земле, а я не при-

касался к мечу». Наконец-то можно с уверенностью утверждать, что рок не выполнил своих предначертаний! Впрочем... Не рано ли искушать судьбу? Пока жива его мать, вторая часть пророчества еще может осуществиться. Вестник успокаивает его, и в каждой его реплике звучит вновь знакомая уже нам трагическая ирония. Слова приобретают прямо противоположное значение: «Владыка, я избавлю тебя от страха — недаром ведь я добрый вестник. Тебе нечего опасаться в Коринфе: Полиб тебе такой же отец, как я». И дальше рассказывает о том, как был найден Эдип и принят в семью бездетных коринфских правителей. До Эдипа не сразу доходит смысл того, что ему открылось. Зато Иокаста понимает все мгновенно. Она сопоставляет оба предсказания, которые казались ей лживыми, и связывает их воедино. Тщетно умоляет она Эдипа не пытаться раскрывать тайну своего рождения. Но именно к этому направлены теперь все помыслы ее сына, по воле богов ставшего ее мужем. И рок наносит последний удар. Единственный уцелевший из свиты Лайя слуга оказывается тем самым рабом, который когда-то отнес младенца в горы и отдал коринфскому пастуху. Круг замкнулся. Узнав, что он сын Лайя, Эдип уже может не спрашивать, кто погубил фиванского царя. Трагедия окончена.

Не в силах вынести позора, повесилась Иокаста. Эдип остается один — наедине с собственной совестью. Ему пришлось всю жизнь решать загадки. Он сделал абсолютно все, чтобы избежать того, что предопределено свыше. Он посмел противостоять всесильному року и избрать самостоятельный путь. В начале трагедии Эдип признается:

> Я много плакал, много троп заботы
> Измерил в долгих странствиях ума.

И теперь он делает последний шаг — шаг побежденного, но несломленного и все еще независимого человека. Он сам выносит себе приговор, сам ослепляет себя и обрекает на изгнание из Фив. Своим обдуманным, сознательным и самостоятельным решением он как бы преодолевает тяготеющее над ним прокля-

тье, освобождается от неумолимо преследующего его жестокого и бессмысленного рока. Последний раз он появляется перед зрителями на вершине той самой дворцовой лестницы, где он еще совсем недавно, исполненный величия, обещал народу избавить его от несчастий. Теперь это униженный, повергнутый страдалец, обращающий невидящий взор к миру, который он пытается понять. Он по-прежнему велик, но не случайным, внешним величием человека, вознесенного к вершинам власти, а внутренней свободой, сознанием собственной ответственности, которую он противопоставляет стоящей над ним силе судьбы.

Софокл был глубоко религиозным человеком. И не следует думать, будто он стремился опорочить эту силу судьбы. Как и многие его современники, он был убежден, что в мире царит непреложный закон высшей справедливости, недоступный пониманию людей. «Совершивший — терпит»—таков божественный принцип. И совершенно неважно, сознательно ли действует человек, знает ли он последствия своих поступков или нет. Этой космической силе нет никакого дела до его добрых или злых намерений — она лишь охраняет раз и навсегда установленный порядок мироздания, в который включается и человеческая жизнь.

На Эдипе лежит печать родового проклятья. Он отвечает за грехи Лайя, он обречен совершать поступки, которые требуют отмщения. Все в мире оказывается взаимосвязанным, в том числе и прошлое с настоящим и будущим. Слепота Эдипа приобретает символическое значение. Зрячий, он видит и понимает меньше, чем слепой прорицатель. Выколов себе глаза, он словно лишний раз напоминает о ничтожности обычного человеческого знания.

Люди отвечают за каждое свое действие, хотя им и не дано предусмотреть все его последствия. В сущности, любой шаг может оказаться нарушением каких-либо неведомых им законов. А между тем могущественный и неусыпный рок преследует их так, как если бы они были всезнающими и их разум мог охватить всю совокупность обстоятельств и сил, приходящих в движение и нарушающих равновесие мира. Стало

быть, самые лучшие побуждения, самая добрая воля не в состоянии предохранить человека от несчастья.

Вывод?

Перед нами проблема древняя, как мир. Как писал Пушкин: «Вот загадка моя, хитрый Эдип, разреши!» С одной стороны — подавляющая, непостижимая, противостоящая людям высшая сила. Она требует безусловной покорности и безжалостно карает всякого, кто пытается действовать по своему разумению. С другой — человек, который не в состоянии изменить мир, но остается верен своим внутренним требованиям добра и справедливости. Как должен он поступать? Смириться или остаться самим собой?

Миф не давал на это определенного ответа. У Софокла решение вполне определенное: человек всегда отвечает за свои поступки, он обязан действовать по законам своей совести. В этом величие Эдипа и его трагедия. Откажись он от поисков убийцы Лайя, от попыток проникнуть в тайны своего рождения, брось он город на произвол судьбы — кто знает, как сложилась бы его жизнь? Но тогда Эдип не был бы Эдипом. Тогда и не было бы трагедии!

* «ПИРРОВА ПОБЕДА»

В 279 году до нашей эры эпирский царь Пирр, воевавший с римлянами, нанес им жестокое поражение. И все же это событие не вызвало у него восторга. Подсчитав потери собственного войска, он уныло признался: «Еще одна такая победа над римлянами — и мы окончательно погибнем».

Подобной «самокритичности» явно не хватало Зевсу. Одолевая своих противников, он никогда не задумывался над тем, какой ценой достаются ему победы. Утверждая свой авторитет, он и мысли не допускал о возможности хотя бы малейшего морального ущерба для себя. Между тем века незаметно подтачивали его власть, а репутация безгрешного верховного владыки становилась все более и более запятнанной.

Когда-то олимпийские боги победили титанов. В сущности, в мифах нашли свое отражение древнейшие войны между племенами и крушение старых божеств, олицетворявших дикие силы природы. С появлением государства боги сделались в глазах людей покровителями мира, защитниками общества. Они стали воплощать в себе высшую силу и мудрость. И на первый план выдвинулись их моральные свойства. Олимпийцев считали носителями справедливости и законности. И, конечно, творцом высшей Правды являлся царь богов и людей. Его действия не подлежали обсуждению. сомневаться в правильности его решений не приходилось. Если Зевс карал людей и богов — значит, ему виднее и понятней их поступки. Допустить, что высший судья может ошибиться, древние греки не могли — иначе были бы потрясены основы всего мироздания.

Правда, немало мифов наводили на иные размышления: слишком уж часто Зевс выступал не в роли добродушного патриарха, снисходительно поглядывавшего на проделки богов и милосердного к людским заблуждениям, а действовал сурово, беспощадно и, главное, далеко не всегда справедливо. Приходилось както это объяснять. И древние придумали совершенно неотразимый довод: Зевс просто сам не всегда знает о том, что происходит среди смертных: события разворачиваются помимо его воли и решаются без его участия. Он не виноват в их трагическом исходе, а лишь подчиняется стоящей над ним силе — року. Стало быть, нечего на него и ответственность возлагать. Ведь был же однажды случай, когда на весах решалась судьба двух героев, сражавшихся под Троей, — Ахилла и Гектора. Зевс не мог повлиять на исход этого соревнования и лишь молча смотрел, ожидая, чья чаша перетянет. А дальше — он лишь выполнял веления рока.

Если же рок кажется кому-то слепым и беспощадным, то это потому, что людям не дано знать, какие законы движут миром. Им остается лишь верить и подчиняться.

Действительно, в течение всей античности рок оставался безликим, таинственным. Он внушал ужас и отчаяние, его боялись и проклинали, но... верили в него.

К Зевсу же постепенно стали относиться иначе: он был понятен в гневе и радости, его действия можно было объяснить, его слабости были известны всем. И страх перед ним со временем исчезал. Даже его победы нередко становились «пирровыми победами» — настолько ронял он себя в глазах своих почитателей.

Недовольство верховным владыкой обнаруживали и его олимпийские спутники. Обычно Зевс расправлялся с ними довольно быстро и убедительно. Однажды он не пощадил даже собственную жену, которая преследовала его внебрачного сына Геракла. Разгневанный царь богов проучил ее весьма убедительно: он подвесил Геру между небом и землей, приковав к ее ногам две огромные наковальни.

Но это наказание — пустяк по сравнению с тем, которое он придумал для другого божества, дерзнувшего выступить против него.

Зевс отлично понимал, что здесь уже одними цепями не обойтись. Он приказал приковать преступника к скале, находящейся на краю света, и пробить ему грудь копьем. И каждое утро его должен был навещать орел, который выклевывал печень страдальца, обладавшую зловещим свойством за ночь отрастать вновь.

Этим преступником был титан Прометей, восставший против тирании громовержца.

В мифах рассказывалось: когда боги сражались с титанами, Прометей поддержал олимпийцев. Но затем, увидев, что они не заботятся о людях, выступил в защиту смертных. Шел спор о жертвоприношениях, о том, что обязаны делать люди, чтобы удовлетворить богов. Прометей заколол быка и разделил тушу на две части. В одну кучу он положил кости, прикрыв их сверху блестящим жиром, в другую же — собрал все мясо и обернул его шкурой. «Выбирай свою долю», — предложил он Зевсу. И мудрому царю Олимпа не хватило проницательности: блестящий внешний вид ослепил его, и он остановил свой жадный взор на куче с костями. Вот почему с тех пор, как полагали греки, в жертву богам приносятся именно кости, то есть худшие части животного.

Неясно, что больше рассердило Зевса: невеселая перспектива питаться столь прозаическим продуктом или же столь грубый обман, на который он с такой легкостью поддался, — но он решил отыграться на людях и спрятал от них огонь. Тогда Прометей выкрал огонь из кузницы Гефеста и в полом тростнике отнес его людям. Не зря ведь его считали «огненосным титаном», покровителем огня. Даже в позднейшее время устраивали в его честь ежегодные празднества, сопровождавшиеся бегом с факелами. Защитник смертных научил их пользоваться огнем и спас от гибели.

Тогда Зевс отомстил им более тонким способом: он приказал создать обольстительную Пандору, которой суждено было открыть сосуд с несчастьями, распространившимися по земле.

Прометея же приковали к кавказской скале, и он обречен был на долгие муки, пока, наконец, не появился Геракл, убивший кровожадного орла и освободивший мученика. Но это произошло с ведома Зевса, который хотел, чтобы его сын еще больше прославился среди людей.

В глубокой древности признавали правоту Зевса: Прометей, конечно, народный заступник, но ведь он прежде всего хитрец и обманщик. И Гесиод, изложивший впервые этот миф, осуждает титана: ведь он, стремясь помочь людям, принес им лишь вред — разозлил Зевса, обрек человечество на новые страдания. Поэтому ослушник терпит заслуженное наказание.

Через два века после Гесиода к Прометею обратился «отец трагедии» — Эсхил. Он истолковал миф совсем по-иному. Поэт, мыслитель, гражданин, участник Марафонской битвы, Эсхил жил в эпоху переоценки устаревших ценностей, когда делала первые шаги античная наука, росло политическое сознание, когда в Афинах прочно утвердилась демократия, пришедшая на смену тирании. В трагедиях Эсхила отразились раздумья о судьбе человека, о его возможностях и правах. В них впервые был брошен откровенный и смелый вызов богам. Прометей у Эсхила — прежде всего борец, могучий покровитель человечества. Величие его дел не вызывает сомнений. Он

совершает подвиг во имя людей, и его конфликт с Зевсом приобретает подлинно трагический характер.

Вот мы пришли в далекий край земли,
В безлюдную пустыню диких скифов.
Теперь твоя обязанность, Гефест,
Приказ отца исполнить — к горным кручам
Вот этого злодея приковать...
Огонь украв, он смертным в дар принес и должен
За этот грех наказан быть богами,
Чтоб научился Зевса власть любить,
Свое оставив человеколюбье.

Этими словами начинается трагедия «Прикованный Прометей». Их произносит Власть, сопровождающая пленника и обязанная проследить за точным выполнением приказа.

С первых же строк смысл конфликта предельно обнажен: люди и боги. Интересы одних явно противоречат стремлениям других. Человеколюбие несовместимо с преданностью верховному владыке. Прометей сделал свой выбор, и вместе с ним к аналогичному решению приходили афинские зрители, присутствовавшие на спектакле. Беспрекословно подчиниться Зевсу и его законам значило поступиться человечностью. Правда богов, в которую раньше верили безоговорочно, не соответствует нормам человеческой морали. А раз так — тем хуже для бессмертных! Когда-то думали, что они дарят миру справедливость. А оказалось, что они деспоты, готовые принести любое несчастье людям, лишь бы сохранить свой авторитет.

Но вот Прометея приковывают к скале. Последние живые существа проходят перед ним в этот роковой час. По-разному они ведут себя, и все же...

Власть не имеет опасной привычки рассуждать. Она твердит, будто заученный урок: приказ надо выполнять. Прометей — преступник. Он виновен перед Зевсом. Он посмел спорить с ним, защищать людей. «Так пусть теперь наш умник знает, что его умнее Зевс!» Власть с истинным наслаждением наблюдает за исполнением приговора и не может отказать себе в удовольствии поиздеваться над поверженным (а стало быть, безопасным для нее!) титаном: «Вот теперь по-

смотрим, как тебе за добро отплатят люди и вызволят тебя из беды!»

Гефеста терзают угрызения совести. Все-таки свой же — бог, собрат, которого вряд ли стоило так называть. Но что поделаешь — высший закон, не подчиниться ему нельзя. И палач извиняется перед своей жертвой, он даже обвиняет Зевса в жестокости. Но идти против воли отца он не в состоянии, а с мнением его кто ж будет считаться!

Прилетает и старый соратник Прометея — седой титан Океан. Он готов помочь другу, замолвить за него слово перед Зевсом, хотя и рискует навлечь на себя гнев. Но, умудренный жизненным опытом, он все же советует Прометею: смирись, умолкни, перестань обличать громовержца.

Не лезь ты на рожон, не забывай,
Что правит никому не подотчетный
Суровый царь...
Но если дальше будешь ты бросать
Суровые, язвительные речи,
Услышит Зевс, хотя царит высоко,
И верь, что муки прежние тебе
Игрушкою покажутся...

Прометей знает цену подобной житейской мудрости. Понимает он и смысл красноречивых заверений в дружбе. Иронизируя над Океаном, он советует ему не беспокоить себя излишними хлопотами и не рисковать понапрасну: зачем без надобности раздражать повелителя? И старый титан охотно соглашается с его доводами: лучше промолчать, чем обречь себя на бессмысленные страдания — все равно ведь Прометею не поможешь. Осторожность и терпение — вот что остается «доброму», «мудрому» Океану.

И, наконец, появляется вездесущий Гермес — лукавый искуситель. Его послал Зевс, чтобы он вырвал у Прометея страшную тайну: поверженный пленник, оказывается, не ограничивается одними проклятьями, он осмеливается еще грозить громовержцу. Он предрекает ему падение:

Пусть действует, пусть правит кратковременно
Как хочет. Будет он недолго царь богов...

Как гибели избегнуть, из богов никто
Сказать не может Зевсу. Только я один,
Я знаю, где спасенье. Так пускай царит,
В руке стрелою потрясая огненной.
Нет, не помогут молнии. В прах рухнет он
Крушением постыдным и чудовищным.

И вот Гермес должен выведать, что же именно может угрожать Зевсу, откуда ожидать опасность. Прометей лишь приоткрывает завесу: один из будущих сыновей Зевса окажется сильнее отца. Но от кого родится этот сын? Этого Прометей говорить не собирается. Зевс действительно попал в сложное положение: ему, пылкому и увлекающемуся, надо отказаться от женской любви? Разве это возможно? Необходимо во что бы то ни стало узнать, какой возлюбленной ему опасаться.

Гермес пускает в ход все уловки: льстит, уговаривает, угрожает, но титан остается непреклонным. Он презирает холуйство вестника богов и бросает ему в лицо:

Знай хорошо, что я б не променял
Своих скорбей на рабское служенье.

Беспомощный, скованный цепями пленник продолжает бороться. В этом его сила и его трагедия. Трагедия в том, что он заранее знал, что произойдет с ним. И тогда, когда похищал огонь, и тогда, когда обучал людей ремеслу и искусству, он понимал: все это — вопреки Зевсу, намеревавшемуся уничтожить человечество. Прометей с гордостью вспоминает: он дал людям грамоту, познакомил их с науками, изобрел лекарства, научил строить корабли, добывать из земли металлы — словом, сделал их умнее и сильнее. А чтобы избавить их от страданий, он вселил в них надежду, отнятую Зевсом, и лишил дара предвидения. И Зевс, который когда-то воспользовался его поддержкой, придя к власти, по-своему отплатил своему бывшему союзнику.

Впрочем, что ж удивляться:

Ведь всем тиранам свойственна боязнь
Преступной недоверчивости к другу.

Трагично и то, что Прометей не может надеяться на помощь тех, ради кого он страдает. Ведь люди боятся верховного владыки. Многие из них, привыкнув к деспотизму, уже не способны возмущаться его жестокостями. Другие, трезвые и благоразумные, доказывают, что борьба и любая иная форма протеста обречены на неудачу. Третьи... Третьи вообще оправдывают произвол соображениями высшей, недоступной их пониманию необходимости. Как с горечью признавался Прометей, «будучи милосердным, к себе я не дождался жалости».

Наконец, трагедия титана в том, что он держит в собственных руках средство своего освобождения: ему достаточно смириться, назвать имя морской девы Фетиды (матери Ахилла) — и он будет свободным. Правда, тогда Прометей предаст человечество, изменит своей совести, самому себе. Но этот путь для него закрыт. И он идет навстречу своей судьбе — побежденный, которого боится победитель. «Самый благородный святой и мученик в философском календаре», как назвал его Маркс.

В глазах современников Эсхила Прометей был величественным героем. Таким он сохранился в памяти потомков на многие века. Не случайно к нему обращались писатели разных стран и эпох, видя в нем образец тираноборца и защитника людей. «Филантроп» — так охарактеризовал его Эсхил, придумавший это слово.

Но, возвеличивая бунтующего титана, трагедия одновременно наносила смертельный удар его врагам— олимпийцам и их владыке — Зевсу.

Это вовсе не значит, что великий драматург V века до нашей эры был убежденным атеистом. Эсхил верил в существование правящей над миром особой, высшей справедливости. Но если раньше ее связывали с конкретными богами, то теперь речь идет о том, что Правда не подвластна им. Мало того, что олимпийцы не дали ее людям, они и сами не следуют ей. Высшая Правда, истина, по Эсхилу, вне времени и пространства, она проникает всюду, она организует мироздание. И никакой верховный владыка — такой же человекоподоб-

ный бог, как и все остальные, не может быть единственным источником этой истины. И именно Зевс меньше чем кто-либо имеет право претендовать на это. Ведь Зевс — тиран, человеконенавистник. Он коварен, жесток, мстителен. Он запятнал себя скандальными похождениями и любовными интригами. Он слишком многого не знает и не способен понять.

Эсхил отрицает не божество вообще, а именно такого, конкретного бога и его спутников.

> О нас давно уж боги не заботятся,
> Обрадуются, разве лишь про смерть узнав, —

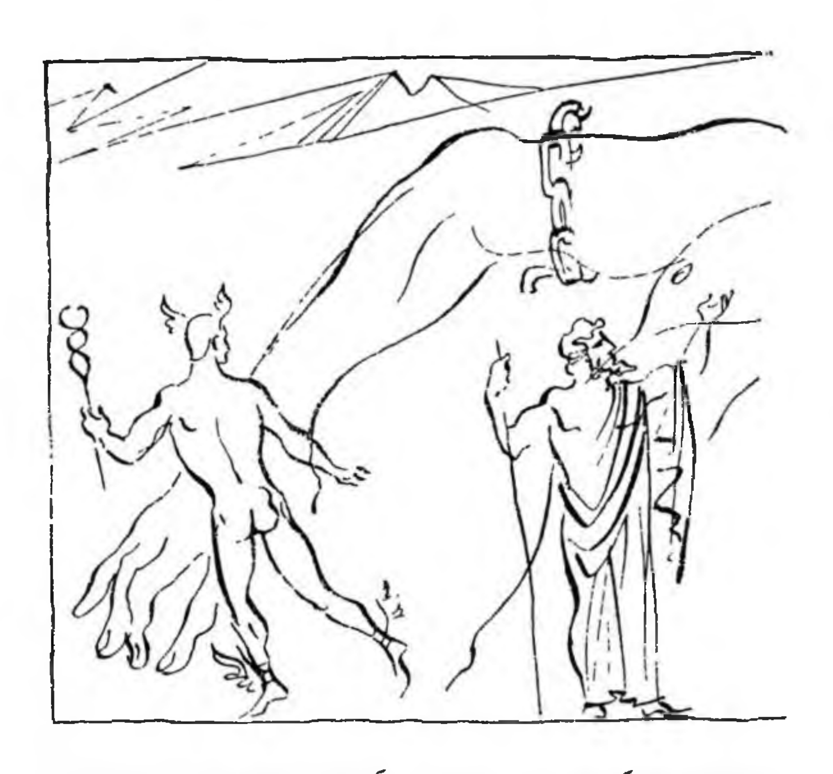
говорится в одной из его трагедий.

> ...Но разве вам не кажется,
> Что царь богов воистину безжалостен
> Ко всем живущим? —

спрашивает он в другой.

Требование справедливости от богов было всеобщим в те времена, и потому нередко поэты и драматурги упрекают олимпийцев за то, что на земле царят ложь, насилие, лицемерие. Мысль греков не в состоянии была примирить земные беды с существованием всевидящих и всемогущих олимпийцев. Рано или поздно должно было наступить разочарование в богах, и в первую очередь — в Зевсе. Разоблачая верховного владыку, Эсхил особо выделяет одно обстоятельство: все пороки Зевса порождены его положением на Олимпе. Он — единоличный правитель, самодержец, деспот. И, как всякий тиран, он завистлив и недоверчив, жесток и коварен, самовлюблен и преисполнен сознания собственной непогрешимости.

Слово «тиран» не сразу приобрело тот смысл, который вкладывают в него сейчас. Когда-то так называли любого правителя, которому власть досталась не по наследству, а благодаря захвату. В VII—VI веках до нашей эры тирания являлась довольно распространенной формой правления в греческих городах. Когда рушилась власть старой, родовой знати и поднимались новые общественные слои, когда возникали смуты среди граждан, приводившие к вооруженным столкновениям, в тирании видели выход, «залог мира и порядка в государстве». Тираны, при-

шедшие к власти, как бы вставали над борющимися группировками, заигрывали с народом, проводили реформы в его пользу. И все-таки даже самые умеренные и осторожные правители вызывали в конце концов недовольство. Единовластие и бесконтрольность неизбежно приводили к беззакониям. Право самолично решать судьбу людей, распоряжаться крупными средствами, сознание полной безнаказанности за свои действия — все это приводило к тому, что тиран становился настоящим деспотом. Вред тирании был велик. Она развращала граждан, поощряла самые низменные инстинкты, плодила доносчиков, подхалимов, трусов; она отучала людей самостоятельно мыслить и действовать.

О тиранах рассказывали многие античные писатели. И все подмечали общие черты, характеризующие

самовластцев. Обязательным условием тирании они считали равнодушие народа к политическим делам, его бессилие, неумение, а иногда и нежелание разобраться в происходящем Тиран мог действовать лишь в обстановке взаимного недоверия в государстве и, как правило, сам не отличался особой храбростью. «Беднее всех мужеством — тираны», — утверждал Платон.

«Ни в ком нет столько строптивости и непослушания, как в том, кто достиг, как ему кажется, полного счастья, — писал Плутарх. — Правителю следует прежде всего подчинить своей власти самого себя, выпрямить свою душу и упорядочить нравы, ибо не дело неуча учить, ни тому, кто не умеет покоряться, требовать покорности от других». Если же чего-то и должны бояться верховные владыки, то лишь того,

чтобы их подданным не причинить зла, ибо «опасно, как бы тот, кто может делать, что хочет, не захотел того, что не должен».

«Истинные цари, — заключал писатель-моралист, — боятся за подданных, тираны же — самих подданных, и вместе с могуществом растет их боязливость».

Страх загнал аргосского тирана Аристодема на верхний этаж дома, откуда ночью убиралась лестница, чтобы никто не мог проникнуть в спальню. Понтийский же тиран Клеарх открыл более надежное убежище и предпочел спать... в сундуке.

Оснований для страха было достаточно. Страха перед расплатой за содеянное. Опасений потерять власть. Тираны боялись и врагов и друзей, всех людей меряя лишь одной, своей меркой. Знаменитый сицилийский тиран Дионисий, живший в V—IV веках до нашей эры, откровенно признавался: «Тирания преисполнена множества зол, но нет среди них большего, нежели то, что ни один из так называемых друзей не говорит с тобой откровенно». Недоверчивость и трусость довели его до того, что он даже перестал стричься, лишь бы не подпускать к себе цирюльника с ножом в руках, и предпочитал, чтоб ему опаляли волосы тлеющим углем. Собственных брата и сына он впускал в комнату, заставляя сначала переодеться в присутствии стражи. «Друзьям доверять нельзя, — говорил он, — ведь если они люди разумные, то сами предпочтут стать тиранами, чем подчиняться чужой власти».

Не удивительно, что Дионисий как издевку воспринял восторженные речи своего приближенного Дамокла, назвавшего тирана счастливейшим из смертных. Чтоб показать ему, какое это счастье — жить в постоянном страхе, Дионисий во время пира усадил завистника на свое место. Подняв голову, тот мог убедиться воочию, сколь безмятежна и безопасна жизнь правителя: над ним висел на конском волосе, готовом ежеминутно оборваться, меч. Этот «дамоклов меч» был напоминанием всем тиранам о вечных опасностях, окружающих их.

Через две с лишним тысячи лет французский философ-просветитель Дидро в издававшейся им «Энциклопедии» поместит статью «Тираны», где, между прочим, заметит: «Если мир и знает нескольких счастливых тиранов, наслаждавшихся плодами своих злодеяний, то таких примеров немного, и нет ничего более удивительного, чем тиран, умирающий в своей постели».

Требуя беспрекословного подчинения, деспоты нуждались в послушных исполнителях. Честным и смелым людям не было места при дворе самодержцев. И самую главную опасность тирании греки видели именно в том, что она превращает свободного гражданина в раба, неспособного мыслить самостоятельно и отвечать за свои поступки.

Об этом вспомнил в последние минуты своей жизни римский полководец Помпей Великий. Потерпев поражение от своего могучего соперника — Юлия Цезаря, он бежал в Египет. Спускаясь в лодку перед высадкой на берег и увидев поджидавшую его почетную стражу (которой было приказано немедленно отрубить ему голову), Помпей процитировал Софокла:

Когда к тирану в дом войдет свободный муж,
Он в тот же самый миг становится рабом.

Афиняне избавились от тирании в конце VI века до нашей эры, изгнав потомков Писистрата. Наученные горьким опытом, они приняли ряд законов, которые, как им казалось, должны были застраховать их на будущее от подобных случаев. В 508 году афинский реформатор Клисфен ввел закон, по которому каждого человека, подозреваемого в честолюбивых стремлениях, пользующегося большим влиянием и способного захватить власть, можно было изгнать на 10 лет за пределы государства. Этот суд, своеобразное голосование черепками, назывался «остракизмом». Он просуществовал 90 лет и отнюдь не убедил афинян в том, что подобная мера гарантирует сохранность демократии. Известно, что в конце V века до нашей эры в Афинах на короткий срок уста-

новилось правление 30 тиранов. Дело, следовательно, заключалось не в законах, а в реальной силе.

Но когда появилась трагедия Эсхила, воспоминания о борьбе с тиранией были еще свежи. И потому столь ненавистной должна была казаться безграничная власть Зевса, требующего полной покорности не только от людей, но и от богов. Трагедия имела огромный успех у зрителей и утвердила славу Эсхила как величайшего драматурга того времени, дерзнувшего бросить вызов богам и безоговорочно осудившего их.

Правда, рассказывали, что Зевс все-таки отомстил смельчаку. Последние годы жизни Эсхил проводил в Сицилии. И там однажды высоко в небе появился орел, поймавший черепаху и выискивавший, обо что бы ему расколоть ее твердый панцирь. Увидев сверху голый череп Эсхила, орел принял его за камень и сбросил свою добычу прямо на голову поэта. Этот удар и оборвал его жизнь. Зевс мог торжествовать очередную победу. Но это была победа обреченного.

Престиж олимпийцев был подорван.

Разумеется, верования вовсе не исчезли. Но все чаще и чаще греческие мыслители обращаются к самой идее божества, как к какой-то всемирной, беспредельной, таинственной силе. Конкретные, очеловеченные боги, чьи биографии составили Гомер и Гесиод, не внушали больше доверия. Они не были ни нравственными, ни всеведущими, ни всемогущими. Боги, которые, по словам Маркса, были «смертельно ранены» в «Прикованном Прометее», одержали поистине «пиррову победу» над титаном. Они даже не подозревали, что им осталось жить лишь несколько веков. Прометею же, подарившему людям огонь разума, суждено было остаться бессмертным.

* КОРОЛЬ УМЕР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

Пират Дикеарх, состоявший на службе у македонского царя Филиппа V (правившего в конце III — начале II века до нашей эры), славился

своей дерзостью. Мало того, что он совершал разбойничьи набеги и обращал пленников в рабов, у него хватило смелости унизить самих олимпийцев. Человек «безбожный и беззаконный» (так называет его греческий историк Полибий), он был явно не удовлетворен деятельностью старых богов и нашел себе новых покровителей. Пират воздвиг алтари двум божествам — Нечестивости и Беззаконию.

Разумеется, в то время это считалось святотатством. И все же... Как много изменилось в мире, если стало возможным подобное богохульство. Куда девались почтение и страх, которые внушали прежде столь грозные обитатели Олимпа?!

Мы уже говорили о том, что постепенно авторитет богов падал все ниже и ниже. Сначала они казались всесильными и таинственными. Их боялись и безоговорочно признавали их власть. Они олицетворяли природу и не обладали никакими моральными свойствами.

Но люди все больше познавали окружающий их мир, осмысливали причины событий и их следствия, находили закономерности явлений. Боги все чаще выступают теперь как организующее начало, как носители строгого порядка. Они все больше очеловечиваются, все тесней связываются с жизнью общества, становятся источником добра, правды, справедливости.

Но уже здесь таилась опасность. Мифы давали богатый материал для того, чтобы сопоставить действия богов и людей, и нередко обнаруживалось явное несоответствие божественных принципов человеческим идеалам. И эллины начали сомневаться: так ли уж справедливы и всемогущи боги? Всегда ли они правы? Можно ли считать безупречным порядок, установленный ими на земле?

Наступление на олимпийцев шло с разных сторон. Наука вытесняла их из природных сфер. Физика, медицина, география, биология и, конечно, философия оставляли богам все меньше места на земле. А астрономия успешно разобралась в небесных явлениях, вовсе не испытывая потребности в божественном вме-

шательстве. Правда, многие астрономические открытия и оценки были неточными, приблизительными, и средневековая Европа получила в наследство от античности не гениальную догадку о вращении Земли вокруг Солнца, а систему египетского астронома II века Клавдия Птолемея, сделавшего неподвижную Землю центром мироздания и гордо заявившего в эпиграмме самому себе:

Звездные в небе дороги и лунное круговращенье
Я, хитроумно раскрыв, изложил в своих сочиненьях.

И все же вера в богов — не богов вообще, а именно в тех веселых и грозных человекообразных обитателей Олимпа — оказалась подорванной.

Начались нападки на Гомера и Гесиода, выставлявших богов в столь неприглядном свете. Открыто признавалось, как писал Геродот, что Гомер и Гесиод «создали родословную богов, дали им прозвища, распределили между ними почетные обязанности и круг действий и установили внешний облик каждого». Уже в VI веке Пиндар требовал: «О богах нужно всегда говорить людям лишь прекрасное», — и возмущался мифами, рассказывавшими о недостойных поступках олимпийцев. Через сто лет Софокл будет призывать:

Гляди лишь на богов, хотя б неправо
Идти велели, все же так иди —
Позора нет в велениях богов!

Однако правды и справедливости в велениях свыше смертные все-таки не находили. Эсхил еще, как мы видели, верит в мировой порядок, но отнюдь не олимпийцы являются его носителями.

Я ненавижу всех богов: они
Мне за добро мучением воздали, —

бросает вызов богам прикованный Прометей. А спустя несколько десятилетий в произведениях третьего великого древнегреческого драматурга — Еврипида — уже не гордый титан, а простые смертные начнут возмущаться теми, в чьих руках судьбы мира.

Они не боги, коль от них исходит зло...
Зачем терпеть страданья? Лучше умереть.
Труда нет никакого почитать богов.

Еврипид, написавший около 90 пьес, при жизни не мог соперничать славой с Эсхилом и Софоклом. Однако после смерти его популярность стала ничуть не меньшей. Сравнивая его с Софоклом, говорили, что тот изображает героев, какими они должны быть, в то время как Еврипид показывает, каковы они в действительности. «Отец комедии» Аристофан, восхваляя Эсхила за то, что он своей поэзией воспитывал бойцов Марафона и Саламина, обвинял Еврипида в том, что он испортил людей — он заставил их сомневаться. Еврипида называли «философом на сцене», а ведь, как заметил в свое время Дидро, «первый шаг к философии — неверие».

Трагедии Еврипида по-прежнему основаны на мифах. Но мифы становятся для него материалом, позволяющим выразить совсем иные идеи — те, которые волновали его современников. Боги в трагедиях Еврипида коварны, мстительны и несправедливы. Именно они виноваты в том, что на земле царят ложь и насилие, тирания и рабство. А если это так, то спрашивается, кому вообще нужны подобные боги? Еврипид явно сомневается в существовании таких богов, какими их представляли Гомер и Гесиод. Один из его героев даже взлетает на небо, чтобы убедиться в своих подозрениях, и приходит к выводу: кто видит на земле неправду и насилие, поймет, что богов вовсе нет, что рассказы о них — пустая сказка.

На небе боги есть... Так говорят!..
Нет! Нет! Их нет! И у кого крупица
Хотя бы есть ума, не станет верить
Сказаньям старым. Чтоб моих вам слов
Не принимать на веру, докажу вам.
Тиран людей без счета убивает
И грабит их добро; клятвопреступник
Подчас опустошает целый город,
Злодействуя, — и все ж живет счастливей
Безгрешного, покоем наслаждаясь
И без заботы проводя свой век.

Богобоязненных, но очень слабых
Немало мне известно городов:
Они дрожат, подавленные силой
Других держав — могучих, но безбожных.

Ученик Еврипида выскажется еще более решительно: боги — выдумка хитрых людей, которые придумали сказку, чтобы запугивать людей и держать их в покорности.

Философ Евгемер, живший в конце IV—III веке до нашей эры, тоже отыскивает вполне земные причины, породившие богов: боги — это всего лишь бывшие правители и герои, которых обожествили после их смерти.

Правда, не следует думать, будто атеизм охватил широкие слои эллинов. От отрицания мифологических образов до полного безверия — дистанция огромного размера. Даже крупнейший философ-материалист IV века до нашей эры Эпикур отнюдь не отрицал существования богов вообще — он лишь отводил им весьма скромное место где-то в неведомых сферах, где они ведут незаметную жизнь, никак не вмешиваясь в земные дела.

Как известно, все на свете боится времени. Его неотвратимую поступь ощутили на себе и эллины и их божественные заступники. Греческий поэт Алфей, живший на рубеже нашей эры, когда Эллада утратила независимость и стала частью Римской державы, в отчаянии призывал, хотя и не рассчитывал, что его призыв будет услышан:

Бог, затвори на Олимпе стоящие праздно ворота,
Бдительно, Зевс, охраняй замок эфирных богов!
Рима копье подчинило себе уж и землю, и море;
Только на небо еще не проложило пути.

А через несколько веков один из самых известных поэтов своего времени, Паллад Александрийский, напишет эпиграмму на статую Геракла:

Медного Зевсова сына, которому прежде молились,
Видел поверженным я на перекрестке дорог
И в изумленье сказал: «О трехлунный, защитник от бедствий,
Непобедимый досель, в прахе лежишь ты теперь!»

Ночью явился мне бог и в ответ произнес, улыбаясь:
«Времени силу и мне, богу, пришлось испытать».

Мифология как определенная система религиозного мировоззрения утратила свое значение. В классическую эпоху в мифы уже верят мало, они становятся средством для выражения новых, социальных и политических идей. И постепенно от этого первобытного фольклора остается лишь внешняя художественная форма, которую с успехом используют литература, театр, изобразительное искусство.

А верования?

Они тоже неизбежно должны были измениться. Люди разочаровались в прежних богах, они не нашли божественной справедливости ни на небесах, ни на земле. Отчаявшись изменить земные порядки, они все чаще обращались к мысли о загробном блаженстве, о приходе иного, милосердного и единственного бога, который освободит их от страданий и установит новые законы. Со временем и появилась новая система религиозных воззрений, сменившая старые представления о богах. Это было христианство.

Олимпийцы были вытеснены. К мифам стали относиться лишь как к наивным выдумкам, а над богами, перед которыми некогда трепетали, стали смеяться. Смех был тем оружием, которое окончательно сокрушило олимпийцев. Им и воспользовался живший во II веке нашей эры крупнейший сатирик античности Лукиан из Самосаты, которого Энгельс назвал «Вольтером классической древности».

Он вновь обратился к мифам — специально для того, чтобы «снизить» божественные образы, представить богов в комическом свете и разоблачить суеверия. В своих многочисленных произведениях-диалогах — «Разговоры богов», «Прометей», «Разговоры в царстве мертвых», «Морские разговоры», «Зевс уличаемый», «Гермес и Харон» — он изобразил олимпийских владык ничтожными, корыстными и завистливыми существами, заботящимися лишь об удовлетворении своих прихотей. Традиционные старинные мифы получают совершенно иное и неожиданное толкование.

Оказывается, жизнь на Олимпе вовсе не безмятежна, и боги отнюдь не чувствуют себя счастливыми, изнемогая под бременем многочисленных забот. Зевс, например, признается: «Чтоб они погибли, все философы, которые говорят, что счастье живет только среди богов! Если б они знали, сколько мы терпим от людей, они не стали бы... считать нас блаженными, поверив Гомеру... Вот хотя бы Гелиос, как только заложит колесницу, весь день носится по небу, одевшись в огонь и сверкая лучами, не имея времени даже, чтобы почесать за ухом... Аполлон же, взявший себе в удел многосложное искусство, почти оглох на оба уха от крика всех тех, которые пристают к нему, нуждаясь в прорицаниях... Куда бы ни призвала его пророчица... бог должен сейчас же явиться и сразу давать прорицания, иначе слава его искусства пропала... Мне же, царю и отцу всех, сколько приходится переносить неприятностей, какое множество у меня дел, сколько нужно разрешить затруднений! Во-первых, мне необходимо следить за работой всех остальных богов, принимающих со мной участие в управлении, и наблюдать, чтоб они не ленились. Затем, у меня самого бесчисленное множество дел, почти непонятных по своей тонкости... Если мы хоть немного вздремнем, сейчас же является любитель истины Эпикур и начинает нас изобличать в том, что мы не заботимся о делах мира. И нельзя с легким сердцем пренебрегать опасностью, что люди ему поверят: тогда наши храмы останутся без венков, улицы — без запаха жертвенного дыма, сосуды перестанут употреблять для возлияний, жертвенники остынут, и вообще не будет больше жертвоприношений и наступит великий голод».

Но самым несчастным среди богов чувствует себя Гермес, который буквально разрывается на части, чтобы выполнять свои весьма разнообразные обязанности: «Лишь только встану поутру, сейчас надо идти выметать столовую. Едва успею привести в порядок места для возлежания... нужно являться к Зевсу и разносить по земле его приказания, бегая без устали туда и обратно; только это кончится, я, весь еще в

пыли, уже должен подавать на стол амброзию... И ужаснее всего то, что я, единственный из всех богов, по ночам не сплю, а должен водить к Плутону умерших, должен быть проводником покойников и присутствовать на подземном суде».

Многого ли стоят эти божеские хлопоты? Действительно ли обитатели Олимпа заботятся о благе людей? Всегда ли они сами поступают справедливо?

«Я уже охрип от молитв, на которые Зевс не обращает никакого внимания,— признается один жрец,— он знай себе с грозным видом потрясает эгидой и мечет громы, устрашая тех, кто докучает ему просьбами. Если иной раз он вздумает прислушаться к чьей-нибудь молитве и послать человеку богатство, это делается без разбора, и нередко Зевс забывает о людях порядочных и умных и осыпает золотом отъявленных негодяев и дураков».

Но, может быть, люди необъективны в оценках? Не лучше ли спросить самих олимпийцев, что они думают о своей благотворительной деятельности? И Лукиан предоставляет слово сыну ночи Мому, который некогда обитал на Олимпе. Любитель позлословить, он вечно высмеивал бессмертных, критикуя каждый их поступок (кончилось это для него весьма печально: по одной мифологической версии — Зевс, не выдержав, изгнал его с Олимпа, а по другой — Мом, не обнаружив в Афродите никаких недостатков, просто лопнул от злости).

У Лукиана Мом выносит приговор своим коллегам. Он упрекает их в равнодушии к людям, в том, что по вине богов происходят неурядицы и нет порядка на земле: «Святотатцы не несут никакого наказания и остаются неразоблаченными. Те из людей, кто порядочен, погибают от бедности, болезней, рабства... Естественно, что о нас складывается суждение, будто мы вовсе не существуем... Да мы должны радоваться, если нам еще жертвы приносят после таких прегрешений!»

Лукиан все время напоминает: люди создали богов, а не наоборот, поэтому нельзя доверять ни одному мифу, где боги будто бы вмешиваются в дела

смертных. Нелепо всерьез принимать рассказы древних писателей и поэтов, «письмом закреплявших ложь». «Право, мне часто стыдно бывает за них, когда они начинают повествовать об оскоплении Урана, об оковах Прометея, о мятеже гигантов, о всех трагедиях обители Аида, о том, как Зевс из-за любви становится быком или лебедем...» И сатирик вскрывает абсолютно прозаическую подоплеку в действиях богов и героев, которые некогда служили образцом мужества и величия.

Битва с титанами? Свержение Крона, пожиравшего своих детей? Все было иначе — проще, спокойней, будничней. Крон рассказывает: «Мы с Зевсом вовсе не воевали, а я по своей воле уступил ему власть. Я уже стар и страдаю подагрой — из-за этого, вероятно, многие думают, что я по рукам и ногам скован цепями. Мне было не под силу расправляться со злодеями, которых развелось видимо-невидимо... Вот я и почел за благо уступить царство Зевсу. Да и вообще говоря, мне показалось разумней разделить царство между детьми, а самому на покое блаженствовать за угощением, не слушать молитв, не тревожиться тем, что просьбы людей несовместимы друг с другом, не метать гром и молнию. А Зевс правит — и у него куча обязанностей».

Грандиозный поход под Трою? Героические подвиги, воспетые Гомером? Война, принесшая славу грекам? А заслуживает ли она такого восхищения? Во имя чего пролито столько крови? Философ Менипп беседует с Гермесом в подземном царстве:

— Где же красавцы и красавицы, Гермес?

— Посмотри сюда: здесь Гиацинт, Нарцисс, Ахилл, Елена и вообще вся древняя красота.

— Я вижу лишь кости да черепа без тела, мало отличающиеся друг от друга.

— Однако это именно те, которых все поэты воспевают... Вот этот череп и есть Елена.

— Значит, из-за этого черепа целая тысяча кораблей была наполнена воинами со всей Эллады, из-за него пало столько эллинов и варваров и столько городов было разрушено!

— Менипп, ты не видал этой женщины живой. Если бы ты мог ее тогда видеть, ты сказал бы, как все: нельзя возмущаться, что

...троянцы и дети ахейцев
Из-за подобной жены бесконечные бедствия терпят,

Ведь и цветы, засохшие и поблекшие, покажутся тому, кто смотрит на них, безобразными, а между тем в своем расцвете и свежести они прекрасны.

— Вот меня и удивляет, как это ахейцы не понимали, что сражаются за то, что кратковременно и скоро отцветает».

Подробно пересказывая мифы, развенчивая их героев, Лукин издевается над бессмысленными идеями о переселении душ, над верой в божественный промысел, будто правящий миром. В его изображении боги выглядят не только мелкими, развратными, нечестными, а подчас и глупыми, они прежде всего бессильны и в лучшем случае являются орудиями в руках судьбы. Вышучивая двусмысленные пророчества, он разоблачает и бесчисленных шарлатанов, использовавших в корыстных целях народные суеверия и распространившуюся в I—II веках жажду чудес.

Старинная религия уходила с исторической сцены, и человечество со смехом расставалось с ней. Как заметил Маркс, «богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в «Беседах» Лукиана. Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым».

Мифология как часть древней религии, как определенная система мировоззрения, объяснявшая мир, погибла.

Мифология как сказочная, поэтическая форма продолжала жить. Ее образы воскресли в эпоху Возрождения, к ним обращались крупнейшие поэты и писатели. Мифологические сюжеты давали богатейший материал живописцам, скульпторам, композито-

рам. Крылатые выражения, сохраненные (или придуманные) древними авторами, вошли в наш обиход.

Человечество повзрослело. Оно уже не может объявлять мифы сплошной выдумкой. Оно пытается отыскать в них реальный исторический смысл, скрытый за далью веков. А боги? Как писал Фридрих Шиллер,

> В царство сказок возвратились боги,
> Покидая мир, который сам,
> Возмужав, уже без их подмоги
> Может плыть по небесам,

СОДЕРЖАНИЕ